Геннадий Дмитриев

Я был капитаном Фицроем

Записки пациента клиники для душевнобольных

Одесса 1996 – 2016 год

Оглавление

Мария Петровна 3
Вместо введения 9
Адмирал Пацюк 14
Капитан Джеймс Фицрой 19
Береговое братство 24
Королевские пираты 36
Королевский бал 54
Полетное задание 59
Записки капитана Фирсова 66
15 августа 2003 66
16 августа 2003 года, семнадцать часов 69
16 августа 2003 года, восемнадцать тридцать 72
Дежавю 74
Записки капитана Фирсова 78
16 августа 2003 года, двадцать пятнадцать 78
Тортуга 81
Предательство 89
Записки капитана Фирсова 91
16 августа 2003 года, двадцать один десять 91
17 августа 2003 года, ночь 93
Предательство 96
Записки капитана Фирсова 104
19 августа 2003 года 104
27 августа 2003 года 105
Побег 106
Записки капитана Фирсова 110
29 августа 2003 года 110
5 сентября 2003 года 112
Погоня 113
Записки капитана Фирсова 117
Ноябрь 2003 года 117
Израэль Гендс 118
Записки капитана Фирсова 124
Декабрь 2003 года 124
Пролив Дьявола 128
Записки капитана Фирсова 131
Январь 2004 года 131
Мария Петровна 134

Мария Петровна

Мне никогда не приходилось бывать в Соединенных Штатах Америки, да и, по правде говоря, желания побывать там никогда не возникало, несмотря на тягу к путешествиям, меня не манили ни Париж, ни Лондон, ни Берлин, ни прочие знаменитые города. Известные достопримечательности Европы, Америки и иных материков меня не волновали. Страстного желания увидеть своими глазами картинки, которые чуть ли не ежедневно мелькали на телевизионном экране, у меня никогда не было, влекли меня к себе места дикие, неизведанные, полные тайн и загадок, но возможности посетить подобные места у меня не было, да и не могло быть, ведь профессия моя весьма далека от этого, я не был ни полярным исследователем, ни геологом, ни путешественником, а просто преподавал в университете вычислительную математику, хотя периодически я и ходил с рюкзаком по горам, но выше Ай-Петри и Роман-Кош забираться мне не приходилось.

Возможно, я никогда бы не побывал бы в Америке, если бы не случай. Как-то невзначай встретил я своего старого школьного товарища Игоря Ветлицкого, с которым учились в одном классе и даже некоторое время сидели за одной партой. Я просто стоял на остановке десятого трамвая, на Тираспольской площади, и ждал, когда подойдет мой вагон, как вдруг кто-то меня окликнул. Я обернулся, но не сразу узнал его, с удивлением на лице тупо смотрел я на человека, обратившегося ко мне по имени, пытаясь сообразить, где и когда я мог его видеть.

- Ну что, не узнаешь, старик? – лицо его расплылось в приветливой улыбке, – это же я, Игорь!

- Боже мой! – вырвалось у меня. – Никогда бы не узнал!

Время изменило нас, мы постарели, поседели, облысели, восторженный блеск, свойственный юности, давно потух в наших глазах, шутливое обращение друг к другу «старик», обрело суровую реальность, нас разбросало по разным местам, и я не виделся со своими одноклассниками со времени окончания школы. Игорь Ветлицкий волею судьбы очутился в Штатах, где преподавал в университете и занимался исследованиями в области ядерной физики. После школы он поступил на физический факультет МГУ, я же подался в родной Одесский университет имени Мечникова, на мехмат, после аспирантуры и защиты кандидатской диссертации стал преподавателем. Особых высот в науке я не достиг, и скромная должность доцента кафедры вполне удовлетворяла меня. Но теперь и это уже в прошлом, я вышел на пен-

сию и занялся литературным творчеством. Иногда мои рассказы публиковали в местных журналах, но чаще всего они утопали в бездонном море литературных ресурсов интернета.

Игорь приехал в Одессу на несколько дней, проведать своих родственников, и видимо судьба распорядилась так, что мы совершенно случайно встретились на трамвайной остановке.

- Зайдем куда-нибудь, посидим, – предложил он.

- Куда? Сейчас все везде дорого, а у меня ресурсы перед пенсией практически на нуле.

- Помнишь мороженое с шипучкой в Городском саду?

- Помню, конечно, но сейчас там уже все по-другому, там крутой ресторан, не по карману.

- Да ладно, старик, не парься, найдем ресурсы.

Через несколько минут, оживленно беседуя, мы уже были у Городского сада. Там ничего не напоминало то, что было много лет назад, мы сели за столик, к нам подошел официант и застыл перед нами в ожидании заказа.

- Что Вам предложить?

- Бутылку белого шипучего и крем-брюле, – ответил я.

Официант не понял, лицо его изумленно вытянулось, немое недоумение застыло в глазах.

- Мой друг пошутил, – улыбнулся Игорь, – это подавали здесь лет сорок назад, во времена нашей юности. Принесите нам белого мартини и чего-нибудь сладкого, да, и мороженое, две порции.

Мы сидели, вспоминали наших школьных друзей, и после третьей рюмки Игорь, как бы в шутку, предложил мне приехать к нему в гости в Америку, а я, так же в шутку, отказался, но, когда бутылка мартини опустела, ему удалось уговорить меня, хотя я по-прежнему серьезно его предложение не воспринимал. Я был искренне удивлен, когда через несколько месяцев получил от него официальное приглашение и указание о том, где и как получить оформленный на мое имя билет. И вот я уже в аэропорту жду приглашения на посадку в самолет.

Посадку объявили, толпа пассажиров двинулась к перрону, на котором ожидал нас «боинг» какой-то американской авиакомпании, но перед самым самолетом нас остановили и вернули обратно в здание аэровокзала. Кто-то позвонил и сообщил, что в самолет заложена бомба, придется ждать, когда приедут саперы и обследуют самолет.

- Дурдом какой-то, – возмущенно сказал я женщине, стоявшей справа

среди толпы пассажиров.

Она посмотрела на меня спокойным осуждающим взглядом и тихо спросила:

- А Вы сами когда-нибудь были в дурдоме?

- Да как-то не пришлось, – ответил я смутившись.

- А я тридцать лет проработала врачом психиатром в психоневрологической клинике.

- Простите, так, вырвалось, – ответил я, смутившись еще больше.

- Не извиняйтесь, сравнение с дурдомом – привычные стереотипы, а я там познакомилась с человеком, который стал мне очень дорог, он не был болен, его держали там по политическим соображениям.

- Диссидент? Это было в советские времена?

- Нет, диссидентом он не был, все сложнее, да и было это не так давно.

Примерно через час прибыла команда саперов, весь самолет обыскали, но бомбы нигде не нашли, чья-то злая шутка стоила авиакомпании немалых денег, а пассажирам и членам экипажа нервного напряжения. Нас снова пригласили на посадку. По случайному стечению обстоятельств, хотя сейчас я убежден, что произошло это не случайно, мое место оказалось рядом с местом этой женщины, врача-психиатра. Мы познакомились, звали ее Мария Петровна.

- Вы впервые летите в Штаты? – спросила она.

- Да, первый раз, меня пригласил друг, одноклассник.

- Я тоже до этого в Америке не бывала, но мне дальше, на острова Карибского моря.

- Частная поездка или деловая?

- Скорее частная, хотя... Я еду туда по просьбе человека, о котором говорила Вам. Это его последняя просьба, его больше нет в живых. Вам покажется странным. Вы верите в реинкарнацию?

- Мне не раз приходилось читать о случаях, когда человек, при определенных обстоятельствах, вспоминал свою прошлую жизнь. Сам я ничего из прошлой жизни, если она конечно была, не помню. Вопрос не в том, верить или не верить, многих явлений мы никогда не видели и не ощущали, но мы точно знаем, что они существуют. Мы видим само явление, но не можем его объяснить, возможно, это душа, нашедшая новую телесную оболочку, а, возможно, и нечто иное.

- Это хорошо, что Вы меня понимаете, тогда я смогу Вам рассказать.

- По роду своей научной деятельности мне приходилось работать над информационными проблемами, и по поводу реинкарнации у меня возникли определенные соображения, хотите поделюсь?

- Я занималась этими вопросами, как психолог, с интересом выслушаю Ваши соображения.

- Сущность нашей жизни, как и жизни вообще, составляют не только химические и биологические процессы, информационные процессы не менее важны, вся жизнь, от амебы до человека – процесс управления, это информационный процесс. Академик Вернадский ввел понятие ноосферы, содержащей информацию обо всем, что происходит на Земле. Информация, как и энергия не исчезает, все наши мысли сохраняются вне нашего тела и вне нашего сознания на неких носителях. Что это за носители, нам до конца неизвестно, то ли электромагнитные, то ли торсионные поля, но суть в том, что информация, накопленная в течение жизни человека, после его смерти на этих носителях остается. Мозг содержит только оперативную память, память же долговременная находится вне человеческого тела, сознание, или подсознание содержит ключ доступа к участкам на внешних носителях, выделенным именно этому человеку. Если каким-то образом формируется ключ доступа к участку памяти человека, жившего много лет назад, то мы видим явление реинкарнаци. Это, так сказать, технический взгляд на проблему.

- Интересная мысль, с техническим взглядом я еще не встречалась. Психология изучает душу, но ни психологи, ни священники толком так и не могут сказать, что представляет собой душа, Вы рассматриваете все с точки зрения информации, но, что такое душа?

- Душа – это тоже информационная сущность. Она бессмертна, поскольку информация, накопленная при жизни человека, не исчезает, а остается там, на внешнем носителе. Я говорю упрощенно, в терминологии компьютерных систем, все гораздо сложнее, а может быть наоборот, все гораздо проще, все может быть настолько просто, что мы будет удивлены, когда узнаем истину.

- Думаете, когда-нибудь человечество узнает истину?

- Я в этом не сомневаюсь, человечество непременно узнает истину, если поднимется в своем развитии до того уровня, когда способно будет воспринять знания об устройстве мира, воспринять так, чтобы не погубить этот мир. Это, как ребенку не дают играть со спичками и другими опасными предметами, пока он достигнет определенного возраста, так и человечеству нельзя еще знать то, что оно может употребить себе во вред.

- А как же ядерная энергия? Ядерного оружия уже накопилось достаточно для того, чтобы уничтожить нашу планету.

- Существуют энергии на сотни порядков мощнее ядерной, можно уничтожить не только нашу планету, но и весь мир. А вот, когда духовный уровень развития человека достигнет должной высоты, знания придут, придут неожиданно, как озарение, все окажется настолько просто, что будет странно, как до этого никто не додумался. Человек сможет силой своих мыслей делать то, что не может сделать с помощью самых мощных технических средств. Но не об этом я хотел сказать, говоря в терминах вычислительных систем, душа – это информация, человеческий мозг – некий процессор для обработки этой информации, кроме них существуют и программы, алгоритмы, которые управляют работой процессора. Все три компонента могут существовать только в единстве, мир не двоичен, как нас пытались убедить, помните основной вопрос философии?

- Что первично? Материя или сознание?

- Этот вопрос не имеет смысла, потому, что двоичное представление о мире не отражает его сущности. Основа мира – материя, информация и мера, наши предки, знания которых представлялись нам примитивными, были не так наивны, как нам кажется. Они считали, что мир состоит из яви, нашего материального мира, нави, мира духов и Богов, некой информационной составляющей, и прави, мира законов, по которым вселенная живет и развивается, иначе говоря, программного обеспечения или меры. Исходя из этого, я думаю, что реинкарнация – явление информационное.

- Мы говорим с Вами в различных терминах, но говорим об одном и том же. Я была близко знакома с человеком, который вспомнил свою прошлую жизнь. Это был командир бомбардировщика, Андрей Николаевич Фирсов, его сбили, он был ранен в грудь, и вспомнил, что когда-то, несколько столетий назад, был пиратом, он погиб от осколка ядра, даже ранение было похоже. Его сочли душевно больным и положили в нашу клинику, но это не было болезнью. Он в совершенстве владел английским, хотя до этого его вообще не знал, даже в школе учил немецкий, причем, говорил он не на том английском, которым говорят современные англичане или американцы, он говорил так, как говорили в средние века. Он рассказывал подробности, о которых не мог прочесть нигде в исторической литературе.

- Почему же его держали в больнице? Вы говорили, на то были политические причины?

- Он был опасным свидетелем, если бы все, что с ним произошло, ста-

ло достоянием гласности, мог бы разразиться международный скандал. Теперь его уже нет в живых, и лечу в Америку, а потом на острова, где он нашел пристанище, став пиратом, там он оставил девушку, которая смогла спасти его от петли. Что стало с ней, он не знает, очень просил меня разузнать что-либо о ее судьбе. Понимаю, это не реально, но это была его последняя просьба.

- Как же Вы будете искать следы той девушки? Прошли века, разве можно что-либо найти через столько времени?

- Я тоже думала, что это не реально, ехать в чужую далекую страну и искать следы человека, о котором толком-то и не знаю ничего – даже не авантюра, просто никаких шансов, не за что-либо зацепиться. Но случай помог, после знакомства с Андреем Николаевичем я стала серьезно заниматься проблемами реинкарнации, познакомилась со многими учеными, которые эти вопросы исследуют, среди них люди различных специальностей: психиатры, психологи, историки. Побывала в разных странах, общалась и с исследователями, и с теми, кто помнил свои предыдущие жизни, были люди, которые помнили не одну прошлую жизнь.

А недавно получила письмо от женщины, врача-психиатра, она также занимается вопросами реинкарнации, и живет на том самом острове, где оставил капитан свою девушку. Обещала помочь. У нее есть информация о том, что происходило на этом острове триста лет назад, у нее есть знакомые, вспомнившие свою предыдущую жизнь именно там, на том острове и в то время. Очень надеюсь на успех своих поисков.

Когда мы расставались с Марией Петровной, она, узнав, что я немного занимаюсь литературой, оставила мне записи капитана Фирсова, Андрея Николаевича, сделанные им в клинике для душевнобольных. Записи эти заинтересовали меня, и я решил их опубликовать, поскольку родственников Андрея Николаевича разыскать мне не удалось, то думаю, что меня не обвинят в плагиате или ином нарушении авторских прав.

Записи эти были отрывочны, не систематизированы, и для того, чтобы у читателя сложилась цельная картина событий, мне пришлось дописать несколько глав. Что касается записей Андрея Николаевича о своей прошлой жизни, то я обнаружил в них некоторые несоответствия тем историческим сведениям, которые изложены доступных мне документах. Так, например, Андрей Николаевич пишет о губернаторе острова Тортуга, Левассере и о капитане Эдварде Тиче, по прозвищу Черная борода, как о людях, живших в одно и то же время, однако, по моим сведениям, Франсуа Левассер был гу-

бернатором острова с 1640-го по 1652 год, а известный пират Эдвард Тич окончил свою разбойничью карьеру, пав в последнем своем бою, в 1718 году. Но я не счел возможным менять что-либо в переданных мне записях, поскольку повествование мое не претендует на историческую достоверность, а все, о чем писал Андрей Николаевич, хотелось бы сохранить без существенных изменений. Впрочем, Израэль Гендс, штурман капитана Тича, о котором пишет Андрей Николаевич, и чье имя упоминается в романе Стивенсона «Остров сокровищ», личность в истории известная, он единственный из команды капитана Тича, избежавший смертной казни, поскольку не участвовал в последнем рейде капитана.

Вместо введения

Когда аналитики, политические обозреватели и журналисты говорят о политике, то выделяют обычно внутреннюю политику, политику внешнюю и геополитику. Термин «геополитика» активно вошел в нашу жизнь с подачи известного немецкого разведчика, выдающегося ученого, политика, генерала и профессора Мюнхенского университета, основавшего тайное общество, преобразившееся впоследствии в «Ананербе» – «Наследие предков», Карла Хаусхофера. Сущность геополитики заключается в том, что с давних времен, с тех пор, как возникло общение различных, разбросанных по миру стран, страны морские противостоят странам сухопутным, не имеющим выхода к морю.

Морские коммуникации со времен великих географических открытий Колумба, Магеллана и других мореплавателей стали основными торговыми путями, определяющими развитие мировой экономики. При этом морские державы находились в более выгодном положении, нежели сухопутные, началась борьба за выход к морю, к торговым путям. Однако геополитика оказывается лишь небольшой видимой частью тех процессов, которые определяют развитие мира, процессов, за которыми стоит глобальная политика. Ведь с изобретением железной дороги, когда стало возможным перевозить большие объемы товаров сухопутным путем, морские державы утратили свое преимущество, потому более корректно было бы говорить о глобальной политике. Именно глобальная политика затрагивает интересы всех стран и народов нашей планеты, и термин «глобализация» отражает ее суть.

Глобализация – процесс объективный, время небольших национальных государств подходит к концу, происходит все более заметное объедине-

ние ресурсов отдельных стран в одну, мощную мировую экономику. Сегодня освоение космоса, создание новейших технологий не под силу одной стране, но начался процесс глобализации не в нынешнем и даже не в прошлом веке, начался он с тех пор, как отдельные народы, живущие своим бытом, своей культурой, начали узнавать друг о друге.

Хотя и процесс глобализации явление объективное, но идет он не сам собой, не стихийно, процесс этот управляемый, и управление им носит субъективный характер. В том, что управление глобализацией осуществляется определенными надгосударственными структурами, никто из серьезных аналитиков не отрицает, расходятся только мнения о том, когда, собственно, управление это началось. Одни считают, что глобальное управление началось с зарождением капитализма, и первой надгосударственной структурой, пытавшейся стать над национальными государствами, был загадочный орден рыцарей-тамплиеров, создавший кредитно-финансовую систему. Другие убеждают нас в том, что процесс этот начался гораздо раньше, со времен древнего Египта.

Пусть читатель простит автору некоторое отклонение от темы нашего повествования, без которого было бы сложно понять ход тех событий, о которых пойдет речь далее, но вернемся на несколько тысячелетий назад, в допотопные времена. Когда мы хотим сказать о неком событии, как о чем-то бесконечно далеком, мы пользуемся термином «допотопный», который прочно вошел в наш лексикон со времен Ветхого Завета, но я хочу вернуть читателя действительно к тем событиям, которые произошли до потопа, описанного в Библии. О всемирном потопе упоминается не только в Ветхом Завете, но и в более ранних мифах народов Месопотамии, катастрофа, приведшая к потопу, таит еще одну загадку – гибель легендарной цивилизации под названием Атлантида. К тем же временам относят и гибель еще одной, известной из сочинений Платона цивилизации, Гипербореи, располагавшейся там, где сейчас находится Северный ледовитый океан, по крайней мере, у известного средневекового картографа Меркатора имелась карта Гипербореи, изображавшая цветущий материк на месте современной ледяной пустыни Арктики. Ну, а место, где располагалась Атлантида, до сих пор остается тайной.

Некоторые исследователи считают, что гибель двух могущественных, высокоразвитых цивилизаций произошла в результате некой космической катастрофы, столкновения нашей планеты с каким-то небесным телом, видимо, кометой. Иные приходят к выводу, что в давние, предшествующие все-

мирному потопу времена, между двумя цивилизациями, Атлантидой и Гипербореей, произошла война, или ядерная, или с применением средств массового поражения нам еще не известных, которая и привела к полному уничтожению этих материков и гибели противоборствующих систем. В результате войны произошло всемирное оледенение в северном полушарии и потоп в южном.

Если мифы народов Месопотамии говорят о потопе, то предания славян, живущих в северном полушарии, свидетельствуют о многолетней зиме, возникшей вследствие войны между Перуном и змеем Велесом. Тридцать три года солнце не показывалось над Землей. Описание многолетней зимы похоже на то явление, которое может возникнуть в результате крупномасштабной ядерной войны. Явление это получило название «ядерной зимы», облака пыли, поднятые взрывами, достигают значительной высоты и долгое время не дают солнечным лучам пробиться к поверхности планеты.

Некоторые представители элиты Атлантиды все-таки выжили в этой ядерной катастрофе и переселились в те края, которые меньше всего пострадали от войны, где была благодатная почва, где собирали урожай по нескольку раз в год. Этим местом оказалась долина Нила, здесь жили древние египетские племена. Выходцы из погибшей высокоразвитой цивилизации обладали знаниями и способностями, местным племенам недоступными, и их стали воспринимать как богов. Так они заняли место жрецов, получив всю полноту власти, которую давали им знания.

Вот с этого времени и началась программа глобализации, разработанная жрецами древнего Египта, уцелевшими представителями элиты погибшей Атлантиды. Каково было социально-политической устройство древней цивилизации, вряд ли мы будем знать достоверно, но жрецы древнего Египта никакой иной системы, кроме рабовладельческой, не создали. Все последующие формы, вплоть до капитализма, по сути своей являются теми же рабовладельческими системами, и самая лучшая из них та, в которой рабы считают себя свободными.

Жрецы, создав глобальное, надгосударственное управление, не стали делать ставку на какую-то определенную страну; понимая неравномерность исторического развития, они не раз меняли свое местонахождение. После упадка Египта и расцвета торговли в Генуе и Венеции, жрецы переместили центр управления туда, после в Швейцарию, а исходя из современных реалий экономики, планируют переместить центр концентрации управления на Восток. Идеал устройства мира, к которому стремятся выходцы из Атлантиды,

сводится к тому, что достойно жить на этой планете имеет право лишь немногочисленная элита, остальному населению уготована роль рабов, лишенных с помощью генетики и иных методов устремлений, духовных потребностей и всего, что отличает человека от животного. Сами же представители элиты претендуют на жизнь вечную, обеспеченную им, избранным, той же генетикой и электроникой. При этом население планеты нужно будет сократить, по их понятиям, процентов на восемьдесят. Эта идея получила название «Концепции золотого миллиарда».

Но если надгосударственная элита не особо беспокоится о том, какая страна будет занимать ведущее положение в мире, то национальные элиты этих стран имеют свои интересы. Перенаселенный Запад истощил ресурсы, в то время, как огромная территория России, содержащая богатые месторождения нефти, газа, прочих полезных ископаемых, имеет низкую плотность населения, особенно на просторах Сибири. Именно на Россию с давних времен устремлены взгляды тех, кто ищет расширения жизненного пространства. Но не только в этом состоят противоречия Запада и России, Запад традиционно находится под влиянием выходцев из Атлантиды, не только в Египет переселились вышившие потомки атлантов, мифы древней Греции упоминают об атлантах не просто так, видимо, и атланты, и титаны – не выдуманные образы, а реально существовавшие люди – потомки выживших представителей погибшей цивилизации. В то же время уцелевшие представители Гипербореи, арии, спасаясь от обледенения, заселили территорию Руси, продвинулись в Индию, Персию, неся жившим там народам ведические знания. Таким образом, противостояние Запада и России уходит своими корнями в давние, допотопные времена, когда Атлантида противостояла Гипербореи.

Идеалом Запада является правовое государство, многие представители российской элиты мечтают о том, чтобы и Россия стала правовым государством, недоумевая, почему в России не исполняются законы. Но верховенство закона еще не означает верховенства справедливости, а на Руси справедливость стоит выше закона, написанного людьми. Справедливость понимается как высший закон, данный Богом, потому законы несправедливые, навязанные властью, русскими людьми не выполняются. На Западе же справедливость понимается как то, что определено законом.

В Советские времена сторонники либеральной идеологии убеждали нас в том, что причина противоречий России и Запада заключается в противоборстве систем, и стоит только сломать социализм, вернуться к капитализму, как все противоречия исчезнут, и нас примут на Западе с распростертыми

объятиями. Но вот социализм разрушен, и что же мы видим? Запад, если и распростер нам свои объятия, то только для того, чтобы нас в них задушить. Тем, кого это удивляет, следует вспомнить историю, Запад поднимался не раз войной на Россию еще в те времена, когда ни социализма, ни марксизма, который, кстати, тоже пришел с Запада, еще и в помине не было.

Сейчас в мире сложилось то, что классики марксизма-ленинизма называли общим кризисом капитализма, охватившим политику, экономику, финансовую систему, экологию. Общество потребления, созданное капитализмом, стремительно поглощает ресурсы планеты, только США, имеющие пять процентов населения Земли, потребляют пятьдесят процентов земных ресурсов и выбрасывают в природу восемьдесят процентов вредных веществ. Но и Соединенные Штаты подошли к своему пределу, они сами создали себе могильщика. Перенося производство на Восток в поисках дешевой рабочей силы, они передали странам Востока и технологии, дав толчок развитию Китая и других стран. США утрачивают ведущую роль в мировой экономике и в политике, и национальная элита страны видит выход только в одном – развязывание масштабной войны на территории Европы и России. В результате первой и второй мировых войн США из третьеразрядной страны превратились в ведущую мировую державу, в то время, когда экономика России и Европы была разрушена, экономика Штатов, на территорию которых не упало ни одной бомбы, только развивалась на основе военных заказов.

Для того, чтобы спровоцировать войну между Европой и Россией, нужно было выбрать третью страну, создать в ней конфликт, и перенести его на территорию Европы и России. Такой страной, запалом новой войны, выбрана была Украина. Выбрана не случайно, еще Гитлер говорил, что победить Россию можно только тогда, когда украинцы и белорусы забудут о том, что они русские. Проект формирования украинской нации и отрыва ее от своих истоков начался еще перед первой мировой войной Генеральным штабом австрийской армии. Государственный переворот на Украине в феврале 2014 года и вооруженный конфликт на Донбассе явились продолжением этой политики.

Но мы вернемся в несколько ранний период, к совместным учениям вооруженных сил Украины и НАТО, такой своеобразной репетиции тех событий, что произошли в 2014 году. Сразу хочу предупредить читателя, что автор не располагает никакими документами, подтверждающими то, о чем пойдет речь, все наше повествование основано на записках человека, находившегося на излечении в клинике для душевнобольных, или, попросту го-

воря, в сумасшедшем доме.

Адмирал Пацюк

Вице-адмирал Виталий Игнатьевич Пацюк встречал в аэропорту Борисполь группу генералов и офицеров НАТО, что прилетали для проведения совместных учений. Встречал, естественно, не один, в первых рядах встречающих были Президент и Министр обороны, а он, адмирал Пацюк, был где-то на задних ролях, но он-то знал, скоро все изменится, ведь он один из тех, кто будет руководить ходом учений со стороны Украины.

Дул резкий порывистый ветер, пронося рваные клочья облаков над аэропортом. Группа встречающих стояла прямо на летном поле, возле перрона, куда должен был зарулить после посадки натовский «боинг». Было довольно прохладно для лета, ветер хлестал по лицам встречающих, щеки и глаза их покраснели, можно было бы подождать в здании аэровокзала, но Президент стоял молча, время от времени приглаживая взъерошенные ветром волосы, и никто не осмеливался прервать его упрямое, настойчивое молчание. Адмирал уже начал опасаться того, что самолет не прилетит, или не сможет приземлиться в такую погоду, но высказать свои опасения никому не посмел.

Самолет все-таки прилетел, хотя и со значительным опозданием, он приземлился, подрулил к перрону, двигатели умолкли, и к самолету подали трап. Встречающие выстроились у трапа в две шеренги, адмирал оказался во второй, он подобострастно вглядывался в лица натовских генералов, надеясь, что кто-то обратит на него внимание, но внимания на него не обратили и руки Виталию Игнатьевичу никто не подал. «Ничего, ничего, – утешал он себя, – все еще впереди».

В недавнем прошлом Виталий Игнатьевич Пацюк служил в Севастополе, в штабе флота, ему не пришлось ни разу ощутить под ногами качающуюся палубу боевого корабля, вся служба его, от лейтенанта до капитана второго ранга, прошла в стенах здания, в котором располагался штаб. Особыми способностями он не обладал, но считался хорошим офицером и вполне успешно продвигался по служебной лестнице. Он всегда был гладко выбрит, аккуратно пострижен, наглажен, имел образцовый внешний вид, отличную строевую выправку, мог четким, бодрым, хорошо поставленным командным голосом доложить начальству по существу вопроса, и был тем об-

разцом подчиненного, которые обычно нравятся начальникам и командирам.

Сложных задач, требующих нестандартного мышления, ему не ставили, для этого находились другие офицеры, но если нужно было произвести хорошее впечатление на вышестоящее командование, то тут ему не было равных. Получалось, что те, кто мог хорошо работать, везли на себе весь груз непростых задач и находились в тени, а он, Виталий Игнатьевич Пацюк, был всегда на виду.

Так дослужился он до капитана второго ранга, но дальше его карьерный рост остановился. Начальником отдела штаба, где довелось служить Виталию Игнатьевичу, совершенно неожиданно назначили боевого офицера, командира корабля, переведенного по состоянию здоровья на штабную работу, капитана первого ранга Федора Ивановича Корнеева. Пацюка Федор Иванович сразу же невзлюбил, он считал его выскочкой, штабной крысой, внешний лоск подчиненного на него, боевого офицера, побывавшего не раз в горячих точках, впечатления не производил. Корнеев, в отличие от прежнего начальника, ставил Пацюку задачи, с которыми он справиться не мог, и ореол хорошего исполнительного офицера стал постепенно блекнуть.

В карточке взысканий и поощрений у Виталия Игнатьевича стали появляться записи о выговорах, чего прежде никогда не было, и он понял, что если не произойдет чуда, то вскоре он может быть переведен со штаба флота куда-нибудь к черту на кулички с понижением в должности, а то, не дай Бог, и в звании. Ждать чуда, особенно, когда карьера рушится на глазах, занятие утомительное и безнадежное, и Виталий Игнатьевич решил во что бы то ни стало сотворить чудо своими руками. Он искал случая, и вскоре случай ему представился.

Однажды Виталий Игнатьевич вошел в кабинет своего непосредственного начальника, капитана первого ранга Корнеева с каким-то пустяковым вопросом, кабинеты их были рядом, но Федора Ивановича в кабинете не оказалось. Дверь была открыта, понятно, что начальник отлучился буквально на минуту и вот-вот вернется. Виталий Игнатьевич быстро цепким взглядом осмотрел кабинет, на столе лежал секретный приказ по флоту, это была удача, удача, которой может больше и не представится. Его начальник вышел, не успев убрать в сейф секретный документ с которым работал. Воровато оглядевшись, Пацюк сгреб документ со стола и сунул во внутренний карман кителя, потом быстро вышел и вернулся в свой кабинет. В коридоре никого не было, никто не мог видеть, что он заходил к Корнееву.

Виталий Игнатьевич сидел за столом, отирая со лба холодный пот,

ему казалось, что лацкан кителя слишком оттопырен, но вытащить документ из кармана и спрятать в стол нельзя. Он встал, подошел к маленькому зеркалу, что висело на стене, и внимательно осмотрел себя. Нет, все нормально, никто не заметит, что в кармане что-то лежит. Он успокоился, сел за стол. Через несколько минут дверь кабинета отворилась, вошел Федор Иванович.

- Виталий Игнатьевич, – спросил он, Корнеев называл сослуживцев не по званию, а по имени отчеству, как было принято еще старые времена в русской армии и на флоте, – Вы не заметили случайно, ко мне в кабинет никто не заходил?

- Нет, не слышал, чтобы кто-то заходил к Вам, а что случилось?

- Да, понимаете, Виталий Игнатьевич, неприятность такая вышла, у меня со стола секретный документ пропал, сам виноват, конечно, вышел на минутку, документ на столе оставил и кабинет даже не закрыл, возвращаюсь, документа на столе нет.

- Может Вы его в сейф положили, или среди бумаг где?

- Да, смотрел уже, везде смотрел, ничего не понимаю.

- Да, успокойтесь, товарищ капитан первого ранга, найдется, куда он может деваться? Думаю, никто его не брал, сами, наверное, куда-нибудь положили, вспомните.

- Да, на столе лежал, точно помню. Неужели уже склероз до такой степени... – проворчал Федор Иванович и вышел.

Виталий Игнатьевич потрогал рукой карман, где лежал секретный приказ по флоту, руки дрожали, мысли путались, только бы никто не заметил его состояния, только бы скорее закончился этот день. Но день, как на зло, тянулся ужасно долго, его вызвал Корнеев по какому-то вопросу, но отвечал Пацюк начальнику как-то путано, невпопад.

- Что с Вами, Виталий Игнатьевич? Вид у Вас какой-то нездоровый.

- Похоже, простыл немного, температура, видимо.

- Сходите к врачу, возьмите освобождение, нельзя так легкомысленно к своему здоровью относиться.

- Да ничего, товарищ капитан первого ранга, пройдет.

Виталий Игнатьевич, возможно, и пошел бы к врачу, чтобы пересидеть несколько дней дома, пока не утихнет шум с пропажей документа, но у врача нужно будет раздеваться, снимать китель, вдруг врач заметит документ, торчащий из внутреннего кармана? А если врач поймет, что у него не простуда, а состояние его вызвано совершенно другим? Может возникнуть подозрение. Нет, никуда ходить не надо.

Виталий Игнатьевич постоянно поглядывал на часы, как медленно тянулось время. И наконец-то день этот закончился, Виталий Игнатьевич собрался, сдал секретные документы, закрыл дверь кабинета, опечатал ее и направился в выходу. Для того, чтобы выйти из штаба, нужно было пройти два поста, что если Федор Иванович поднял тревогу, и начальник штаба отдал приказ часовым досматривать всех, кто выходит? Тогда все. Конец. Конец не только карьере, конец всему. Это трибунал. Но опасения его оказались напрасными, его никто не досматривал, матрос, стоящий на посту, посмотрел пропуск и отдал честь.

Придя домой, он быстро, нервным движением сорвал с себя китель, вытащил из кармана документ и бросил на стол. Потом снова схватил документ, не зная, что с ним делать, около минуты он стоял посреди комнаты в нерешительности, затем пошел на кухню. Положил приказ в раковину и дрожащими руками стал зажигать спички, спички ломались, гасли, никак не хотели гореть, наконец ему удалось поджечь плотные листы бумаги, документ вспыхнул, и, поднимая ввысь струйку черной копоти, сгорел. Виталий Игнатьевич тщательно перетер пепел пальцами в порошок, смыл его в раковину, затем вымыл раковину и руки. Все было кончено, документ был окончательно уничтожен, теперь уже никто и никогда не сможет отыскать его следы.

Виталий Игнатьевич открыл форточку, но на кухне все равно стоял стойкий запах паленой бумаги. «Боже мой! – подумал он. – Сейчас придет с работы жена, как я ей объясню, почему я жег бумагу?». Виталий Игнатьевич достал сигарету и закурил, чтобы хоть как-то перебить запах паленой бумаги, он раньше в квартире никогда не курил, выходил на лестничную площадку. Только он докурил, загасив окурок, как раздался звонок в дверь.

«Жена!» – подумал он и бросился открывать. Жена вошла и, с порога понюхав воздух, сказала:

- Виталик, ты что, уже в квартире куришь? Совсем обнаглел!

- Извини, Галочка, перенервничал, неприятности на работе.

- Мог бы прекрасно нервничать на лестнице, а что случилось? У тебя неприятности?

- Да нет, не у меня, начальник мой, каперанг Корнеев секретный приказ потерял.

- Ну а ты тут причем? Тебе-то что нервничать?

- Он думает, что это я взял у него документ, маразматик старый.

- Он тебе так и сказал? Он тебя подозревает?

- Да ничего он мне не говорил, но я вижу, он на меня думает.

- Глупости это все! Думает он! Для такого обвинения факты нужны, домыслы тут не проходят, не забывай, что жена твоя в военной прокуратуре работает. Так что нечего тебе нервничать, а хочешь нервничать, бери сигарету и иди на лестницу, нечего в квартире дымить.

Конечно, в краже документа Виталия Игнатьевича никто не подозревал, все его считали честным, порядочным офицером, общее мнение сходилось на том, что Федор Иванович сам куда-то положил документ и забыл. Назначили комиссию, но комиссия, естественно, пропавшего документа нигде не обнаружила. Капитана первого ранга Корнеева приказом начальника штаба предупредили о неполном служебном соответствии. Но этим дело не закончилось, персональное дело Федора Ивановича было рассмотрено на партийное собрание, которое вынесло коммунисту Корнееву строгий выговор с занесением в личное дело.

Единственным, кто выступил на собрании в защиту Федора Ивановича, был Виталий Игнатьевич Пацюк. После собрания Федор Иванович пожал руку своему подчиненному и сказал, слегка прослезившись:

- Спасибо Вам, Виталий Игнатьевич, спасибо, Вы честный, порядочный человек, простите, что был к Вам излишне строг. Не зря говорят, что друзья проверяются в беде.

Если бы знал Федор Иванович, кто был причиной его беды! Боевой офицер, бывалый моряк капитан первого ранга Корнеев не выдержал этого потрясения и подал рапорт об увольнении. Не строгость наказания сломила его, его убивало то, что он, боевой офицер, не мог вспомнить того, что делал, куда девал документ, если он не может контролировать свои поступки, то все, нужно уходить в запас.

А когда стал вопрос о назначении нового начальника отдела, лучшей кандидатуры, чем Валерий Игнатьевич Пацюк, найти не смогли, его честность и принципиальность, горячее выступление на партийном собрании в защиту своего начальника сделали свое дело. Возможно, выше капитана первого ранга он бы никогда не поднялся, если бы не развал Советского Союза и разделение Черноморского флота. На Украине ему предложили адмиральскую должность, и он, естественно, колебаться не стал. Так Валерий Игнатьевич Пацюк получил сначала вожделенную должность, а потом и звание.

Капитан Джеймс Фицрой

«Габриэла», сделав поворот оверштаг, ушла с линии огня, чтобы подойти к противнику с наветренной стороны. «Инфанта» горела, «Виктория» – флагманский корабль лорда Бэкона, потеряв грот-мачту и бизань, отчаянно сопротивлялась огню испанской эскадры. На «Фицджеральде», также получившем повреждения, отвечали одним выстрелом на три испанских. И только «Габриэла» под командованием капитана Фицроя, сохранив способность маневра, смогла внести перелом в ход сражения, победа испанцев в котором казалось очевидной. В результате испанцы оказались между огнем «Виктории» и «Фицджеральда» с одной стороны, и «Габриэлы» – с другой. Ядро с «Габриэлы» попало в пороховой погреб испанского флагмана, и он в одно мгновение превратился в облако дыма, из которого в разные стороны летели обломки рангоута и обрывки такелажа. Не сбавляя ход, «Габриэла» поравнялась с другим галеоном и мощным бортовым залпом смела все с его палубы. Грот мачта испанца рухнула, и судно получило крен, который лишил его возможности вести прицельный огонь. Третий галеон был взят «Габриэлой» на абордаж, четвертому удалось уйти.

Сражение было выиграно, хотя англичане и понесли значительные потери. Лорд Бэкон собрал военный совет на своем флагманском корабле, представляющем собой весьма печальное зрелище. Даже в роскошной каюте адмирала были заметны следы недавнего сражения – обгоревшее кормовое окно да сорванная с петель взрывом ядра дверь.

- Итак, джентльмены, – начал свою речь адмирал, – я выражаю свою признательность капитану Фицрою, подвиг которого будет достойно вознагражден королевой. Но я с прискорбием должен сообщить, что победа досталась нам дорого, мы потеряли «Инфанту», на остальных кораблях имеются значительные повреждения. Весь приз, который удалось нам захватить, находится на «Габриэле», думаю, будет разумнее, если добыча будет перегружена на флагманский корабль. Смею заверить капитана Фицроя, что он и его команда получит причитающуюся ему долю по возвращению в Англию, разумеется, после вычета необходимой суммы для ремонта поврежденных кораблей.

Капитан Фицрой, никак не ожидавший такого поворота событий, некоторое время молчал.

- Я жду вашего ответа, капитан Фицрой, – произнес лорд Бэкон в полной тишине.

Рука Фицроя потянулась к рукоятке пистолета, но скользнув по ней, опустилась на колено, сжавшись в кулак. Стараясь сохранять спокойствие, капитан ответил:

- Вся добыча сдается в королевскую казну, и лишь после этого моряки получают вознаграждение, Ваше предложение, сэр, я понимаю, как недоверие лично мне и моей команде.

- Это не предложение, капитан, – ответил лорд Бэкон, – это приказ.

Когда капитану королевского фрегата удавалось захватить груз испанского галеона, вся добыча сдавалась в королевскую казну, и после учета ее команде выдавалось вознаграждение, утаившего часть добытых в бою сокровищ ждало суровое наказание – он мог быть лишен офицерского звания и дворянства со всеми вытекающими последствиями. Приказ адмирала капитан Фицрой расценил как подозрение в воровстве, честь и достоинство офицера Британского флота была задета этим приказом.

Даже капитану Фицрою, весьма далекому от интриг королевского двора, была известна история с бриллиантовым колье, подаренным адмиралом своей любовнице леди Инессе. Среди придворных ходили слухи, что колье это попало на прекрасную нежную шею милой дамы прямо из трюма испанского галеона, но ни подтвердить, ни опровергнуть подозрения, павшие на адмирала, никто не мог. Леди Инесса, либо по неосторожности, либо имея определенный умысел, однажды на балу предстала перед ее величеством в этом самом колье, что не только не развеяло слухи, но и было расценено как вызов.

Пытаясь вернуть былое расположение королевы, адмирал Бэкон распространял слухи, что кто-то из капитанов его эскадры утаивает часть добычи, и слух о том, что колье леди Инессы было подарено именно адмиралом, несколько поблек. Приказ о перегрузке добычи на флагманский корабль капитан Фицрой расценил как попытку именно на него, самого удачливого из капитанов, перевести подозрение ее величества. Мозг его лихорадочно искал решение: как поступить? Подчинившись приказу, он уже не сможет никак отвести подозрение от себя, невыполнение приказа лишь усилит эти подозрения. Наконец, он принял решение.

У него уже давно сложились непростые отношения с лордом Бэконом, что-то между неприкрытой неприязнью и скрытой враждой. Адмирал искал повод расправиться со своим слишком строптивым подчиненным, и, учитывая различие в должности и положении при дворе, у лорда Бэкона было гораздо больше шансов на успех в их противостоянии. Джеймс Фицрой не раз

подумывал о том, чтобы уволиться с королевской службы, но никакого иного ремесла, кроме мореплавания, он не знал, да и ничего не влекло его более чем море. На берегу его никто уже не ждал, родители отошли в мир иной, а никакой новой привязанности он обрести не успел, и мысль о том, чтобы сделаться пиратом, не раз посещала его. Сперва эта мысль лишь на мгновение вспыхивала в воспаленном мозгу в период обострения отношений с адмиралом, но со временем он настолько свыкся с ней, что в воображении своем не раз прокладывал на карте курс к островам Карибского моря.

В те времена морской разбой был весьма прибыльным делом, и многие влиятельные лица не брезговали им, богатые вельможи имели свои корабли, капитаны которых занимались пиратством, отдавая большую часть добычи своим господам или покровителям. Даже сама королева выдавала каперские грамоты капитанам пиратских кораблей, давая тем самым официальное разрешение им разбойничать на морских дорогах, пополняя королевскую казну награбленным золотом, серебром и прочими товарами, захваченными у противника.

Сейчас у Фицроя появился повод реализовать свою мысль, он подумал, что команда в этой ситуации поддержит его решение поднять черный флаг и уйти к береговому братству, как называли свое сообщество морские разбойники южных морей.

- Но, сэр, – ответил капитан, – мои люди храбро сражались и своим недоверием Вы оскорбляете их и меня. Кроме того, я не понимаю смысла Вашего приказа, потому я не могу никак его выполнить, не посоветовавшись с командой.

- С каких это пор капитан должен советоваться с командой для того, чтобы выполнить приказ своего адмирала? Здесь я представляю волю королевы и отдаю приказы от ее имени!

- Но только те приказы, которые не затрагивают честь и достоинство офицеров, господин адмирал. По прибытию в Англию я сдам добычу в королевскую казну, и получу ту часть, которую королева сочтет возможным выделить мне исходя из необходимости возмещения потерь в сегодняшнем сражении, я думаю, что такое решение будет справедливым.

- Справедливым? Вы говорите о справедливости, отказываясь выполнять приказ адмирала? Да знаете ли вы, что ждет вас в таком случае? Вы будете лишены дворянского звания и права командовать кораблем ее величества!

- В любом случае этом может решить только королева, но не вы, ад-

мирал!

- Я требую выполнения моего приказа, капитан Фицрой!

- Простите, сэр, но я удаляюсь на свой корабль для принятия решения.

- Стойте! – закричал лорд Бэкон, – вы не смеете покидать военный совет, остановите его!

Но никто из офицеров не двинулся с места.

Капитан Фицрой вернулся на свой корабль мрачным и потемневшим от переполнявшего его гнева. Он отдал приказ собрать всю команду на верхней палубе. Когда команда построилась капитан, выждав минуту, обратился к ней с короткой, но выразительной речью.

- Друзья мои, – сказал Фицрой, – вы храбро сражались, вы выиграли сражение, которое было бы проиграно, если бы не ваша доблесть и ваше мужество. Вы совершили невозможное, и я благодарю вас за ваш подвиг. Но адмирал требует, чтобы вся наша добыча, вся добыча, взятая в этом сражении, была доставлена на флагманский корабль! Я расцениваю этот приказ, как недоверие мне лично и вам, тем, кто своим мужеством решил исход этого сражения. Невыполнение приказа грозит мне отстранением от командования кораблем и арестом.

Среди команды, понуро внимающей речи своего капитана, прошел глухой ропот.

- Да, «Виктория» потонет, если мы перегрузим добычу в ее трюмы, она и так еле держится на плаву! – раздался чей-то насмешливый возглас.

- Итак, – продолжал капитан – у нас с вами есть два выхода. Первый, это подчиниться требованию адмирала Бэкона и ждать справедливости после возвращения в Англию. Второй, это поднять черный флаг, сохранив за собой добычу, и самостоятельно сражаться с испанцами. Я жду вашего решения, мои верные боевые друзья!

- Поднять черный флаг! Поднять веселого Роджера! К черту адмирала Бэкона! К дьяволу эту жирную свинью! – со всех сторон раздавались возгласы.

Я вижу, что большинство из вас за второе решение, и считаю его справедливым! Те, кто с этим решением не согласен, получат шлюпку и отправятся на флагманский корабль. Кто хочет продолжать службу под знаменем лорда Бэкона пусть выйдут вперед!

После некоторой паузы четыре офицера вышли из строя. Раздались неодобрительные возгласы в их адрес.

- Спокойно, – произнес Фицрой, – каждый имеет право сам решать

свою судьбу, я не перестану уважать этих четверых и не стану относиться к ним хуже, чем до сих пор вследствие принятия ими своего решения! Более того, они получат ту часть добычи, которая им причитается. Они честно ее заслужили, и никто не может ущемлять их права. Вместе с ними я отправлю часть добычи как выкуп за этот корабль.

Он велел корабельному писарю составить документ, согласно которому он, капитан Фицрой, покупает у ее величества этот корабль. Когда документ был готов, он скрепил ее своей печатью и вручил офицерам, наказав передать его лично королеве, как и сундук с золотом. Со стороны Фицроя это выглядело довольно наивно, ведь то золото, что он передал в качестве платы за корабль, итак должно было принадлежать королеве, а остальная часть добычи могла считаться украденной, за что капитан должен был понести наказание. Но, несмотря на это, поступок Фицроя королеву только рассмешил, она оценила его благородство и снисходительно отнеслась к тому, что никогда не смогла бы простить никому другому.

Когда шлюпка с четырьмя офицерами причалила к борту флагманского корабля, капитан Фицрой отдал команду поднять паруса. Он торопился. Во время боя капитан понял, что основной груз находился на том галеоне, которому удалось уйти. Он не участвовал в сражении, и было видно, что остальные корабли весьма заботливо оберегали его от английских ядер. Сидел он низко, а значит, был сильно загружен. Какой груз был на четвертом галеоне, никто не знал, но капитан Фицрой решил это выяснить. Догнать перегруженный галеон не составило труда.

Испанец, перегруженный, низко сидящий в воде, практически был лишен возможности маневрировать, и не мог вести бой. Огрызнувшись двумя боровыми залпами во время атаки «Габриэлы», он прекратил сопротивление. Фицрой без труда взял его на абордаж. Бой на палубе был коротким, но добыча превзошла все ожидания. Испанец шел с грузом золота из Нового Света, как называли тогда испанские колонии на американском континенте. Перегрузить все золото на «Габриэлу» было невозможно, и капитан Фицрой, оставив часть команды на захваченном корабле, направился к островам Карибского моря, где находили приют бродяги всех морей и океанов. Команду галеона, сдавшуюся в плен, капитан Фицрой высадил на одном из островов, принадлежащих Испании. Захваченный галеон Фицрой включил в состав своего отряда, назывался он «Святая Мария», ничего не имея против Богоматери, капитан не стал менять название корабля. Имея две боевых единицы в своем распоряжении, он примкнул к многочисленному береговому братству,

как называли себя пираты Карибского моря.

Береговое братство

Два корабля капитана Фицроя, «Габриэла» и «Санта Мария», бросили якорь в знаменитой столице пиратов Порт Рояле на южном берегу острова Ямайка. Джеймс Фицрой со своим штурманом Даниэлем Маклореном отправились в порт на шлюпке, оставив корабли на якорной стоянке внутреннего рейда. Порт жил своей обычной суетливой жизнью, по причалам сновали матросы и офицеры, у пирсов грузились какие-то суда.

Заметив одного моряка, во всей видимости, офицера, рассматривающего вновь прибывшие корабли, Фицрой обратился к нему:

- Послушайте, любезный, я капитан Фицрой, а это мой штурман, Даниэль Макролен, мы только что бросили якорь в этом порту, можно ли здесь пополнить запасы воды и продовольствия?

- Я, Томас Грей, штурман с вот той бригантины, – представился моряк, указывая рукой на судно, что принимало груз у пирса, – если у вас есть деньги, то пополнить запасы не проблема, обратитесь к губернатору острова, сэру Эдварду Рою, он вмиг решит все ваши проблемы и с пополнением запасов, и со стоянкой, но учтите, скряга жуткий, мошенник, так что не дайте себя облапошить. Что здесь по чем, я Вам сейчас объясню, чтобы Вы не попали впросак, а то обдерет Вас и глазом не моргнет.

- Спасибо Томас, – ответил Фицрой, – а как здесь порядки? В том смысле, чтобы обосноваться тут на некоторое время?

- Порядки обычные для берегового братства, на этом острове вас никто не спросит, кто вы, и чем промышляете, то ли доставляете товары из стран Нового света в старую Европу, то ли грабите суда, которые эти товары перевозят, здесь предостаточно и тех и других. Порядок на каждом корабле свой, и никто не будет вмешиваться в вашу корабельную жизнь, но если на берегу в каком-нибудь кабаке Ваши матросы устроят драку и причинят кому-то увечье или, не дай бог, убьют кого, то разбираться придется капитанам, за увечье или смерть придется заплатить. Размер платы зависит от того, кто пострадал, если простой матрос – это одно дело, а если, не дай бог, штурман, квартирмейстер или капитан, то дело серьезное, одними деньгами можно и не откупиться.

- Ну, на этот счет я не беспокоюсь, – ответил Фицрой, – я офицер военно-морского флота ее величества, а на военных кораблях дисциплина, сами знаете, на высоте.

- Так Вы служите на королевском флоте? – удивленно повел бровями Томас Грей.

- Нет-нет, – успокоил его Фицрой, – уже не служу, я повздорил со своим адмиралом и поднял черный флаг, вот, ищем пристанища среди берегового братства.

- И такие, как вы, здесь тоже имеются, так что присоединяйтесь.

- А как с отношениями среди собратьев? Никто не претендует на роль адмирала или атамана этого пестрого сообщества?

- Практически нет, хотя… Есть тут один капитан, Вильям Кирр, пытается подчинить себе других капитанов, его бриг называется «Авантюра», – ответил Грей.

- Ну и как? Подчинятся?

- Те, кто не очень уверенно себя чувствуют в этой среде, подчинились, остальные – нет.

А Вы? Вы лично и Ваш капитан? – спросил Фицрой.

- На меня и моего капитана у Вильяма Кирра кишка тонка, мы не по зубам таким, как этот пройдоха. Будет приставать, пошлите его подальше, главное не показать слабину, тут сброд со всех морей и океанов, покажешь, что ты слаб, чего-то боишься, не уверен в себе – сожрут!

- Ну, нас с Даниэлем сожрать не так-то просто, подавятся, – ответил Фицрой.

- Тогда удачи!

Решив с губернатором острова сэром Эдвардом Роем вопросы стоянки, пополнения запасов продовольствия и воды, Джеймс Фицрой и Даниэль Маклорен, который теперь командовал «Святой Марией», сняли с якорей свои корабли

и подвели к местам на причале, за которые было щедро заплачено губернатору, исполняющему по совместительству еще и обязанности коменданта порта. Не успели они отшвартоваться, как с берега их окликнули:

- Эй, на «Габриэле»? Кто капитан?

- Я капитан Джейсм Фицрой, командую «Габриэлой» и «Святой Марией», кому и зачем я понадобился?

- Я капитан «Авантюры» Вильям Кирр, есть разговор.

- Поднимайтесь на борт, – ответил Фицрой.

Человек, назвавшийся капитаном «Авантюры», выглядел весьма своеобразно, одет он был крикливо и ярко: красные шаровары и зеленый камзол с рукавами «фонариком», расшитыми разноцветными нитками, делали его похожим на африканского попугая, сходство с попугаем довершала широкополая шляпа, украшенная зеленым пером. Черные глубоко посаженные глаза на смуглом, окаймленном небольшой бородкой лице насмешливо глядели на собеседника.

- Слушаю Вас, любезный, – спокойно произнес Фицрой, демонстративно положив руку на эфес шпаги.

- Вы, насколько мне известно, недавно прибыли в Порт-Рояль и не знакомы со здешними прядками? – сказал человек, назвавшийся Вильямом Кирром.

- И Вы взяли на себя заботу меня с ними ознакомить? – спросил Фицрой.

- Если хотите, да.

- А если не хочу? – Фицрой сделал знак и несколько моряков окружили собеседников.

- Хотите Вы или нет, но Вам придется отдавать мне половину добычи и участвовать в тех рейдах, которые планирую я, – с вызовом произнес Вильям Кирр.

- Я плачу губернатору острова за стоянку и прочие услуги порта, и более ни с кем ничем делиться не собираюсь, – ответил Фицрой, – а теперь извольте покинуть мой корабль, сэр.

Вильям Кирр попытался выхватить из ножен шпагу, но несколько пар рук тут же вернули ее на место.

- Если Вы хотите поупражняться в искусстве фехтования, то извольте выбрать подходящее место на берегу и прислать ко мне своих секундантов, а здесь, на моем корабле, я никому не позволю угрожать мне оружием, и если Вы сами не покинете борт корабля, то Вам помогут это сделать мои матросы.

Капитан Кирр, ворча и чертыхаясь, нехотя спустился по трапу с борта «Габриэлы».

- Думаю, это не последняя наша встреча, – заключил Фицрой, после того как капитан Кирр удалился.

Встретились они в кабачке «Веселый Роджер». Владельцем кабачка был известный в свое время пират, ныне по причине почтенного возраста и полученных в боях ранений отошедший от дел и открывший на острове насколько питейных заведений, некто Пит Биндер. Пользовался он среди пиратов непререкаемым авторитетом, к нему обращались, если нужно было решить какой-либо спор, уладить возникший среди капитанов конфликт, получить совет, как поступить в той или иной сложной ситуации. Визит капитана Фицроя в этот кабак был вызван тем, что по сложившейся традиции каждый капитан, решивший присоединиться к сообществу, именующему себя береговым братством, должен был представиться патриарху пиратского ремесла Питу Биндеру и получить нечто, сходное с благословением. Биндер расспросил Фицроя о его прошлой жизни, выяснил планы на будущее и заключил:

- Ну, что ж, капитан, лови свою удачу, вижу, парень ты правильный, настоящий моряк. А возникнут проблемы, приходи – разберемся.

Пит Биндер принимал всех, кто желал к нему обратиться по какому-либо вопросу, в своем кабинете, двери в этот кабинет были всегда открыты, и любой житель острова, будь он простой матрос, торговец или капитан, мог всегда беспрепятственно войти к старому отставному пирату. Но спиртного Пит Биндер в своем кабинете не держал, сам он не пил и гостям выпить никогда не предлагал, считая, что все вопросы нужно решать исключительно на трезвую голову.

Окончив разговор и получив своеобразное благословение, Фицрой и Маклорен вышли в зал, где за одним из столиков сидел их новый знакомый штурман пиратской бригантины Томас Грей.

- Присоединяйтесь, ребята! – пригласил их Грей.

Не успели они присесть за столик, как к ним подошел, неизвестно откуда взявшийся Вильям Кирр.

- Можно присоединиться к вашей компании? – спросил он.

- Отчего же нет? Присоединяйтесь, – равнодушно сказал Фицрой.

- Эй Джимми! – обратился к мальчику-официанту капитан «Авантюры», присаживаясь за столик. – Принеси-ка нам: мне и этим джентльменам по стаканчику рому за мой счет.

- Отчего такая щедрость? – поинтересовался Томас.

- Капитан Вильям Кирр никогда не был скрягой, – ответил Кирр, – почему бы ни угостить приятелей?

- Я полагаю, что у капитана Кирра есть о чем поговорить? – спросил Фицрой.

- Хотя Вы, капитан, здесь совсем недавно, но, думаю, понимаете, что авторитет в нашем братстве завоевывают не словом, а делом, вот Томас Грей освободил от тяжести золота и прочих товаров три испанских галеона, своими успехами хвастать не буду, они каждому известны, а о Вас, капитан Фицрой, мы ничего не знаем.

- Надеюсь, еще узнаете, – ответил Маклорен.

- Предлагаю пари, – сказал Вильям Кирр, – послезавтра мы выходим в море, естественно, идем разными путями, и если Вы возвращаетесь раньше меня с добычей, то считайте, что заслужили право самостоятельно грабить испанцев. Ну а если вернетесь ни с чем, а я вернусь с полными трюмами, то будете подчиняться мне, как более удачливому капитану, придется и добычей со мной делиться. Как считаете? Это честное пари?

- Не уверен, – ответил Фицрой, – возможно, честное, а, возможно, и не совсем, мне ведь не известны все обстоятельства дела. Но я принимаю его.

- Тогда по рукам, – удовлетворенно заключил Кирр.

Пари тут же скрепили свидетельством старого пирата, без одобрения Пита Биндера ни один спор не считался действительным.

- Зря согласились, – проворчал Грей, когда Вильям Кирр вышел из кабака, – тут какой-то подвох, этот авантюрист знает то, чего мы не знаем, у него есть свои информаторы на берегу в испанских поселениях, наверняка сообщили о выходе судна с товаром, он знает, когда оно выйдет и каким маршрутом пойдет, а Вам придется ловить удачу за хвост по всему Карибскому морю.

- Для чего же курсировать по всему морю? Нужно подумать, – ответил Фицрой.

- А вот Вам и информация для размышления. Буквально несколько дней назад Вильям Кирр просил своего приятеля Вилленгтона дать ему несколько дюжих матросов, помочь с кренгованием «Авантюры», а то корабль оброс ракушками, еле ползет по воде. А тут вдруг отказался от кренгования и решил выйти в море. Какая может быть охота за добычей, если киль оброс ракушками и не позволяет развить максимальную скорость?

- Значит, он знает точно, где пройдет испанский корабль, и будет ждать его, догонять добычу ему не придется.

- Остается только вычислить откуда пойдет корабль, и каков будет его маршрут, – подытожил Даниэль Маклорен.

- Именно то, что знает Вильям Кирр, и что неизвестно нам, – сказал Фицрой, – что ж, пойдем на корабль, посмотрим карту, подумаем.

Простившись с Томасом Греем, Фицрой и Маклорен вернулись на борт «Габриэлы» и, разложив на столе капитанской каюты карту Карибского моря, стали размышлять.

- Откуда может идти испанский корабль? – задал вопрос Фицрой.

- Думаю, что корабль выйдет из Панамы, – предположил Даниэль.

- Почему именно из Панамы? – спросил Фицрой.

- Потому, что на другие испанские колонии пираты уже совершали набеги, и вывозить оттуда, пожалуй, уже нечего, а вот на Панаму еще никто не нападал, – ответил Маклорен.

- Тогда он может пойти Наветренным проливом – это самый короткий путь, именно там и будет ждать его капитан Кирр, на выходе из пролива, спрячется где-нибудь за мысом, и когда испанец будет выходить из пролива, нападет на него.

Штурман посмотрел на карту, измерил расстояние от Панамы до Наветренного пролива, прикинул другие варианты и сказал:

- Но возможен и иной вариант, испанец может пройти проливом Мона между Эспаньолой и островом Сан-Хуан.

- Если бы испанец должен был идти проливом Мона, то Вильям Кирр не рискнул бы выходить на перехват судна на корабле, у которого днище не очищено от ракушек, – сказал Фицрой.

- Почему ты так думаешь? – спросил Маклорен.

- Да потому, что пролив Мона в три раза шире Наветренного, у испанца есть возможность маневра, а у Кирра возможности маневра ограничены из-за обросшего ракушками киля, добыча может запросто ускользнуть, и догнать испанское судно «Авантюра» не сможет, а в Наветренном проливе перехватить нагруженный и потому не очень маневренный галеон гораздо проще, значит, Вильям Кирр точно знает, что судно пойдет именно Наветренным проливом, – высказал свое предположение Фицрой.

- Тогда мы сможем напасть на испанца перед проливом, – предложил штурман.

- Не думаю, что это лучшая идея, – возразил Фицрой, – если испанский капитан заметит нас, он не станет двигаться прежним курсом, скорее всего, он обогнет Эспаньолу и изменит маршрут.

- Пожалуй, ты прав, – согласился Маклорен.

- Сделаем так, – предложил Фицрой, – «Габриэла» под черным флагом будет курсировать между Ямайком и Эспаньолой напротив Наветренного пролива так, чтобы не заменить ее было невозможно, а «Санта Мария» поднимет испанский флаг и будет ждать добычу у входа в пролив Мона. «Санта Мария» – тоже галеон, она не вызовет подозрений у испанцев, там более, что на ней будет развиваться испанский флаг. Как только я на «Габриэле» замечу испанский галеон, пойду за ним, там мы с тобой встретимся и возьмем испанца на абордаж.

День выхода в море начинался удачно, дул устойчивый, ровный зюйд-ост, легкие облака плыли по чистому синему небу. В час отплытия у пирса собрались капитаны, оживленно споря между собой. Большинство поддерживало Вильма Кирра, все понимали, он что-то задумал, не просто так он предложил Фицрою это пари, но нашлись и такие, которые были уверены, что Фицрой выйдет победителем в этом споре, слухи о его прежних удачах дошли и до этих мест. Начали делать ставки, капитанов все больше охватывал азарт, ставки росли, когда соотношение достигло десяти за капитана Кирра против одного за капитана Фицроя, Пит Биндер, принимавший ставки в этом споре на правах букмекера, объявил:

-Все, джентльмены! Ставки сделаны! Пора выходить в море!

Первым от причала отошла «Авантюра» капитана Кирра, взяв направление на восток, следом за ним отчалили «Габриэла», затем «Санта Мария», развернувшись в западном направлении. Когда паруса кораблей скрылись за горизонтом, капитаны разошлись, продолжая обсуждать спор, говоря о шансах на победу каждого из спорщиков.

Когда Даниэль Маклорен выходил из бухты на флагштоке «Санты Марии» развевался черный пиратский флаг, но как только берег Ямайки скрылся из виду, он приказал спустить пиратский флаг и поднять испанский, который Фицрой приказал сохранить после того, как корабль был захвачен им, и стал плавать под Веселым Роджером. Перед входом в пролив Мона Маклорен свернул паруса и лег в дрейф в ожидании приближения испанского транспорта.

Фицрой на своей «Габриэле» курсировал между Ямайкой и Эспаньолой под кливерами и нижними парусами фок-мачты: фоком и фор-марселем, переходя с галса на галс. Он не спешил, не пытался скрыть свое присутствие, стараясь вести корабль так, чтобы каждый, кто заметит его, видел поднятый на

флагштоке черный пиратский флаг. Вдали на горизонте Фицрой заметил паруса корабля, шел он в направлении Наветренного пролива, выдерживая направление так, чтобы пройти между Ямайкой и Эспаньолой. Фицрой сделал все возможное, чтобы неизвестный корабль как можно быстрее заметил присутствие на направлении своего движения фрегата под черным пиратским флагом.

Испанец, заметив опасность, сделал поворот фордевинд и устремился в сторону пролива Мона, обходя Эспаньолу с юга. Фицрой последовал за ним, идя правым галсом и не добавляя парусов, чтобы не догнать сразу медленно идущий, видимо, тяжело нагруженный галеон.

Капитан испанского галеона Хуан Родригес заменил фрегат, который курсировал между Ямайкой и Эспаньолой, рассматривая его в подзорную трубу, он сумел заметить черный пиратский флаг. Пиратский корабль не даст ему войти в Наветренный пролив, как он рассчитывал, принимать бой он не хотел, его галеон был сильно загружен и явно уступал в маневренности пиратскому кораблю. Хуан Родригес был одним из тех капитанов, которые приняли бой с английской эскадрой на траверзе Азорских островов по пути из Нового света в Испанию, и единственным, кому удалось добраться до испанских берегов. Вначале все складывалось благополучно, три хорошо вооруженных галеона сопровождали четвертый, нагруженный золотом и прочими драгоценностями, награбленными испанцами у местных племен. Английская эскадра появилась внезапно, после стихшего шторма, и он, Хуан Родригес, принял решение атаковать первым. Удачным маневром он поджег один английский корабль и серьезно повредил два других, казалось, исход сражения уже был предрешен в пользу испанцев, англичане потеряли способность сопротивляться, но тут появился этот чертов фрегат, он потопил два галеона и взял на абордаж корабль Родригеса, но, как бы это ни было странно, капитан четвертого фрегата взял лишь груз с галеона, не тронув никого из оставшихся в живых после боя. Не стал он топить и корабль. Видимо, он спешил в погоню за четвертым галеоном, сообразив, что основной груз находится именно там.

Четвертым галеоном была «Санта Мария», с нее специально сняли часть пушек, чтобы она могла принять как можно больше груза, три хорошо вооруженных галеона охраняли ее, и если бы не действия этого капитана, которого, как позже выяснил Хуан Родригес, звали Фицроем, все обошлось бы благополучно. Родригес не знал, что случилось с «Санта Марией», удалось ли капитану Фицрою догнать ее и атаковать, но в Испанию она так и не пришла.

Хуан Родригес решил обойти Эспаньолу и выйти в океан проливом Мона, надеясь оторваться от пиратского корабля, если он заметит его маневр и пустится в погоню. Пират действительно развернулся и стал догонять галеон Родригеса, но время шло, а верхушки мачт пирата оставались на прежнем расстоянии. Вскоре Родригес заметил корабль, находившийся в проливе ближе к берегу Эспаньолы. Приблизившись, Родригес рассмотрел, что это был галеон, на флагштоке его развевался испанский флаг.

Родригес успокоился, он подумал, что теперь пират не осмелится напасть на два испанских галеона, соотношение сил складывалось не в пользу пирата. Он приказал поставить все паруса и, воспрянув духом, не ожидая подвоха, понесся навстречу своей беде.

Прозрение к нему пришло слишком поздно, когда Хуан Родригес уже приблизился к неизвестному галеону на расстояние выстрела, на его флагштоке неожиданно взвился черный пиратский флаг. В этот миг он узнал корабль, это была «Санта Мария», та самая «Санта Мария», сопровождать которую должен был он, капитан Хуан Родригес во главе отряда хорошо вооруженных галеонов. Он понял, что случилось с «Сантой Марией», она попала в руки пиратов и теперь тот корабль, который он должен был охранять, разворачивался для атаки. Он шел навстречу нос в нос, не производя ни единого выстрела и не давая Хуану Родригесу развернуться бортом для залпа. «Санта Мария» шла на абордаж.

А капитан Фицрой в это время поставил все паруса и быстро нагонял испанский глеон, он заходил с правого борта, в то время, как с левого борта в атаку на галеон заходила для абордажа «Санта Мария».

- Абордажные крючья готовь! – скомандовал Даниэль Маклорен.

«Санта Мария» сцепилась с испанским галеоном и абордажная команда уже вскочила на палубу атакованного корабля. Даниэль со шпагой в руке бросился вперед, в гущу противника, столкнувшись с капитаном галеона Хуаном Родригесом. Родригес оказался весьма искусным в фехтовании, но Даниэлю все же удалось выбить шпагу из его руки особым приемом, отражая который, противник вынужден вывернуть руку ладонью вверх, пальцы, сжимающие эфес шпаги, при этом расслабляются, еще одно движение, и шпага противника падает на палубу. Он прижал Родригеса к мачте, приставив острие шпаги к его груди.

- Если Вы сейчас прикажите своим матросам бросить оружие, я сохраню Вам жизнь и корабль, мне нужен только груз!

- Да идите Вы к черту, грязный пират! – крикнул Хуан Родригес, выхватывая из-за пояса кинжал.

- Поверните голову вправо, – крикнул Маклорен, – видите, приближается фрегат? Сейчас капитан Фицрой прижмет Ваш галеон с правого борта, и соотношение сил сложится не в Вашу пользу!

Услышав имя капитана Фицроя, Родригес выронил кинжал и приказал своим матросам прекратить сопротивление и сложить оружие. Второй раз этот капитан становился на его пути, и второй раз он, Хуан Родригес, оказывался поверженным этим удачливым капитаном.

Капитан Фицрой со своей абордажной командой уже перешел на палубу галеона, когда команда его прекратила сопротивление, но один из офицеров испанского корабля поднял пистолет, целясь в Фицроя.

- Я приказал опустить оружие! – громко крикнул Хуан Родригес. – Нам обещали сохранить жизнь и корабль!

- И ты поверил этим разбойникам? – спросил офицер своего капитана, нехотя опуская пистолет.

- Это капитан Фицрой, – ответил Родригес, – ему можно верить, он мог бы потопить нас еще тогда, в сражении у Азорских островов, но не сделал этого.

- Так это были Вы? – удивился Фицрой. – Не думал, что нам придется еще раз встретиться!

- Надеюсь, это последняя наша встреча, – мрачно проворчал Родригес.

- У меня к Вам просьба, ребята, – сказал Фицрой, – чтобы не затягивать нашу встречу, которая, как я понимаю, не доставляет Вам удовольствия, помогите перенести груз из трюмов Вашего корабля в трюмы нашего.

- Еще чего! – возмущенно ответил офицер, который только что целился из пистолета в Фицроя.

- Он прав, Фернандо, чем быстрее груз окажется у них, тем быстрее они нас отпустят, – сказал Родригес, – распорядись, пусть матросы поднимут груз из трюмов на палубу.

Когда содержимое трюмов испанского галеона перекочевало в трюмы «Габриэлы» и «Санта Марии», капитан Фицрой протянул Родригесу руку и тот принял ее.

- Прощайте, капитан, – сказал Фицрой, пожимая руку Хуану Родригесу, – желаю вам счастливо добраться до берегов вашей родины без новых приключений. А груз? Да забудьте о нем, одни бандиты ограбили местные племена, тех, кому по праву принадлежало все это золото, а другие бандиты отняли его у вас, стоит ли об этом жалеть?

Когда корабли капитана Фицроя с полными трюмами вернулись в Порт Рояль, «Авантюры» капитана Кирра еще не было видно у причала. Все капитаны, что провожали их, с восторгами и залпами ружей встретили вернувшиеся с победой корабли. Все единодушно признали право капитана Фицроя на независимость в пестрой среде берегового братства.

Капитан Кирр ждал, время шло, а испанский галеон все не появлялся, по всем расчетам он должен был давно пройти Наветренный пролив, тревожное подозрение охватило его, либо его осведомитель что-то перепутал, либо планы испанцев поменялись, а, возможно, случилось то, о чем смутно догадывался капитан Кирр, заметив странную улыбку на лице Фицроя, когда тот принял условия пари. О том, что капитан королевского флота Джеймс Фицрой весьма не прост, ему не раз говорили, но он был уверен, Фицрою не может быть известно о том, что задумал он, Вильям Кирр. Фицрой не мог знать, когда выйдет и каким маршрутом пойдет этот чертов галеон, он вообще не может знать, как Кирр собирается раздобыть приз, он мог просто напасть на какое-либо поселение испанцев на островах или на материке, да мало ли какие еще возможности существуют?

Но как бы ни утешал себя Вильям Кирр, он никак не мог избавиться от одной мысли – что-то пошло не так, и причиной тому является именно его противник в этом споре, капитан Фицрой. Понимал он еще и то, что он никак не может вернуться в Порт-Рояль с пустыми трюмами, это не только проигрыш пари, – это крах всей его карьеры в качестве атамана берегового братства, конец

той роли, на которую он претендовал. Теперь даже те, кто исправно ему платил, отвернутся от него.

Ветер усилился, низкие кучевые облака проносились над водой, надвигался шторм, нужно было либо возвращаться, либо уходить подальше в океан, оставаться у береговых скал становилось крайне опасно. Уходить в океан и искать там случайную добычу было неразумно, он отказался от кренгования, и теперь его корабль с обросшим ракушками килем не мог состязаться в скорости с испанскими торговыми судами.

Капитану Вильяму Кирру ничего не оставалось делать, как вернуться на Ямайку. Когда он только вошел в порт, то еще не успев отшвартоваться все понял – капитан Фицрой вернулся с добычей. Это был удар, которого капитан Кирр пережить не мог, он должен был отомстить, но ничего такого, что могло бы уничтожить Фицроя в глазах всех капитанов берегового братства, он придумать не мог. Отложив месть до лучших времен, он сделал то, что и должен был сделать по этикету морских бродяг, именовавших себя джентльменами удачи – поздравил капитана Фицроя с богатой добычей. К его удивлению, Фицрой принял его поздравление без тени ехидства, сарказма, и нечем не выразил своего превосходства. Это еще больше разозлило Вильяма Кирра, и он поклялся во что бы то ни стало отомстить удачливому капитану. Он еще не представлял, каким образом он сможет это сделать, но намерение отомстить прочно завладело его сознанием.

Королевские пираты

Слухи об успехах капитана Фицроя передавались из уст в уста, обрастая все более новыми подробностями, в том числе и теми, которых в реальности не существовало, величина его добычи и число удач постоянно преувеличивалось, приключения его приукрашивались и приумножались. Слухи эти ширились, росли, распространялись по всем портовым кабакам, и достигли наконец берегов туманного Альбиона.

Королева, после того, как придворные донесли до ее ушей очередную порцию слухов о победах бывшего капитана флота ее величества, пригласила к себе леди Инессу.

- Слышали очередную историю о победе капитана Фицроя? – спросила королева свою фрейлину?

- Думаю, Ваше величество, что половину всех этих слухов можно смело отбросить, но с тех пор, как этот капитан поссорился с лордом Бэконом и стал пиратом, госпожа удача, несомненно, сопутствует ему.

- А что Ваш друг, лорд Бэкон? Каковы это отношения с этой капризной дамой?

- Увы, Ваше величество, – леди Инесса театрально вздохнула, – весьма похоже, что адмирал, поссорившись с удачливым капитаном, навлек на себя гнев этой капризной дамы. За последнее время он не одержал ни одной серьезной победы.

- Я очень рада успехам капитана Фицроя, даже если они и слегка преувеличены, – заметила королева, – жаль, что его победы не добавляют ничего в казну королевства, нужно подумать, как исправить это досадное недоразумение.

- Вы хотите вернуть капитана Фицроя на службу? Но для этого надо примирить его с адмиралом Бэконом. Боюсь, эта задача слишком сложна.

- Я не сказала, что хочу вернуть капитана Фицроя на службу, я сказала, нужно, чтобы добыча, которую завоевывает Фицрой, оставалась не только в трюмах его кораблей, а попадала и в королевскую казну. Я не вижу смысла мирить капитана и адмирала, если между ними возникли противоречия, нужно использовать их в наших интересах. Нужно выдать капитану Фицрою каперскую грамоту, пусть он продолжает грабить испанские транспорты, но делится своей добычей с королевской казной. А мирить лорда Бэкона с Фицроем не нужно, не сомневаюсь, что адмирал постарается представить своего строптивого подчиненного в самом неприглядном свете, в свою очередь поклонники капитана Фицроя, а их, я полагаю, найдется немало, постараются собрать как можно больше сведений, порочащих честь и достоинство адмирала. Мы будем скрупулезно собирать как одни слухи, так и другие, и, имея на руках их, сможем влиять на судьбу и одного, и второго, когда нужно вознося их достоинства до небес, а когда потребуется, низвергая их в ад.

- Это очень мудрое решение, Ваше величество, – согласилась леди Инесса.

- Я рада, что Вы разделяете мое мнение, вот Вы, дорогая моя, этим и займетесь. Думаю, у Вас достаточно воображения, чтобы развить мою мысль в нужном для нас направлении, – сказала королева. – Подумайте, кого мы пошлем в Карибское море, чтобы вручить нашему капитану каперскую грамоту, а заодно и пригласить его на бал, который мы дадим в его честь?

- Вы ходите дать в честь капитана Фицроя бал? – удивилась леди Инесса.

- Почему бы нет? Ведь надо же как-то стравить нашего смелого корсара со светским обществом, где же это сделать, как не на балу? Ну, так кого же мы пошлем на Карибские острова?

- Может быть самого адмирала? – предложила леди Инесса. – Неплохой повод свести вместе двух противников.

- О, нет! – Возразила королева. – Это было бы слишком просто, нужно как можно дольше подогревать ненависть одного против другого, не давая ей вспыхнуть и сгореть, удерживая их на значительном расстоянии друг от друга. Что Вы думаете на счет сэра Генри Моррона?

- Думаю это достойная кандидатура, однако сэр Генри слишком жаден и завистлив.

- Ну вот и хорошо, мы предоставим и ему каперскую грамоту, а еще назначим его вице-губернатором острова Ямайка, это утолит его жадность и завистливость.

- Вы вводите еще одного игрока? – удивилась леди Инесса.

- Да, моя дорогая, не отдавать же всю удачу одному капитану Фицрою, когда-нибудь придет время, и его, которого мы вознесем до небес, придется низвергнуть в ад. Должен же кто-то будет его заменить.

Сэр Генри Моррон, прибыв на Ямайку, сразу взялся за дело, он устроил свою резиденцию в здании, где разместился губернатор острова сэр Эдвард Рой, оборудовав себе кабинет с роскошью, превосходящей относительно скромную обстановку кабинета самого губернатора.

Вице-губернатор пригласил капитана Фицроя в свой кабине, и после непродолжительной, но пылкой речи о роли каперства в укреплении позиций Бри-

тании торжественно вручил ему каперскую грамоту. Не забыл Генри Моррон и передать капитану Фицрою приглашение на бал, добавив, что он позволит ему отправиться в Англию, когда представится такая возможность, дав тем самым понять, что отныне действия капитана Фицроя будут подчинены воле вице-губернатора.

Генри Моррон за короткое время изменил коренным образом всю привычную вольницу Берегового братства. Он объявил, что отныне все походы будут организованы им лично и осуществлены при его участии. Но он не претендовал на то, чтобы ему платили дань, как пытался это сделать Вильям Кирр, он заявил о честном дележе добычи при равных правах всех членов Берегового братства, заявив, что его доля будет такой же, как и доля остальных капитанов. Большинство пиратов его поддержали, понимая, что мощная флотилия под единым руководством будет действовать эффективнее, чем пираты одиночки. Капитану Моррону удалось собрать восемнадцать кораблей, на которых он отправился грабить испанские поселения на острове Куба. Отправился вместе с ним в этот поход и капитан Фицрой.

Высадившись на остров и подойдя к первому поселению, пираты с удивлением заметили, что все местные жители исчезли, ушли далеко в горы, прихватив с собой все свое богатство и скот. Пираты пришли в бешенство, они бросились искать сбежавших по всем окрестным лесам, и когда находили, подвергали их самым страшным пыткам, чтобы выведать, где спрятаны драгоценности и куда угнали скот. Несчастных подвешивали между деревьями, привязывая за руки и за ноги, пока руки и ноги не вырывались из суставов, засовывали им ноги в костер, предварительно смазав их свиным жиром.

Капитан Фицрой резко высказался против пыток, спросив:

- Ответьте мне, сэр Генри, неужели все это золото стоит адских мучений этих нечастных?

- Почему Вы спрашиваете меня об этом, Джеймс? Спросите их, почему они предпочитают умереть в страшных муках тому, чтобы расстаться с богатством? Причем не заработанным честным трудом, а отнятых у аборигенов, которых они согнали с этих земель?

- Но Вы отбираете и скот, выращенный ими.

- А нам ведь тоже нужно чем-то питаться, – ответил капитан Моррон.

На Ямайку пиратская флотилия пришла нагруженная золотом и иными драгоценностями, кроме всего прочего на корабли погрузили пятьсот буйволов, которых частью продали, частью пустили на мясо, устроив бурный пир по поводу удачного похода.

Следующий поход сэр Генри Моррон решил предпринять уже на материк, целью его стал город Понто Дельгано, расположенный в глубине материка, в горах, в верховьях реки Чаки, однако, опасаясь утечки информации, о целях похода он не объявил никому, кроме капитана Фицроя, пользовавшегося особым доверием вице-губернатора. Корабли бросили якоря в устье реки, далее предстоял пеший путь вдоль берега сквозь заросли тропического леса. Укрепления города, которые предстояло брать штурмом были построены по всем правилам фортификационного искусства, с учетом труднодоступной гористой местности. Сведения о них сэр Генри раздобыл у пленных испанских моряков и серьезно готовился к штурму. Оставив часть команды на кораблях, он взял с собой шлюпку, нагруженную боеприпасами и канатами для оборудования штурмовых лестниц, запасы провианта и воды были минимальны. Моррон надеялся обеспечить питание команды за счет ограбления местных поселений, расположенных вдоль реки. Шлюпку тянули на канате, идя по берегу.

Капитан Вильям Кирр, принимавший участие в этом походе решил, что настал наконец подходящий момент для мести капитану Фицрою. Он задумал поссорить Фицроя и Моррона. Повод для ссоры должен быть очень серьезным, таким, чтобы Моррон не мог простить Фицроя и должен был непременно уничтожить его. Если повода для разногласий не существует, то нужно создать этот повод.

Зная о том, что запасы провианта весьма ограничены, и весь расчет строился на том, чтобы добыть еду у жителей местных поселений, он рассказал индейцу-проводнику о целях пиратов и их методах добычи провианта у местного населения. Больше Вильяму Кирру ничего делать было не надо, достаточно было позволить проводнику сбежать. Проводник-индеец предупредил жителей о том, что движется отряд разбойников, опустошающих все на своем пути. Результаты не замедлили сказаться – в первом же селе они обнаружили полное отсутствие жителей и чего-либо, пригодного в пищу, то же повторилось и во втором, и в третьем, в во всех последующих селениях.

Голодные пираты начали роптать, некоторые предлагали повернуть назад, в отряде назревал бунт. Теперь нужно было умело использовать недовольство пиратов, не привлекая к себе подозрений. Поздно вечером у костра, после ужина листьями деревьев и пойманными насекомыми Вильям Кирр заговорил с одним из пиратов по имени Джерри Жмор:

- Если так пойдет и дальше, то мы скоро здесь все передохнем с голоду, так и не добравшись до цели.

- Мне сразу не нравилась эта затея, – отозвался Жмор, – Моррон завел нас в ловушку, нужно возвращаться, я вообще сомневаюсь, что этот богатый город действительно существует.

- Сэр Генри ни за что не повернет назад, – ответил Кирр, – он никогда не останавливается на полпути, не сомневайся, Джерри, Моррон пойдет до конца, чего бы это нам ни стоило.

- В береговом братстве все решения принимаются совместно, такова традиция.

- Да плевал он на наши традиции, он ведь не сказал нам куда и зачем мы плывем, он сам так решил, а на наше мнение ему наплевать, – подогревал недовольство пирата Вильям Кирр, – о цели похода мы узнали только здесь, на берегу.

- Нужно вручить Черную метку Моррону, низложить его и выбрать другого капитана! – предложил Жмор.

- Наверное, ты прав, что думаешь по поводу капитана Фицроя? – Кирр подбирался к цели, если мятеж возглавит Фицрой, этого Моррон ему не простит.

- Фицрою я верю, это настоящий моряк, нужно его выбрать нашим капитаном, ему можно доверять, – ответил Жмор.

- Но ведь Фицрой никогда не пойдет проти Моррона, он военный моряк и понимает, что значит дисциплина, нет, Фицрой не вручит сэру Генри Черную метку, – сказал Вильям Кирр.

- Фицрой уважает наши традиции, и если мы выберем его капитаном, он не пойдет против нашего мнения, – ответил Жмор.

- Поговори с людьми, – предложил Кирр, – если это мнение поддержит большинство джентльменов удачи, Фицрой станет на нашу сторону.

Горючий материал был подготовлен, фитиль зажжен, оставалось только ждать, когда прогремит взрыв. Бунт несомненно будет подавлен, Моррон умеет и убеждать и принуждать, он ни за что не простит Фицроя, и либо казнит его, либо изгонит из Берегового братства.

Проходили дни тяжелого пути, отсутствие пищи усугубляли ядовитые змеи и насекомые, люди падали без сил, некоторые умирали от голода, недовольство росло. В одном покинутом жителями селении пираты обнаружили пустые кожаные мешки от вина, их порезали на лоскуты, вымочили в воде, изжарили и съели, но и это не помогло, люди болели и умирали. И вот однажды бунт, подогреваемый капитаном Кирром вспыхнул, сэру Генри Моррону вручили Черную метку, вручил ее тот самый Джерри Жмор.

- Что это значит, Жмор? – спросил Моррон, получив клочок бумаги, измазанный сажей.

- Это значит, что ты больше не капитан. Мы избрали себе другого капитана! – ответил Джерри.

- Как, уже избрали? – удивленно вскинул брови сэр Генри. – Но прежде вы должны предъявить мне обвинения, я должен ответить на них, и только в том случае, когда я не смогу ответить вам, вы имеете право избирать другого капитана. А вы явно поторопились. И кому же вы высказали свое доверие?

- Капитану Фицрою, – ответил Жмор.

- Как? – удивленно воскликнул Моррон, безгранично доверявший Фицрою. – И он поддержал вас?

- Мы еще не говорили с ним, – мрачно пробурчал Жмор.

- Как так, не говорили? – сэр Генри бросил недоуменный взгляд на Жмора.

- Мы подумали, что он согласится стать капитаном вместо тебя, я поговорил с людьми, и они поддерживают мое мнение.

- Продолжим разговор после того, как вы предъявите мне обвинение, и после того, как переговорите с Фицроем, – подытожил Моррон.

После выражения недоверия Моррону Жмор подошел к Фицрою.

- У нас есть разговор к Вам, капитан, – сказал он с важным заговорщицким видом.

- У кого это, у вас? – поинтересовался Фицрой.

- У тех, кто не доверяет сэру Генри и доверяет Вам. Мы хотим Вас избрать капитаном.

- У меня лично нет оснований не доверять сэру Генри, – ответил Фицрой.

- Мы только что вручили Моррону Черную метку от Вашего имени, – брякнул Жмор, – мы просим поддержать нас.

- От моего имени? – возмутился Фицрой. – Запомни Жмор, запомни это навсегда, от моего имени могу говорить и действовать только я! Никто не смеет поднимать бунт от моего имени! Почему ты решил, что я поддержу бунтовщиков?

- Мы доверяем Вам, а Моррон потерял наше доверие! – ответил Жмор.

- Отчего же тот, кому вы доверили свои судьбы, выйдя в поход под его командованием, вдруг потерял ваше доверие? Вас никто не принуждал идти с ним в поход, вы пошли добровольно, в чем дело, Жмор?

- Наши люди умирают от голода, скоро мы все здесь подохнем, так и не добравшись до города. Это вина Моррона, он обманул нас!

- Обманул? – переспросил Фицрой.

- Да, обманул! – подтвердил Джерри.

- В чем он вас обманул?! – резко отозвался Фицрой. – Разве он говорил вам, что добыча достанется легко? Разве когда-нибудь вы добывали легко побе-

ду? Разве не умирали вы под пулями в абордажном бою? Разве не тонули вы, когда шли на дно ваши корабли, пробитые ядрами противника? Сейчас просто нет еды, но впереди еще штурм мощных укреплений, штурм под градом пуль и ядер. Никто не обещал вам легкой победы, а вы раскисли при первых же трудностях! Высказать недоверие своему капитану, вручить ему Черную метку – это предательство! Если у вас нет мужества идти до конца, возвращайтесь! Никто вас не держит, доля добычи остальных от этого только увеличится, уходите и не смущайте остальных!

Жмор опустил взгляд в землю, немного помедлил с ответом, и сказал:

- Я понял Вас, капитан, я был не прав, я приношу Вам свои извинения.

- Иди к сэру Генри и принеси свои извинения ему, может быть, он простит тебя.

Медленно, потупив взор, Джрри Жмор подошел к сэру Генри.

- Ну, что? – спросил сэр Генри. – Ты готов предъявить мне обвинения? А где же вновь избранный капитан? Что же он не пришел с тобой?

- Извините меня, сэр Генри, – с трудом выдавил из себя Жмор, – капитан Фицрой не поддержал нас, он высказал мне.., и я понял, что не прав, он велел извиниться перед Вами и забрать Черную метку.

- Что ж, забирай, – Моррон протянул Жмору клочок измазанной сажей бумаги, тот, что совсем недавно ему вручил мятежный пират, – пойди позови Фицроя сюда.

- Как думаешь, что это было? – спросил Моррон Фицроя, когда тот вместе с Жмором вновь подошел к сэру Генри.

- Думаю, кто-то пытается стравить нас друг с другом, – ответил Фицрой.

- Эй, Джерри, – окликнул Жмора Моррон, – кто тебе вложил в голову мысль о том, чтобы вручить мне Черную метку? – и обратившись к Фицрою, сказал: – этот малый не так умен, чтобы самому додуматься до такого, кто-то руководит им.

- Нет-нет! – поторопился с ответом Джерри. – Я сам это придумал, никто меня не учил, ведь по законам Берегового братства мы имеем право самим смещать капитана и выбирать нового, если …

- Что если? – спросил Фицрой. – если добыча не достается слишком легко? Если приходится терпеть лишения, голод, трудности долгого перехода?

- Но все селения до самого Понто Дельгано пусты, жители покинули их и уничтожили все съестное, а нам никогда не дойти до города, если не удастся найти продовольствие, – ответил Джерри.

- Почему ты думаешь, что и все последующие селения окажутся пустыми? – спросил Фицрой. – возможно в следующем селе мы обнаружим и еду и питье.

- Нет, капитан Кирр говорил, что нигде не найдем мы провиант, – возрзил Джерри.

- Это говорил тебе капитан Кирр? – удивленно спросил Моррон. – Это он предложил тебе поднять бунт?

- Нет-нет, он ничего о бунте не говорил, он … – Джерри бормотал что-то невнятное в свое оправдание.

- Значит Вильям Кирр, – протяжно проговорил Фицрой. – Он мстит мне за то, что когда-то я отказался подчиниться ему. Утверждать, что до самого города все селения будут пустыми может только тот, кто знает почему местные жители покинули свои жилища. Кто-то предупредил их.

- В самом начале пути пропал наш индеец-проводник, – заявил Моррон, – но он не знал о конечной цели нашего похода, кто-то ему рассказал о наших планах.

- Это дело Вильяма Кирра, – ответил Фицрой, – это он подбил Жмора поднять бунт и вручить Вам Черную метку.

- Пригласите сюда Вильяма Кирра, – приказал Моррон.

Капитан Кирр подошел к костру у которого сидели Моррон, Фицрой и Жмор, подошел с видом полного недоумения.

- Ты предал нас! – резко бросил ему в лицо обвинение Моррон.

- Да, о чем Вы говорите, сэр Генри! – возмущенно парировал Кирр. – Я бы никогда не посмел...

- Все-таки посмел, – ответил Фицрой.

- Ты знаешь, как мы умеем выведывать правду, – сказал Моррон, – если ты не хочешь, чтобы тебя изжарили живьем на этом костре, чтобы тебе не вырвали руки и ноги из своих мест, не изрубили тебя на куски, не содрали кожу с живого, то рассказывай все, как было.

Вильям Кирр рассказал все, все, что он задумал, и для чего это делал.

Моррон позвал пиратов и те привязали капитана Кирра к дереву.

- Будем судить тебя, – объявил Моррон, – пусть будет так, как решит Береговое братство, можно тебя повесить, а можно изгнать, какое решение вы принимаете, друзья мои?!

- Повесить, повесить! – доносилось со всех сторон, пираты были очень злы, они поняли, что во всех муках и страданиях, которые приходится им терпеть виноват Вильям Кирр.

- Ты слышишь? – крикнул Моррон. – Все единодушно решили, что тебя нужно повесить.

Но тут против общего мнения выступил капитан Фицрой:

- Я против, предлагаю изгнать его, пусть возвращается к берегу моря на свой корабль и плывет куда ему вздумается, но ни дай бог ему когда-либо еще раз оказаться на Ямайке!

- Не лучше было бы просто его повесить? – возразил Моррон. – Был бы хороший урок всем остальным, чтобы впредь подобного не повторилось.

- Вильям Кирр не одинок, как я понимаю, есть среди нас такие, что хотели бы повернуть назад, пусть уходят вместе со своим капитаном. У нас впереди еще трудный и долгий путь, штурм хорошо укрепленного города, нам нужны те, кто пойдет до конца, люди сильные духом и верные Береговому братству. Пусть

уходят те, кто сомневается, доля добычи оставшихся увеличится. Последние слова капитана Фицроя были встречены бурными возгласами одобрения.

Несмотря ни на что, желающих вернуться обратно вместе с капитаном Вильямом Кирром оказалось весьма немного, ведь возвращаясь к морскому побережью, где остались корабли, придется пройти по тем же голодным местам и терпеть все те же лишения, что придется терпеть тем, кто пойдет вперед, но у тех, кто пойдет вперед, хотя бы есть надежда на то, что все их страдания будут щедро вознаграждены богатой добычей, у те же, кто вернется, никакой надежды нет. Да и сам капитан Кирр не слишком желал возвращаться, цель его интриги была иная, но не достигнув ее, он сам поставил себя в такое положение, когда выбора уже не было, либо возвращение, либо петля. Добравшись до берега, Вильям Кирр со своей командой подняли паруса и вышли в море, но Карибское море было отныне закрыто для них, и они направились в Индийский океан, где промышляли пираты с острова Мадагаскар. Дальнейшая судьба капитана Кирра не известна, ходили слухи, что однажды он напал на корабль Ост-Индийской компании, но в абордажном бою не достиг успеха, попал в плен, доставлен в Англию, где после судебного разбирательства был повешен.

На следующее утро, проводив тех, кто выразил желание вернуться с капитаном Кирром бранью и проклятьями, пираты под предводительством сэра Генри Моррона продолжили свой нелегкий путь. Темный тропический лес встретил их тревожной тишиной, только крики невидимых глазу птиц да шуршание ползучих тварей в густой траве оглашало пространство. Сами пираты старались идти молча, чтобы не привлекать внимание невидимого врага, который мерещился им повсюду. Этим врагом могли быть и индейские племена, тайно сопровождавшие отряд, и свирепые хищники, притаившиеся в чаще, готовые в любой момент наброситься на замешкавшегося, отставшего путника.

Сэр Генри шел по самому берегу, несколько человек, идущие за ним, тащили на буксире лодку, а капитан Фицрой во главе остального отряда пробирался сквозь чащу, срезая путь на отрезках, где река петляла. Определить правильное направление в густой, непроглядной чаще тропического леса было непросто, тем более, что индеец, нанятый в качестве проводника, после предательства Вильяма Кирра исчез, ушел и более не возвращался. Местами приходилось прорубать себе дорогу в густых зарослях мечем.

Однажды путь отряду преградил ствол лианы, свисавший с дерева, которое обвило это вьющееся растение, Фицрой отодвинул лиану рукой, но неожиданно для него то, что казалось ему стволом растения, обвило его руку, в следующее мгновение перед ним возникла голова питона. Огромная змея обвилась вокруг его шеи, пытаясь задушить жертву, но шедший позади Фицроя Джерри Жмор выхватил меч и рассек тело змеи пополам. Питон ослабил объятия, и соскользнул с тела капитана на землю.

- Спасибо, Джерри, – сказал Фицрой, потирая шею, – я бы достать меч уже не успел.

Далее капитан Фицрой и Джерри Жмор продолжили путь, не выпуская оружия из рук. Так, пробиваясь сквозь чащу, вышли они на небольшую поляну, где стояло несколько хижин. Пираты бросились обыскивать поселение, но, как и прежде, никого и ничего не обнаружили, лишь в одной хижине нашли они миску с маисом и кувшин вина. Печь, на которой, видимо, совершенно недавно пекли лепешки, еще не успела остыть. Рядом стояло нехитрое приспособление для приготовления муки из зерен маиса, но пираты не воспользовались им. Изнывая от голода они ели маис сырым, запивая его вином. Капитан Фицрой пытался остановить их, говоря, что вино могло быть отравлено, но вразумить голодную толпу было невозможно.

Наутро те, кто пил вино и ел сырой маис подняться не смогли, они корчились на земле от болей в животе и решили, что вино действительно было отравлено. Но корабельный врач пришел к выводу, что причины страданий в в ином, ослабленный голодом организм не смог справиться с сырыми зернами кукурузы. Врач отпаивал несчастных отваром из трав, и через сутки они смогли продолжить путь.

К исходу следующего дня пираты добрались до поворота очередного реки. Низкий пологий берег был вытоптан копытами мулов и ногами людей, здесь, прямо на берегу лежали перевернутыми несколько лодок. От берега шла хорошо натоптанная тропа или даже дорога, вдалеке уже были видны башни городских укреплений. Сюда, к реке на мулах привозили серебро, которое далее отправляли на лодках вниз по реке к океану, а оттуда корабли везли его в Испанию. Серебро добывали в горах, и в городе его выплавляли из серебряной руды и отливали слитки.

До цели оставалось уже совсем немного, но и сил уже почти не осталось, нужно еще дожить до рассвета и с рассветом отправиться в путь.

Наверное всем известно, что госпожа удача дама весьма капризная и непостоянная, иногда она лишает своего покровительства даже тех, кто называет себя ее джентльменами. Она отвернулась от своих подданных тогда, когда они под предводительством сэра Генри Моррона покинули свои корабли и высадились на неприветливый, сплошь покрытый тропическими лесами, берег. Что послужило тому причиной, гадать не будем, возможно это было предательство капитана Кирра, а возможно, у госпожи удачи были свои планы относительно предпринятого ее джентльменами рейда.

Пираты люди не из робкого десятка, отправляясь в опасный путь, решившись на отчаянную авантюру, они готовы были ко всему: утонуть во время шторма в океане, пасть в бою с неприятельским кораблем, погибнуть под пулями во время штурма, но добраться до самой цели и упасть замертво без сил – такого предвидеть никто не мог. Таких молитв и проклятий, которые вознеслись к небу в этот вечер, наверное еще не слышал ни бог, ни дьявол. Были ли кем-то из них услышаны эти молитвы, или госпожа удача преподнесла очередной сюрприз своим подданным, мы не знаем, но только наутро проснувшись доведенные до крайнего отчаяния пираты увидели дивную завораживающую картину – на поляне, озаренной первыми лучами восходящего солнца, ничего не ведая о своей печальной участи мирно паслись четыре быка.

Осатаневшие от голода и неожиданной удачи люди с дикими криками бросились на бедных животных. Искушенные в этом деле буканьеры быстро умертвили и освежевали быков, наиболее нетерпеливые не стали дожидаться пока мясо изжарят на кострах, а стали пожирать еще теплую сырую окровавленную плоть несчастных жертв.

Утолившие голод и отдохнувшие пираты наконец добрались до конечной цели похода, перед ними на высокой скале виднелись укрепления города Понто Дельгано. Моррон с Фицроем осмотрели укрепления и принялись составлять план штурма. Моррон предлагал немедленно начать строить штурмовые лестницы, для этого они везли с собой в лодке канаты, железные скобы для скрепления бревен, топоры, пилы и прочие инструменты. Моррон планировал штурмовать крепость в лоб, не считаясь с теми огромными потерями, которые понесет отряд при штурме хорошо укрепленной крепости.

Фицрой не соглашался с ним.

- Так мы угробим весь отряд еще при штурме, но учти, внутри крепости многочисленный хорошо вооруженный гарнизон, численность которого мы даже не знаем. Хватит ли сил тем, кто поднимется на крепостной вал добиться победы над испанцами?

- Но другого выхода у нас нет, – парировал Моррон, – отчаяние и смелость, натиск и быстрота – вот наши союзники! Нужно атаковать, и чем быстрее, тем лучше, нужно не дать противнику подтянуть дополнительные войска и организовать оборону.

- Я внимательно осмотрел укрепления, – ответил Фицрой, – хорошо укреплен только южный склон горы, на восточном склоне укреплений практически нет.

- Естественно, зачем там укрепления? Об укреплении восточного склона позаботилась сама природа, там отвесная скала, никаких шансов вскарабкаться по ней наверх нет.

- Тебе так только кажется, в скалах есть трещины, и если вбить туда скобы и сделать крючья, можно закрепить канаты и подняться по ним на вершину горы. Там нас не ждут, там даже орудий нет, ворвемся в крепость с восточной стороны!

- Есть смысл в твоих словах, – согласился Моррон, – но если они поймут наш маневр, то легко смогут сбросить нас в пропасть, им даже стрелять не нужно будет, просто скидывать камни на наши головы, обломков скал тут хватает.

- Ну, для того, чтобы сбросить сверху обломок скалы, его нужно туда еще затащить, а времени на это у них не будет, если, конечно, они вовремя не заметят нас. А чтобы у них и мысли не возникало, что какие-то безумцы могут отважиться на штурм крепости по отвесной скале, начнем штурм с двух сторон, атака по южному, пологому склону будет отвлекающей, поведешь людей на штурм ты, но не подставляй их под пули и ядра зря, а я с небольшим отрядом поднимусь по восточному склону, когда мы ворвемся в крепость, они снимут основные силы с южной стены и бросятся на нас, тогда твой отряд сможет выполнить задачу.

Матросы, конечно, не альпинисты, но для того, чтобы взбираться на мачты по вантам, ходить по реям в шторм и выбирать промокшие паруса, которые в любую минуту могут сбросить матроса вниз, нужны не меньшие храбрость, отвага и мастерство, чем для того, чтобы лазать по скалам. Фицрой нащупал трещину у основания скалы, вбил туда скобу, продел сквозь нее канат, один конец его закрепил на себе, обвязав себя беседочным узлом, булинем. Потом, поднявшись выше, найдя следующую расщелину, проделал с ней то же самое, поднимаясь все выше и выше. Матрос, стоящий у подножия скалы, держал второй конец каната, страхуя Фицроя. Если тот оступится и сорвется со скалы, канат, продетый сквозь скобу, удержит его, опасность возникала тогда, когда, вбив очередную скобу, Фицрой продевал сквозь нее канат, для этого нужно было отвязать себя, продеть конец каната сквозь скобу, а затем снова связать на груди булинь. Если он сорвется в этот момент, то его уже ничто не сможет спасти, но прежде чем отвязать себя от страховки, он отыскивал твердую опору для ног, прижимаясь всем телом к скале, стараясь выполнять все действия только руками, не шевеля ни ногами, ни туловищем.

Поднимались тремя колоннами, всем было приказано в том случае, если кто сорвется со скалы, падать молча, без крика, чтобы раньше времени не обнаружить себя перед противником. Всего на стену поднялись тридцать человек, никто не сорвался. И вот под предводительством Фицроя небольшой отряд отчаянных головорезов с криками и беспорядочной стрельбой, рассчитанной более на испуг врага, чем на прицельный выстрел, бросились в атаку на защитников крепости.

Маневр для испанцев оказался неожиданным, они прекратили отбавить атаку с южной стороны и все силы бросили на восточную, откуда прежде атаки никто не ожидал. Испанцы были в полной растерянности, они не поняли, что перед ними всего тридцать человек, паника в рядах защитников крепости лишила их способности действовать планомерно и обдуманно, отражая атаки с двух сторон. Если до этого все силы были сосредоточены на самом опасном южном пологом склоне, то теперь, увидев, что свершилось не предвиденное, пираты атаковали их оттуда, куда в принципе подняться было невозможно, испанцы беспорядочно бросали свои позиции на южной крепостной стене и бросались на восточную, при этом пушки остались без прислуги и уже не представляли опасности для отряда Моррона. Через несколько минут отчаянного боя крепость пала, путь на город был открыт.

Опьяненная успехом толпа бросилась в город грабить все, что попадалось на пути. Фицрой требовал прекратить бессмысленные грабежи, прекрасно понимая, что горожане были заранее предупреждены о намерениях пиратов сбежавшим проводником-индейцем, и все самое ценное они уже спрятали далеко и надежно. Наконец Моррону и Фицрою удалось справиться с обезумевшей толпой и навести кое-какой порядок в рядах пиратов. Губернатору было отправлено послание с требованием выкупа под угрозой разграбить и сжечь весь город. Ужас повальных грабежей жители города уже ощутили на себе и были согласны на любой выкуп, лишь бы их оставили в покое. Однако губернатор счел выкуп непосильным и ответил отказом, предупредив пиратов, что угрозами они ничего не добьются, он требовал переговоров с Морроном.

- Каков нахал! – возмутился сэр Генри. – Он хочет вступить со мной в переговоры! Да я за одну ночь сожгу этот город, и камня на камне не оставлю!

- Не торопись, – сказал ему Фицрой, – здесь что-то не то, похоже, он хочет оттянуть время.

- Что это ему даст?

- Думаю, он ждет подкрепления, они могут подойти из глубины материка, и тогда соотношение сил может сложиться не в нашу пользу. Соглашайся на переговоры, посмотрим, что он предложит, а я тем временем с ребятами сделаю вылазку в сторону дороги, что ведет вглубь материка, она единственная, другой нет, посмотрим, обоснованы ли наши подозрения.

Моррон согласился на переговоры, но не прибыл во дворец губернатора, а потребовал его к себе, свою резиденцию он устроил в захваченной крепости. Губернатор прибыл, он предложил сократить сумму выкупа вдвое, но Моррон стоял на своем.

Пока шли эти переговоры, Фицрой с десятью своими матросами обследовали дорогу, ведущую вглубь материка, двигаясь рядом с ней под прикрытием буйной местной растительности они поднялись на перевал, оттуда дорога уходила вниз, в долину. В подзорную трубу Фицрой разглядел в долине непонятное движение. Над долиной поднимались клубы пыли, в сторону города двигался многочисленный отряд пехоты и конницы. Фицрой отослал гонца к Моррону с

короткой запиской: «Соглашайся на любые условия, но выкуп требуй немедленно».

Получи странную записку от своего капитана, Моррон еще не понимая, что произошло, согласился на сократить выкуп на указанную губернатором сумму, требуя, чтобы сбор средств для выплаты выкупа начался незамедлительно. Губернатор, как и предполагал Моррон, начал юлить, стараясь оттянуть выплату.

Фицрой же двинулся дальше, тщательно обследуя дорогу, ища место, где можно было бы устроить засаду или каким-то образом преградить путь войскам, и вскоре нашел такое место. Дорогу пересекало глубокое ущелье, через которое был построен мост. Мост каменный, довольно прочный, по нему сможет пройти и пехота, и кавалерия, и повозки с пушками, но если этот мост взорвать, то войска пройди уже не смогут, восстановление моста потребует немало сил и времени. Но у небольшой команды Фицроя имелись только ружья и сабли. Оставив четырех человек для наблюдения за действиями войск, он вернулся в крепость. Губернатор уже отбыл в город для того, чтобы собирать выкуп.

Опустошив все пороховые погреба крепости Фицрой собрал команду взрывников, погрузил все необходимое для взрыва моста на две телеги, запряженные тройками лошадей, и отправился к мосту. Через два дня он вернулся и потребовал снова вызвать губернатора. Губернатор приехал, рассказывая, что предложенную сумму собрать практически невозможно, нужно еще уменьшить ее, поскольку горожане сбежали в горы, и платить, по сути дела, просто некому. Но тут слово взял Фицрой:

- Вот что, любезнейший, поскольку Вы не смогли предоставить нам сумму выкупа вдвое меньшую, чем мы просили, то теперь та сумма увеличивается вдвое, сроку у Вас два дня. Мост через ущелье взорван, подкрепления к Вам уже не придут, через два дня, если сумма выкупа не будет выплачена полностью, мы начинаем жечь город.

Требуемую сумму губернатор привез уже через день. Обратный путь был более комфортным, слитки серебра и все прочее, взятое в качестве выкупа, горожане доставили на мулах к тому повороту реки, у которого паслись быки, спасшие пиратов от голодной смерти. Далее они двигались к берегу океана, туда, где ждали их корабли, на лодках, тех самых лодках, что лежали переверну-

тыми в ожидании груза. Груз пришел, но на этот раз он предназначался не для трюмов испанских галеонов, груз поглотили трюмы кораблей пиратской флотилии.

После удачной экспедиции Моррон отправил Фицроя к берегам Англии передать положенную часть добычи в королевскую казну. Сам же он предпочел остаться на Ямайке, опасаясь, как бы в его отсутствие должность вице-губернатора острова не была занята кем-то из его конкурентов.

Королевский бал

Прибытие Фицроя в Англию с богатой, невиданной ранее добычей сразу же сделало его национальным героем. Он представил подробный отчет о сражении и причинах размолвки с адмиралом Беконом, получив одобрение королевы. Репутация самого же лорда Бекона значительно пострадала, и он на некоторое время попал в опалу. Хотя в поступке адмирала никто не усмотрел действий, порочащих его достоинство, но все считали, что по отношению к Фицрою, корабль которого не только обеспечил победу в бою, но и фактически спас от гибели всю эскадру, он поступил несправедливо. Захват галеона, о преследовании которого у лорда Бекона и мысли не возникало, характеризовал капитана Фицроя, как талантливого и дальновидного командира, и ему, несомненно, должна быть предоставлена большая самостоятельность в действиях против испанцев.

Обласканный лучами славы и удостоенный внимания самой королевы, он, капитан Фицрой, недолго наслаждался своим положением триумфатора, и вскоре собирался в новое плавание. Перед самым отплытием он был приглашен на бал, устроенной ее величеством королевой Британии.

В роскошном зале под потолком сияли три люстры, украшенные золотом, серебром и драгоценными камнями. На стенах красовались гобелены с изображениями сцен королевской охоты. Офицеры в парадных мундирах, дамы в шуршащих платьях, фавориты и фаворитки, а также прочие господа наполняли зал. Все ждали выхода королевы. Джеймс Фицрой в новом парадном мундире, пошитом специально по случаю данного торжества, чувствовал себя стесненно и неуютно. Палуба военного корабля, раскачивающаяся под ногами, грохот орудий, свист ветра в снастях были более привычными для него, чем паркет банкетного зала и звуки оркестра. Совершенно незнакомые

ему люди с нескрываемым интересом, беззастенчиво рассматривали капитана, заслужившего невиданную милость королевы. Одни смотрели на него с восхищением и восторгом, другие – с явным презрением. И для одних и для других он был чужим, да и он среди этой пестрой толпы не видел ни одного знакомого лица.

Леди Инесса в дорогом платье, украшенным бриллиантами, увидев капитана Фицроя, одарила его благосклонной улыбкой.

- Здравствуйте, капитан, – сказала леди Инесса, подойдя к нему, – Вы, по-видимому, единственный, кто скучает на этом балу! Хотя Вы именно тот, в честь которого, собственно, и устроен этот бал!

- Простите, – ответил капитан, несколько смутившись, – но я действительно незнаком с этими господами, а потому, чувствую себя немного стесненно.

- Как я Вас понимаю, капитан! Прибыть на бал и не быть представленным гостям, приглашенным в Вашу честь! Это ужасно! Вы не возражаете, если я буду Вашим спутником здесь, на балу?

- Против такой прекрасной спутницы у меня не может быть возражений, – ответил капитан.

- Вот и отлично, – сказала леди Инесса, – пойдемте, я Вас представлю гостям.

На ее прекрасном, но уже тронутым предосенним увяданием лице засияла загадочная улыбка. Представив гостям знаменитого капитана, леди Инесса коротала время в ожидании выхода королевы непринужденной беседой с Фицроем.

- Я восхищаюсь Вами, капитан! – сказала леди Инесса с восторженным блеском прекрасных синих глаз. – Как это должно быть романтично! Бороться со свирепыми штормами, атаковать противника под свист ядер! Морские просторы, белоснежные паруса, плывущие над водой! Ах, как я Вам завидую, капитан Фицрой! Вы счастливый человек, Вы герой, вы романтик!

- Ну что Вы, миледи, – сдержанно ответил капитан, – всего гораздо прозаичнее, никакой романтики. Бороться со штормом, когда канаты обдирают ладони до крови, когда волны готовы потопить ваш корабль, какая же в этом романтика? Белоснежные паруса? Это только издали они кажутся белоснежными, а вблизи они серые и грязные. А что значит месяцами болтаться под палящим солнцем, питаясь вонючей рыбой и протухшей солониной? Пить затхлую воду, дышать смрадом загнивающей в трюме морской воды? Погоня за противником, свист ядер, абордажи, бои? Да, какая же в этом всем

может быть романтика? Это кровь, грязь, вопли раненых и предсмертные хрипы умирающих, откровенная брань и ругань матросов, это боль и жестокость, насилие и смерть! И ради чего это все? Ради славы и торжества справедливости? Ради отечества? О, нет, миледи, нет! Все это только ради нескольких фунтов золота! Скажите, разве стоит это золото, это богатство, эти деньги той крови и боли, тех жизней, которыми заплачено за все это?

- О! Да Вы философ, капитан Фицрой! – удивленно воскликнула дама.

- Нет, миледи, я не философ, я только моряк, на своей шкуре испытавший цену золота. За все это заплачено смертью и кровью.

- Смертью и кровью наших врагов, капитан!

- Не только врагов, но и друзей! Да и кто, собственно, эти враги? Ну, скажите, что мы не поделили с испанцами? Чем они хуже нас? Мы молимся одному и тому же Богу, соблюдаем одни и те же обряды. Где Англия, а где Испания! Почему они наши враги? Мы отбираем у них золото, награбленное у других народов! Они грабят местные племена Америки, а мы грабим их. Мы воюем за землю, открытую не нами. Те народы, которые веками жили на этой земле, не звали в гости не их, не нас.

- У местных племен Америки низкий уровень развития, а потому они должны уступить место более развитой, европейской цивилизации. Покорение местных племен, это приобщение их к европейской культуре, мы несем им веру в истинного Бога! А Вы говорите такие вещи, капитан!

- Скажите, миледи, а они разве просили нас о том, чтобы мы приобщили их к европейской культуре? Да и свои языческие Боги их вполне устраивают.

- Возможно, в чем-то Вы и правы, капитан, устраивают. – Леди Инесса сделала пауза, затем продолжила: – Устраивают их, но не нас! Сильные покоряют слабых и становятся еще сильнее – это закон жизни. Не нами он придуман, не нам и обсуждать его. Отнимать богатство у других – это естественно.

- Естественно? А скажите, миледи, сколько стоит это колье из бриллиантов и серебра? Нет, не в фунтах стерлингов. Скажите, знаете ли Вы, сколько крови было пролито из-за этих бриллиантов? Сколько жизней было заплачено за то, чтобы это прелестное украшение красовалось на Вашей нежной шее? И кровь мертвецов не жжет Вашу грудь? Не тревожит совесть?

- А Вы жестоки, капитан! – ледяным тоном произнесла леди Инесса.

- Я жесток настолько, насколько требует того моя профессия моряка, и не более.

- Я не то имела ввиду! Вы прекрасно поняли меня! Я говорю о Вашей жестокости по отношению к женщине! Вы причинили мне боль, капитан!

- Что значит Ваша боль, по сравнению с болью тех, кто умер ради того, чтобы Вы владели всем этим богатством!

- Капитан! – леди Инесса с трудом сдерживала гнев, – дерзость хороша только в бою, но не в общении с дамой! Или Вы хотите поссориться со мной, еще до выхода королевы?

Фицрой понял, что сказал лишнее, он был далек от придворной дипломатии и всегда говорил то, что думал. В одних кругах это воспринимается как прямота и принципиальность, в других, где язык дан не для того, чтобы высказывать свои мысли, такое поведение воспринимается как признак глупости.

- Простите, миледи, – сказал он, понижая тон, – я не хотел Вас обидеть. Моряки слишком грубы и прямолинейны, вести себя на паркете банкетного зала, как на палубе корабля – довольно глупо с моей стороны. Приношу свои искренние извинения, и спешу загладить свою вину!

- Вот так-то лучше! – сказала леди Инесса примирительным тоном.

Когда наконец королева соизволила выйти к гостям, и леди Инесса представила ей капитана Фицроя, ее величество произнесла следующую фразу:

- А, так это Вы, тот герой, который позволил себе поссорить нас с адмиралом Беконом?

- Прошу простить меня, Ваше величество, – сказал капитан, склонившись перед королевой.

- А он весьма недурен, этот молодой человек, – сказала королева куда-то в пространство.

Это было все внимание, которым королева удостоила своего героя, в честь которого якобы и был устроен этот бал. Но и этого было немало для простого моряка, хоть и дворянина, но очень небогатого и далекого от придворной свиты.

Когда начались танцы, капитан Фицрой, смутившись, попросил леди Инессу выйти с ним в сад, чтобы подышать свежим воздухом, сославшись на плохое самочувствие и духоту. Дело в том, что танцевал он скверно, можно сказать, вообще танцевать не умел. Потомственный моряк из обедневшего дворянского рода, он воспитывался в духе морских традиций своей семьи. С малых лет он уже знал, что такое компас, секстант, мачты, стеньги, бегущий и стоячий такелаж и т.п. Но никакого понятия не имел о мазурке, кадрили и

прочей чепухе, которой забивают головы малолетним дворянам их воспитатели. Леди Инесса поняла истинную причину просьбы капитана, и решила не ставить его в неловкое положение, выйдя с ним в сад.

Чтобы как-то занять время, леди Инесса попросила капитана рассказать о том сражении, которое сделало его героем в глазах высшего света, но не успел он начать рассказ, как их уединение было нарушено появлением служанки.

- Простите, миледи, – произнесла она с явным волнением в голосе, – к Вам человек от лорда Бекона, просит срочно принять его.

- Хорошо, – ответила леди Инесса спокойно и, обратившись к Фицрою, добавила: – подождите меня здесь несколько минут, капитан.

- Да, конечно же, миледи, – ответил тот.

Но только леди Инесса вышла, служанка бросилась к капитану, говоря быстро, но разборчиво, тихим взволнованным голосом:

- Меня зовут Мари, я – служанка леди Инессы. Уходите отсюда, капитан, садитесь на свой корабль и отплывайте немедленно!

- Но, что случилось, Мари? Почему я должен так спешно бежать отсюда?

- Корабль лорда Бекона прибыл в порт, сам лорд будет здесь с минуты на минуту! Не верьте леди Инессе! Ни одному ее слову! Она любовница лорда Бекона, они заодно! Вы не представляете себе, насколько она опасна! Да она просто уничтожит Вас! Вы мало что понимаете в дворцовых интригах, и не сможете противостоять ей!

- Вы ошибаетесь, дорогая Мари, говоря о том, что я мало понимаю в дворцовых интригах, я не понимаю в них вообще ничего! – ответил он служанке с улыбкой.

- Вы еще и шутите, капитан! Поверьте, все это очень опасно! Милость королевы может легко смениться на гнев, тогда Вы можете потерять не только каперскую грамоту, но и свою голову!

К несчастью, капитан Фицрой через некоторое время сумел убедиться на собственном опыте в справедливости опасений Мари. Едва Мари успела окончить фразу, как вернулась леди Инесса.

- Ах, ты маленькая бесстыдница! Ты что здесь делаешь? Очаровываешь нашего героя? Иди отсюда, проказница! – и, повернувшись к Фицрою, сказала: – Не обращайте на нее внимания, капитан, эта маленькая бездельница вечно сует свой прелестный носик в чужие дела.

Служанка, поклонившись госпоже в знак беспрекословного повино-

вения, ушла, а леди Инесса продолжала, обращаясь к капитану:

- Наш адмирал наконец-то прибыл в порт. Он торопится оправдаться перед королевой, но я не советовала ему спешить. У этого пройдохи еще хватает наглости заявить, что он прибудет на этот бал! Это было бы весьма неразумно с его стороны.

Между королевой и лордом-адмиралом дано назревал скандал. Лорд Бекон явно превышал свои полномочия, что вызывало справедливое раздражение королевы, и она ждала повода для того, чтобы поставить на место своего слишком строптивого подданного, хотя и обладающего достаточно большой властью. Капитан Фицрой, сам того не подозревая, дал королеве такой повод. Мудрый правитель не создает сам поводы для интриг, он ищет их и использует. Немилость королевы, в принципе, ничем серьезным не грозила адмиралу, это была игра, но не игра кошки с мышкой, а игра кошки с котенком, которого оттаскают за шкирку, ткнут пару раз мордой в лужу, и оставят в покое. Но не дай Бог ввязаться в эту игру капитану Фицрою! Единственная роль, на которую он может претендовать в игре сильных мира сего, так это на роль мышки, которую в конце игры непременно съедят.

Приняв к сведению предупреждение Мари, Джеймс Фицрой попросил у леди Инессы позволения отбыть на корабль для выполнения своего долга перед отечеством. Леди Инесса, для которой присутствие капитана было в тягость, ей необходимо было подготовить королеву к прибытию лорда Бекона, с удовольствием отпустила его.

Адмирал Бекон, представший перед королевой уже после того, как Фицрой отправился в южные моря под ветром удачи, ощутил неприятный холодок по отношению к нему, и поклялся отомстить Фицрою во что бы то ни стало.

Полетное задание

Командный пункт управления совместными учениями с НАТО развернули в лесу, неподалеку от Киева. Среди высоких сосен расположились накрытые маскировочными сетями палатки и просторные салоны на автомобилях, получившие название «бабочки» за то, что обычные на вид автомобильные кузова-коробки раскладывались, как крылья бабочки, образуя просторный салон для работы офицеров командного пункта.

Уже стемнело, над лесом висели яркие звезды, а внизу, на КП, как от-

ражение этих звезд, мерцали синие огоньки перед входом в салоны и палатки, прикрытые маскировочными щитками, никакого другого освещения на Командном пункте не было, окна палаток и салонов были зашторены. Низкий звук дизельных генераторов пронизывал все пространство КП, заглушая пение цикад. В нескольких километрах от Командного пункта расположился узел связи украинских войск и рядом с ним узел связи НАТО.

Адмирал Пацюк сидел в салоне оперативного управления вместе с натовским адмиралом Джоном Бенбоу, на столе, что стоял посередине салона, была развернута карта с обстановкой учений. Под самым потолком над картой висел светильник, вокруг него роем вились мошки и комары. Сюда, на Командный пункт, для вручения полетного задания пригласили капитана Андрея Николаевича Фирсова и его штурмана, майора Бориса Семеновича Иванова.

Согласно заявленной задачи учений, проводилась отработка совместных действий вооруженных сил Украины, Грузии и НАТО в антитеррористической операции. Реально же, легенда учений была следующей:

Крымско-татарские активисты на мирном митинге потребовали автономии Крыма, как татарской республики, установления на полуострове татарского языка в качестве государственного, немедленной ликвидации военно-морской базы России. В ответ на это Россия высадила в Симферополе десант, подавила выступление крымско-татарских активистов и отторгла полуостров от Украины. После этого, было спровоцировано выступление определенной части населения Донбасса за выход этого региона из состава Украины и присоединение к Российской Федерации. С помощью российского спецназа в Донецке и Луганске местные террористы захватили административные здания, арестовали украинских чиновников и направили правительству ультиматум с требованием предоставить полную самостоятельность Донбассу. Президент Украины обратился к НАТО с просьбой оказать помощь в отстаивании территориальной целостности и суверенитета страны.

После высадки морского десанта НАТО в районе Мариуполя Россия нанесла удар по вооруженным силам НАТО на черноморском побережье, ввела сухопутные войска на территорию Донбасса и Крыма, усилив свое военное присутствие на Черном море.

Украина срочно вывела корабли и наземные войска из Крыма, после чего по Российской военной базе в Севастополе был нанесен точечный ядерный удар. Одновременно ядерные удары нанесли по городам: Донецк, Луганск, оказавшимися под российской оккупацией, по городам России: Ростов

на Дону, Краснодар, Майкоп, Новороссийск. Россия была зачислена в список стран, поддерживающих международный терроризм.

Адмирал Бенбоу ставил задачу, а Пацюк, в совершенстве владеющий английским, переводил:

- После того, как Россия аннексировала Крым, корабли НАТО нанесли ракетно-ядерный удар по Севастополю, но основные силы русского флота успели покинуть бухту, и сейчас находятся здесь, – адмирал ткнул указкой в карту, – где-то в этом районе находится и русский авианосец «Адмирал Кузнецов». Задача Вашей эскадрильи обнаружить авианосец и потопить. Вас будут прикрывать истребители ВВС США, базирующиеся в Турции.

После того, как натовский адмирал поставил задачу капитану Фирсову, ту задачу, что была прописана в легенде учений, Виталий Игнатьевич Пацюк предложил офицерам сесть и уже совершенно иным, спокойным домашним тоном стал рассказывать, что на самом деле предстоит выполнить экипажу в этом полете.

- Так вот, ребята, – он говорил по-русски, хотя официальным языком на учениях был признан английский и украинский, но, поскольку в украинской «мове», что является языком бытового общения, нет ни военных, ни авиационных терминов, а английским владел только адмирал Пацюк, то поневоле приходилось пользоваться русским, языком противника, с которым, согласно легенде учений, воевала украинская доблестная армия совместно с НАТО, – вы сами знаете, что никакой эскадрильи у вас нет, в учениях участвует один ваш самолет. Прикрытия не будет, роль авианосца выполняет брошенное аварийное судно, его координаты указаны на вашей карте.

- Они совпадают с координатами «Адмирал Кузнецова» на карте адмирала Бенбоу? – спросил штурман.

- Да, совпадают, но у Вас будет другая карта, несколько упрощенная. Выпустите две ракеты и возвращайтесь на свой аэродром. Постарайтесь попасть, нужно показать нашим американским друзьям, что мы еще что-то умеем, от этого зависит дальнейшее сотрудничество.

- Ракеты, которые мы понесем, давно сняты с вооружения, – возразил Фирсов, – никто не может гарантировать, что они вообще полетят. Вы хоть друзьям своим из НАТО не говорите, чем мы собираемся это корыто топить. Надеюсь, наш друг не понимает, о чем мы говорим?

- Нет, но постарайтесь сделать все, что от вас зависит, чтобы ракеты все-таки попали в цель. Нам обещают дать американские крылатые ракеты, когда мы покажем, что умеем обращаться с современным оружием. А сейчас,

если нет вопросов, идите в секретную часть, получите полетную карту.

- Вопрос есть, – сказал штурман, – на день вылета метеопрогноз неважный, надвигается циклон из Арктики, можем ли мы использовать в качестве запасного аэродрома Бельбек?

- Согласно легенде Крым захвачен Россией, а по Севастополю нанесен ядерный удар, потому посадке в Бельбеке невозможна.

- Может оказаться так, что невозможно будет сесть на своем аэродроме, я говорю о крайнем случае, легенда легендой, а обстановка может сложиться так, что другого выхода не будет.

- В крайне случае, конечно, можно, но лучше в качестве запасных использовать аэродромы Грузии, грузинские войска тоже принимают участие в учениях.

- Нам дадут частоты и позывные?

- Я распоряжусь. Получите карту, зайдете в штаб ВВС.

Адмирал Бенбоу по-английски что-то говорил адмиралу Пацюку, тот в ответ утвердительно кивнул и ответил: «Yes, O'key». Виталий Игнатьевич написал записку на листе, вырванном из блокнота распоряжений, и передал его штурману.

- Передайте это начальнику секретной части, он выдаст вам полетную карту.

Когда капитан Фирсов и майор Иванов вышли из «бабочки» оперативного управления, Борис Семенович достал карманный фонарь, положил на колено планшет, развернул записку адмирала и попросил Фурсова:

- Подержи фонарь. У тебя есть ручка с синей пастой? А то у меня только с черной.

- Есть, а зачем тебе?

- Немного подкорректируем записку нашего адмирала. Знаешь, о чем говорил Пацюку натовский адмирал?

- Нет, я в английском полный профан.

- А я нет, так вот, он говорил, чтобы нам в секретной части выдали карту с вариантом «зет», а ни в коем случае не давали карту «зет-1», это та карта, что на столе у адмиралов. На ней нанесена вся обстановка учений, а на нашей будет только то корыто, что нам нужно утопить.

Вариант «зет» отражал то, что было официально заявлено на международном уровне о целях и задачах учений, а все документы, которые содержали фактически отрабатываемые в ходе учений задачи, имели пометку «зет-1». Документы, помеченные как «зет-1», имели более высокую степень секрет-

ности, чем официальные, но и штурман, и командир имели соответствующие допуски, и то, что натовский адмирал настаивал, чтобы им выдали карту только с официально заявленной задачей, выглядело как недоверие.

- Зачем тебе это нужно? – спросил Андрей Николаевич штурмана.

- Ну, во-первых, не люблю, когда меня держат за дурака, а потом, хочу показать эту карту нашему правому пилоту, Володе, чтобы понял, насколько все серьезно, а то он думает, все это шутки.

- Если узнают, что мы подделали записку, скандал будет.

- Ну и черт с ним. Карту все равно после полета сдадим, а на скандал мне плевать, только приземлимся, подам рапорт об увольнении, я советский офицер, и воевать против своего народа не буду.

- Ты прав, нужно увольняться.

Секретная часть располагалась в кунге автомобиля «Зил-131», накрытого, как и положено, маскировочной сеткой, сама «секретка» находилась через две машины от «бабочки» оперативного управления. Перед лесенкой, ведущей в кунг, стоял деревянный ящик-поставка, выкрашенный в зеленый цвет, подставка эта предназначалась для того, чтобы офицерам и генералам, давно потерявшим спортивную фигуру, было проще дотянуться ногой до первой ступеньки лесенки.

Капитан Фирсов поднялся по лесенке, открыл дверь и шагнул внутрь кузова, за ним вошел и штурман. Перед невысоким узким столом, разделявшим пространство кузова на две неравные части, сидел прапорщик. В первой части перед столом могли едва поместиться три человека, во второй, сразу за рабочим местом прапорщика, располагались шкафы с документами. Прапорщик не встал при виде офицеров, как требовал того устав, посещения офицерами Командного пункта отделения секретной части были столь частыми, что выполнения формальных требований устава было бы слишком утомительным и отвлекало бы прапорщика от работы. Он вставал, отдавал честь и представлялся лишь тогда, когда к нему входили генералы.

Штурман молча протянул прапорщику записку. Начальник отделения секретной части, прапорщик Куруленко, недовольно сопя, смотрел на записку адмирала.

- Вам что-то не ясно? – спросил Борис Семенович.

- Тут написано, что я должен выдать майору Иванову вариант «зет-1».

- Ну, так что? Выдавайте, раз написано.

- А у Вас какая форма допуска?

- Первая.

- Справка о допуске при себе?

- Конечно, – штурман протянул прапорщику справку о допуске.

- А у командира?

- Вот, пожалуйста, моя справка о допуске, – капитан Фирсов передал в окошечко секретной части свою справку.

- Карта варианта «зет-1» имеет гриф «совершенно секретно», соответственно, первая форма допуска должна быть у всех членов экипажа.

- У меня справки о допуске всех членов экипажа, – ответил Андрей Николаевич, – вторая форма только у стрелка-радиста, но у него нет доступа к полетной карте.

- Тогда все в порядке, возьмите карту, вот здесь распишитесь в получении, не забудьте вернуть после полета.

Борис Семенович расписался, взял карту и положил ее в планшет.

- Спасибо, друг, не парься, после полета верну.

То, что адмирал Пацюк назвал штабом ВВС, оказалось палаткой, в которой скучал генерал-майор в авиационной форме, два сержанта раскрашивали развернутую на столе карту с обстановкой. Формально, полк, в котором служил экипаж капитана Фирсова, находился в составе ВВС Украины и подчинялся командующему ВВС, представитель которого и сидел в этой палатке, но фактически, экипаж выполнял задачу военно-морской авиации, и потому ставил ему эту задачу адмирал Пацюк. Но ни в составе военно-воздушных сил, ни в военно-морской авиации не было самолета, способного задачу эту выполнить, потопить авианосец, а точнее, корабль-мишень. Бомбардировщики, оснащенные необходимым для этого вооружением, давно были порезаны на металлолом под строгим взором натовских инструкторов, в сопровождении восторженных воплей толпы.

Тогда кто-то вспомнил о старом, законсервированном бомбардировщике «Ту-16КС», что перегнали с какого-то аэродрома Крыма при переделе Черноморского флота и чудом не утилизировали. Ему пора бы давно занять место в музее, но самолет этот оказался единственным, способным нести ракеты, которыми можно потопить крупный военный корабль. Сами ракеты «КС-1» разрабатывались еще в начале шестидесятых на основе известного истребителя «МИГ-15» и предназначались для поражения кораблей противника. Это было тогда, когда в НАТО о крылатых ракетах еще никто и не думал. В бомбардировочном полку, что когда-то был полком дальней авиации, таких ракет не было, применялись они только в морской авиации, да и то уже давно были сняты с вооружения. Эти две ракеты, которые то ли по случайно-

сти, то ли по разгильдяйству не успели в свое время утилизировать, отыскали где-то на складах в Крыму, и по железной дороге, в обстановке строгой секретности, доставили на аэродром.

Состав войск, принимавших участие в учениях, выглядел нелепо до смешного: авиационный бомбардировочный полк, представленный единственным самолетом, остатки Черноморского флота, доставшиеся Украине после дележа, несколько кораблей НАТО, да два грузинских ракетных катера, каким-то чудом еще держащихся на плаву. Задачу экипажу упростили, цель была заранее нанесена на карту, определены координаты и высота точки пуска. Оставалось только долететь, произвести пуск ракет и вернуться домой.

Да и сама цель вполне соответствовала общему духу учений. Когда-то давно, еще в бытность Советского Союза, во время шторма на берег в районе Пицунды было выброшено греческое торговое судно. Владелец его отказался оплачивать расходы, связанные со спасательными операциями, предпочтя получить страховку за старый, уже отслуживший свой срок сухогруз. Судно так и осталось лежать на берегу, отсвечивая на солнце ржавыми бортами и внося дополнительную экзотику в пейзаж небольшого курортного городка. После развала СССР, когда все начали заниматься бизнесом, начиная от старушек, торгующих сигаретами и спичками на углах, до директоров предприятий, распродающих современные станки с программным управлением на металлолом, начали присматриваться и к ничейной ржавой посудине на предмет получения прибыли из этого, ставшего неотъемлемым дополнением курорта, объекта. Но энтузиазм жаждущих легкой добычи быстро остывал, когда они узнавали о том, какие затраты придется понести для реализации своей бредовой идеи. Так и остался догнивать этот сухогруз на узкой полоске песчаного пляжа, под крутым, обрывистым берегом.

Организаторы учений, увидев это ржавое корыто, решили использовать его в качестве мишени. Судно стащили с мели, залатали течи, отбуксировали в заданный район и поставили на якоря. Предполагалось поразить его двумя ракетами, хотя достаточно было бы и одной, но поскольку вторую ракету применить было негде, решили обе их выпустить по несчастному старому пароходу. Главное было долететь до него раньше, чем он потонет сам по себе. На полетной карте это корыто было обозначено, как российский авианосец «Адмирал Кузнецов».

Капитан Фирсов доложил генералу штаба ВВС о готовности экипажа к

выполнению задания, фактически, это была формальность, ничего нового к тому, что сказал адмирал Пацюк, в штабе ВВС добавить не могли, единственно, что требовалось Фирсову, так это данные военных аэродромов Грузии.

- Полетная карта у Вас с собой? – спросил генерал, выслушав доклад командира.

Штурман вытащил из планшета карту, развернул ее на столе. Генерал дал распоряжение сержантам нанести на карту данные военных аэродромов Грузии и гражданских аэропортов. Полетная карта отличается от обычной топографической карты тем, что на ней, кроме боевой обстановки, наносятся данные аэродромов, радиомаяков и прочая информация, необходимая для самолетовождения. Усилиями сержантов карта, отмеченная как «зет-1», превращалась из обычной карты в полетную. Когда все было закончено, генерал пожелал экипажу счастливого полета, и занялся своими делами.

Капитан Фирсов и майор Иванов вышли из расположения Командного пункта, сели в «уазик», и вернулись на аэродром.

Записки капитана Фирсова

15 августа 2003

День угасал, тусклый, сырой, занавешенный низкой сплошной облачностью, никакого просвета, хотя бы лучик солнца на закате. Нет, наутро погода не изменится, а жаль, завтра вылетать. Вылетать. Я уже забыл, как звучит это слово, летчик должен летать, да и самолет тоже, он создан для того, чтобы подниматься в небо, а не ржаветь на стоянке. Полетов не было давно, очень давно, с той поры, как наш полк перешел в состав вооруженных сил Украины, самолеты стояли без горючего, а пилоты занимались чем угодно, только не тем, чем должны были заниматься по сути своей профессии – летать.

Огромное, некогда могучее государство разлетелось на мелкие осколки, раздробив единый организм армии на множество вооруженных формирований, так называемых армий независимых государств, неспособных к ведению самостоятельных операций в современной войне. Молодые суверенные державы, отягощенные взаимными долгами, проблемами экономики и экологии оказались не в состоянии содержать свои вооруженные силы и обеспечи-

вать их боеспособность. Проблемы с жильем, питанием, денежным довольствием не способствовали поддержанию высокого морального духа офицеров и солдат, а недостаток горючего и материальных средств свели боевую подготовку до уровня бессистемных, эпизодических занятий. Полеты в авиации стали чрезвычайно редким событием.

Возможно, я бы и ушел на пенсию, так и не поднявшись в небо, если бы не эти учения, совместные учения с НАТО. Как хотелось снова почувствовать радость полета! Но сегодня особой радости нет. Те, кто всегда был противником, теперь наши союзники, а те, с кем жили рядом, жили одной судьбой, руководство страны назначило на роль врагов. Сегодня это только учения, а завтра? Нет, штурман прав, нужно бросать все и увольняться, пока заигравшиеся политики не развязали войну с Россией, по крайней мере совесть будет чиста.

Который раз задаю себе один и тот же вопрос: почему это могучее, огромное государство, которое выстояло и победило в страшной войне, которое первым освоило космос, вдруг рассыпалось на множество осколков? Что стало причиной? Предательство Горбачева? Его сговор с Западом? Но ведь существовали службы, в обязанность которых входило разоблачение замысла противника, пусть даже вошедшего в сговор с первыми руководителями страны. О директиве Даллеса № 20/1 от 18 августа 1948 года, в которой был разработан подробный план разрушения Советского Союза, нам стало известно только после 1990 года, но спецслужбы СССР о нем должны были знать, и наверняка знали, почему же они допустили все, что произошло?

Возможно, кроме внешних причин, существовали еще и внутренние? Хотя официальные документы партии и правительства и утверждали, что в СССР построено бесклассовое общество, различия между трудящимися и управленцами всех уровней, от райкома до Генерального секретаря, были весьма существенны, и благосостояние их обеспечивалось не только спецпайками, их усиленно подкармливала торговая мафия. К концу восьмидесятых сложилась такая ситуация, когда основные накопления сосредоточились в руках трех процентов населения СССР. Причем накопления эти стали равны товарно-денежному обороту, а затем и превысили его, значило это то, что эти три процента населения могли скупить весь Советский Союз, но сделать это в условиях социализма было невозможно, потому переход к капитализму был предрешен.

Ну а как же мы, те, кто от этого капитализма не получили ничего, кроме цепей, от которых избавились в октябре семнадцатого? Ведь мы же не от-

стояли завоеваний социализма, а иногда молча, а иногда и восторженно восприняли то, что было названо «перестройкой», а по сути явилось контрреволюцией. Всем нам чего-то не хватало, не хватало пресловутой «свободы», хотя мы и сами толком не понимали, в чем эта «свобода» выражается. Ведь именно за свободу и боролись наши деды в семнадцатом, хотели свободы, а получили осознанную необходимость. Многие диссиденты: поэты, писатели, художники и прочие люди из творческой интеллигенции не воспринимали идеологию, основанную на марксизме, и тянулись к западной, либеральной идеологии, но вырвавшись на свободу, очутившись в Европе или в Америке, и там не нашли своих идеалов. Часто судьбы их складывались трагично, некоторые, разочаровавшись в жизни, добровольно уходили из нее, не найдя своего места в той, западной цивилизации, к которой они так стремились.

В чем же была причина? Почему марксистско-ленинская идеология не смогла стать той основой, которая смогла бы объединить людей для построения свободного, счастливого общества? Можно приводить разные аргументы, но причина кроется в постановке основного вопроса философии: Что первично, материя или сознание? Ни один ответ на этот вопрос не дает правильной картины мира, а значит, любая философская система, построенная на основе первичности или вторичности материи, не будет соответствовать реальной жизни. Получилось так, что советская идеология, по оглашению бывшая материализмом, являлась по умолчанию идеализмом, западная же идеология, основанная на религии, объявлявшая своей основой идеализм, по сути своей оказалась материализмом, причем таким махровым, что привела в конце концов к полной деградации общества, узаконившего однополые браки.

Все мы, офицеры Советской армии, постоянно учились, учились не только военному делу, а и основам марксистской философии, изучали и тщательно конспектировали работы классиков марксизма-ленинизма, но не всегда задумывались над теми мыслями, которые высказывали Маркс, Энгельс, Ленин, а если и задумывались, то принимали такое толкование их работ, которое вкладывали в наше сознание политработники.

Советские политработники практически ничем не отличались от священников, которые учили паству, как следует понимать Священные писания. Ведь если вдумчиво читать Ветхий и Новый заветы, самому делать выводы, то они не всегда будут такими, какие навязывают нам священнослужители. А если задумываться над работами классиков марксизма-ленинизма, то можно увидеть многое из того, о чем политработники наши умалчивают.

Одна из важных работ Ленина, которую нам не раз приходилось изучать и конспектировать – это «Великий почин», большая статья, написанная по поводу инициативы железнодорожных рабочих, вышедших в неурочное время для ремонта паровозов. Ленин в этой работе писал, что социализм – это высшая производительность труда, основанная на ***сознательном отношении рабочих к труду***. И никто из нас никогда не задумался, что здесь, в этой фразе, в этой работе, Ленин фактически отказался от материализма, утверждая, что именно сознательной отношение к труду обеспечит его высшую, по сравнению с капитализмом, производительность.

Вся идеология марксизма-ленинизма, основанная, якобы, на материализме, была весьма далека от него, да и в самом моральном кодексе строителя коммунизма читалось учение Христа. На первом месте было духовное развитие человека, духовные ценности провозглашались выше материальных, но духовное развитие вступало в противоречие с атеизмом и материализмом. Мы тогда еще не понимали этого, но чувствовали, что-то не так, чего-то не хватало в нашей идеологии, может быть Бога? Но идеология Запада, которая начиналась со слова Бог, являлась по сути своей материализмом, и там тоже чего-то не хватало.

Наши диссиденты, отвергнувшие марксистскую идеологию и разочаровавшиеся в идеологии либеральной, так и не смогли выработать свою, такую, что была бы адекватна жизни и позволила бы построить общество социальной справедливости, тяга к которому заложена в душе русского народа, ведь и диссиденты, не принимающие марксизм, тоже были заложниками основного вопроса философии.

Спор о том, что было раньше яйцо или курица, воспринимается в качестве шутки, но ведь спор о первичности материи или сознания ничуть не лучше. Мы, живущие в трехмерном мире, воспринимая серьезно основной вопрос философии, строим эту самую философию на плоскости, а не в пространстве, и в материализме, в марксистской философии, и в идеализме, в философии либеральной не хватает третьего измерения. Не хватает того, что знали наши далекие предки, язычники, которые воспринимали мир как явь, навь и правь, или, как говорят сейчас, материю, информацию и меру.

16 августа 2003 года, семнадцать часов

Мы идем к стоянке, где ждет нас бомбардировщик, давно не видевший

неба, впрочем, как и его экипаж. Нас пятеро: я, капитан Фирсов, командир этого музейного экспоната; штурман, Борис Семенович Иванов, или просто Семеныч, мы уже давно летаем в одном экипаже, точнее сказать летали, еще тогда, при Советском Союзе; бортмеханик, Иван Петрович Васильев, он тоже из нас, из советских офицеров, из нашего старого экипажа; помощник командира, или, как называют в военной авиации эту должность, правый пилот (в гражданской авиации его называют вторым пилотом), Володя Татаренко, этот окончил летное училище уже во времена «незалежной», назначен к нам в экипаж, но летать вместе до сих пор не приходилось, еще бортстрелок, Коля Зинченко, сержант срочной службы, он уже из того поколения, что начало обучение в украинской школе, их учили другой истории, его ничуть не смущает то, что условный противник в нашей игре – Россия. Вообще-то, должен был бы быть еще один член экипажа, в задней кабине всегда летали два человека – бортрадист и командир огня, то есть, стрелок, но при нынешней ситуации отцы-командиры решили, что это уже лишнее, потому экипаж наш оказался в несколько сокращенном составе.

Мы идем по бетонке, идем молча, все хмурые, кроме сержанта Володи, тот просто сияет, еще бы, первый раз в жизни ему придется подняться в небо, так и рвется в бой. Вот и наш самолет, техник докладывает о готовности машины к полету, давно, давно не слышал я этого доклада. Техник из старых, из наших советских, я ему доверяю, но, как положено, обхожу самолет, выполняю предполетный осмотр. Так требует инструкция, но это нечто большее, чем выполнение пункта инструкции, это своеобразный ритуал, нужно поздороваться со своей машиной, коснуться рукой металла, побеседовать с ней мысленно, установить контакт. Летчик и самолет – это одно целое, одно существо, техника в авиации называется материальной частью, сам металл еще не самолет, это лишь его материальная составляющая, и только вместе с экипажем, который поднимает его в воздух, его душой, он становится самолетом. Мы надеваем парашюты и занимаем свои места, готовимся к запуску двигателей.

Из кабины штурмана доносится ворчание Семеныча, настраивающего навигационное оборудование:

- Ну вот, дожились, теперь уж с Россией воюем!

- Да ведь это просто учения, – отозвался правый пилот Володя.

- А для чего вообще учения проводят, ты не думал? – ответил Иван Петрович, бортмеханик, – учимся-то мы чему?

- Учимся воевать.

- Вот то-то и оно, вероятный противник – этот тот, с кем с наиболее высокой вероятностью воевать придется.

- Неужели, Россия, действительно, когда-нибудь нападет на Украину? С трудом верится в это, что, России нужна война? – Володя был в некотором недоумении, он учился еще в советские времена, хотя, окончил школу и поступил в летное училище уже после распада СССР, война с Россией для него казалась такой же неестественной, как и для нас, бывших советских офицеров. – Или война нужна Украине?

- Украине война, уж точно, не нужна, – отозвался из своей кабины Семеныч, – ну сам посуди, с кем может воевать такая армия? Для учений этих единственный бомбардировщик нашли, да то, взлетит ли? – еще вопрос.

- Взлетим, Семеныч, не каркай, – проворчал бортмеханик, ты лучше позаботься, чтобы долетели туда, куда надо. Кому война нужна? Да Западу, кому же еще, учения-то с НАТО проводим.

- Но Россия и НАТО тоже, вроде бы как, не враги теперь, социализма нет, холодная война закончилась, в России тоже капитализм, оснований для вражды нет.

- Вот именно, «вроде бы как», – вмешался я в разговор, – Запад всегда считал Россию врагом, еще со времен язычества, христианство навязали именно для того, чтобы подмять под себя Русь, но и тут Россия пошла своим путем, а потом кто только не пытался нас завоевать.

- А при чем тут христианство, товарищ командир? – удивился правый пилот.

- Думаешь, религия придумана для того, чтобы поддерживать связь с Богом? Религия – это инструмент управления массами, на Руси была своя вера, языческая, навязали христианство, чтобы подчинить Западу, но Русь не пошла под католиков, как Польша, стало быть, управление ей Запад потерял. Капитализм, социализм – не в этом суть, Западу нужны ресурсы России, завоевать Россию – кишка тонка, пока Русь едина – ее не победить. Как говорили древние римляне, разделяй и властвуй, вот и пытаются разделить славянский мир. Сперва Польшу откололи от нас, а ведь тоже, братья-славяне, теперь хотят отколоть Украину и Белоруссию, Гитлер говорил, что Россию можно победить тогда, когда украинцы и белорусы забудут о том, что они русские. Вот эту политику и проводят сейчас на Украине, ты на нашего сержанта посмотри – вот результат, это поколение уже не считает, что мы один народ.

Хорошо, что он нас не слышит, а то бы до истерики дошло, пока двига-

тели не были запущены, мы могли разговаривать, не пользуясь СПУ, самолетным переговорным устройством, и стрелок-радист в задней кабине слышать наш разговор не мог.

- Америка теряет свое лидерство в мире, – сказал Иван Петрович, бортмеханик, – несмотря на поражение в девяностых, Россия набирает силу, а Западу это не нравится, чтобы обрушить Россию, нужна война. Америка привыкла чужими руками воевать, война между Россией и Украиной ее вполне устраивает, потом пожар войны перебросится в Европу, и США одним махом расправиться со своими конкурентами – и с Россией, и с Европой.

- Ладно, ребята, будем запускаться, – сказал я, одевая шлемофон, – все готовы? – спросил я уже, нажав кнопку СПУ.

- Штурман готов.

- Правый готов.

- Бортмеханик готов.

- Стрелок-радист готовый.

- Тогда, Семеныч, зачитай карту, и будем движки запускать.

Штурман зачитал карту контрольных проверок перед запуском двигателей, такие проверки выполняются на каждом этапе полета, все ли включено, все ли настроено, самолет – сложная система, на память надеяться не положено.

Ровный нарастающий гул запускающегося и выходящего на режим двигателя наполнил пространство кабины, стрелки приборов сдвинулись с нулевой отметки, показывая температуру, давление, обороты.

- Левый запущен, параметры в норме, – сообщил бортмеханик.

- Запуск правого.

Вот и правый мотор запущен.

16 августа 2003 года, восемнадцать тридцать

Низкие, тяжелые облака повисли над самой землей, окутав ее одеялом из серой, грязной ваты. Огни взлетной полосы уходят вдаль и растворяются в тумане за занавесью мелкого, косого дождя. Наш бомбардировщик катится по рулежке, слегка покачиваясь на стыках плит. Перед самой взлетной полосой, на предварительном старте, я нажал тормоза, остановив тяжелую машину в ожидании разрешения занять исполнительный старт и взлетать. В науш-

никах звучат давно забытые команды руководителя полетов, я запросил разрешение и стал ждать ответа, но ответа не последовало.

- Разрешите исполнительный и взлет, – еще раз повторил я.

- Вы еще не взлетели? – удивленно спросил руководитель полетов. Он уже забыл, что нужно было дать разрешение, видимо отвлекся и не слышал моего запроса, длительный перерыв в полетах сказывается во всем, и пилоты и наземные службы отвыкли выполнять свои обязанности, в такой обстановке трудно быть уверенным в том, что взлетев, удастся благополучно приземлиться. Наконец, я получил разрешение занять исполнительный и взлетать, мы вырулили на взлетную полосу, штурман зачитал карту контрольных проверок на исполнительном старте, и я дал команду экипажу на взлет.

- Режим взлетный, рубеж двести шестьдесят!

- Двигатели на взлетном, параметры в норме!

Моторы взревели, и тяжелый, перегруженный самолет нехотя начал разбег. Скорость росла.

- Скорость сто двадцать.

- Скорость двести.

- Скорость двести полсотни.

- Рубеж!

- Взлет продолжаем!

- Подъем!

Я взял штурвал на себя, поднимая переднюю ногу шасси. Машина приподнялась, встала на дыбы, продолжая разбег, она рвалась в небо. Когда капот поднялся над горизонтом, затянутым серой пеленой, мозг мой внезапно пронзила мысль, что я последний раз отрываю машину от бетонки. Вибрация прекратилась, колеса уже не отбивали барабанную дробь на стыках бетонных плит, самолет оторвался от земли и нырнул в сплошную пелену тумана.

- Шасси убрать!

- Шасси убраны, створки закрыты.

- Механизацию убрать!

- Закрылки убираются синхронно!

- Механизация убрана!

Настроение было скверное. Ощущение полета и отрешения от всех земных дел не приходило. Казалось, что самолет не летел, а полз, что все не так, не тот звук двигателей, не так реагирует машина на рули, слишком мед-

ленно растет скорость, долго пробираемся сквозь облака, какой-то странный звук внизу слева. Нет-нет, это только кажется, а может, наше настроение передается самолету, разве машина – это просто металл? Всё имеет душу, даже камень, и чем сложнее организация системы, тем чувствительнее эта душа. Так считали наши предки, язычники, да и я в этом убеждался не один раз.

Взлетев с военного аэродрома дальней авиации, расположенного недалеко от Полтавы, мы должны были лететь в район Черного моря для участия в совместных с НАТО учениях, с боевыми стрельбами. Задача состояла в том, чтобы выйти в заданный район, обнаружить учебную цель, и в нужной точке, на определенной высоте произвести пуск двух ракет «КС-1», весом по две с половиной тонны, которые под крыльями, на внешней подвеске нес наш старый ракетоносец.

Дежавю

В салоне оперативного управления было душно, хотя еще и не стемнело, окна уже зашторили, но не по причине соблюдения светомаскировки, а из-за комаров. Адмирал Пацюк ослабил галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, вытащил из кармана пачку сигарет и поднялся из-за стола.

- Выйду покурю, – сказал он натовскому адмиралу Бенбоу, сидящему напротив, тот молча кивнул.

Он открыл дверь, спустился по трем ступеньками короткой лесенки и спрыгнул на землю.

Снаружи было не лучше, та же духота, низкие тучи повисли над самой землей, вот-вот они разразятся дождем. Ни ветерка. Рой мошек и комаров с противные гудением вьется у самого лица. Виталий Игнатьевич щелкнул зажигалкой, прикурил, сделал глубокую затяжку, выпуская дым в сторону роя насекомых. «Самолет уже должен был взлететь, – подумал он, – надо бы сходить в штаб ВВС уточнить обстановку». Он докурил, погасил окурок и бросил его в пустую консервную банку, прикрепленную к последней ступеньке лесенки. «Позорище, не могли ничего лучше в качестве пепельницы придумать. Стыдно перед американцами, ей Богу». Дело в том, что натовские офицеры не курили, и разумнее всего было бы запретить курение на КП, но сделать это было попросту невозможно, вот так вдруг сразу бросить курить всем украинским офицерам и генералам было не реально, потому комендант соорудил такие импровизированные пепельницы по всему Командному пункту и даже обязал солдат из состава караула следить за этими пепельницами и

своевременно очищать от окурков.

Виталий Игнатьевич вошел в палатку штаба ВВС, там было накурено, несмотря на строгий приказ не курить в помещениях. Генерал авиации Петр Сергеевич Рябоконь сидел, склонившись над картой с сигаретой в зубах. Натовцы сюда не заглядывали, и генерал не отказывал себе в сложившейся годами привычке курить на рабочем месте. Не запрещал он курить в палатке и сержантам, наносящим обстановку на карту.

- Ну и надымил ты тут, генерал, – сказал Виталий Игнатьевич с порога вместо приветствия, – и так дышать нечем.

- Зато комаров нету, – ответил генерал.

- Послушай, Петр Сергеевич, что там с нашим самолетом?

- Все в порядке, Виталий Игнатьевич, взлетели, набрали эшелон, идут к цели.

- Ты данные грузинских аэродромов им на карту нанес, как я просил?

- Нанес, ну и разрисовали же вы им карту! Некуда было даже навигационные данные вписать.

- Что значит, разрисовали? Нанесли все, что положено по варианту «зет».

- А на хрена эти ядерные удары? Зоны поражения? Да еще и цветами подняли так, хоть на доклад командующему. Это же полетная карта, а тут штурману даже маршрут положить негде, пораскрашивали все.

- Это как это, пораскрашивали? Какие ядерные удары? На варианте «зет» ничего подобного нет.

- Но у экипажа вариант «зет-1»!

- А ты ничего не путаешь? Я секретчику приказал выдать вариант «зет»!

- Не знаю, что ты там кому приказал, но у них был вариант «зет-1».

- Твою мать! – рявкнул Виталий Игнатьевич и, выбежав из палатки, бросился в отделение секретной части.

Он ворвался в отделение, как ураган и сходу накинулся на прапорщика.

- Ты что выдал экипажу Фирсова? (далее последовали выражения, которые в литературе не принято писать прямым текстом, хотя некоторые современные авторы и позволяют себе это, но не будем уподобляться им, а предоставим читателю самому вообразить, что мог сказать разъяренный адмирал вконец обалдевшему прапорщику).

- Выдал карту с вариантом «зет-1» согласно Вашей служебной записке. Вот, – прапорщик Куруленко протянул адмиралу его записку, – справки о

допусках у экипажа проверил.

Адмирал тупо смотрел на свою записку, на которой было приказано выдать экипажу Фирсова карту с вариантом обстановки «зет-1». Смотрел и не верил своим глазам. Виталия Игнатьевича бросило в холодный пот, он вдруг вспомнил, как много лет назад убеждал своего начальника, что тот по забывчивости сам сунул куда-то секретный документ и не может вспомнить куда. Теперь то же самое происходило с ним. Кто-то, то ли штурман, то ли командир, то ли сам прапорщик дописал тире и единичку, и убеждает его, что он сделал это сам. А может, действительно, он сам ошибся и вместо нужного варианта указал тот, что был у него перед глазами на карте адмирала Бенбоу, «зет-1»? Все это казалось ему каким-то дежавю, вдруг он увидел прямо перед собой лицо капитана первого ранга Корнеева, тот смотрел на Виталия Игнатьевича и хитро улыбался.

Адмирал Пацюк тяжело опустился на стул. У него вырвалось слово, которое так же, как и многие сказанные им в последние минуты слова, в тексте литературных сочинений писать не принято, означало это слово конец, конец всему – службе, карьере, уверенности в себе, в своей адекватности и так далее, короткое емкое, крепкое словцо.

- Что Вы сказали? – переспросил прапорщик.

- Рапорт, говорю, пиши, рапорт на увольнение! – к этому адмирал добавил определение, которое тоже писать не стоит, чем оскорбил ни в чем не повинного начальника отделения секретной части.

Виталий Игнатьевич выскочил из отделения, тяжело глотая воздух, а прапорщик так и остался стоять, не понимая, в чем же он виноват? Адмирал достал сигарету и закурил, прикурить удалось только с третьей попытки, пламя зажигалки гасло, несмотря на то, что ветра не было. Он сделал глубокую затяжку, пальцы, державшие сигарету, дрожали.

«Вернуть экипаж, забрать карту, но это невозможно, самолет уже в воздухе. Будем надеяться, что с самолетом ничего не случится, и карта после полета вернется в секретную часть, Бенбоу ничего не узнает. Вот, черт! И надо же мне было выпендриться перед этим чертовым американцем!»

Все дело было в том, что этого полета с пуском ракет по мишени натовскими генералами запланировано не было, и если бы не фраза адмирала Пацюка, сказанная в ответ на чисто риторический вопрос натовского адмирала при уточнении деталей плана учений, то старый бомбардировщик «Ту-16» так бы и остался догнивать на дальней стоянке аэродрома под Полтавой.

Когда натовский адмирал Бенбоу и адмирал Пацюк обсуждали замысел

учений, Бенбоу, обосновывая необходимость уничтожения русского авианосца, спросил:

- У Вас есть средства для выполнения этой задачи?

При этом оба адмирала прекрасно знали, что у Вооруженных Сил Украины нет никаких средств для того, чтобы потопить авианосец, и если бы Пацюк ответил «нет», то следующей фразой Бенбоу была бы: «Ну, тогда это сделает наша авиация». Разумеется, вся операция с атакой авианосца была бы лишь элементом командно-штабной игры на картах, ни о каких реальных вылетах самолетов с крылатыми ракетами на борту речи не было. Но Виталий Игнатьевич ответил «да», для чего он сказал это, он и сам не мог объяснить. Натовский адмирал был искренне удивлен ответом, но виду не подал. За слова нужно отвечать, и теперь уже адмирал Бенбоу настаивал на реальном вылете и поражении какой-либо мишени, он спросил: «Вы сможете обеспечить эту задачу?». Если бы Пацюк выразил сомнения, то, вероятнее всего, требование реальных действий на этом этапе учений было бы снято, но только после согласования с вышестоящим украинским командованием, которому весьма не понравилась бы вольность Виталия Игнатьевича. Но он ответил, что с поставленной задачей справится.

Первым делом адмирал Пацюк обратился за помощью к своему старому товарищу генералу авиации Рябоконю, тот внимательно выслушал его и, покачав головой, ответил:

- Ну, Виталий, ты даешь! Не много ли взял на себя? Знаешь ведь, нечем у нас авианосец потопить, у нас одни фронтовые бомберы остались, а для того, чтобы такую посудину на дно отправить, нужно кое-что посерьезнее, а все это в девяностых порезали, когда от ядерного оружия отказались.

- Но ведь то будет мишень, найдем какое-нибудь списанное корыто, которое и от фугасный бомбы потонет.

- Ты кому собрался лапшу на уши навешать? Американцам? Уж кто-кто, а они не понаслышке знают, что такое авианосец потопить, даже камикадзе это не удавалось. Тут крылатые ракеты нужны, противокорабельные, которые на малой высоте над самой водой подходят и в борт бьют, где ты их возьмешь?

- Но ведь в советские времена были.

- В советские времена много чего было, да сейчас времена другие, все, что могло противостоять носителям ядерного оружия, уничтожили.

Спасло Виталия Игнатьевича от полного краха карьеры обычное разгильдяйство в системе учета вооружений, где-то когда-то на складе забыли

утилизировать две давно снятые с вооружения крылатые противокорабельные ракеты «КС-1». Бомбардировщики «Ту-16», способные нести эти ракеты, давно были сняты с вооружения в советской военно-морской авиации, но они еще стояли на вооружении у некоторых стран Варшавского договора. Перед самым крахом СССР на авиаремонтный завод в Крым прибыл из Болгарии самолет «Ту-16КС», его отремонтировали, но вернуть не успели, вся система Варшавского договора рассыпалась с развалом Советского Союза. Бомбардировщик законсервировали и оставили до лучших времен.

Старания адмирала Пацюка не остались незамеченными, адмирал Бенбоу обещал в случае успешного выполнения задачи, поставить Украине крылатые ракеты, что возвысило Виталия Игнатьевича в глазах собственного командования. И вот теперь все это может рухнуть из-за некого дежавю. Конечно, то, что экипаж получил не ту карту, на которой настаивал натовский адмирал, еще не ничего страшного не означало, но по опыту Виталий Игнатьевич знал, если с самого начало что-то пошло не так, жди беды.

Записки капитана Фирсова

16 августа 2003 года, двадцать пятнадцать

День клонился к закату, когда мы подошли к району учений над Черным морем. Первые звезды уже проступили на темнеющем небе, а внизу, на земле, под крылом самолета тянулись рваные облака. До берега мы шли на высоте 6600 метров, в районе учений должны были снизиться до пятисот, потом, при подходе к цели, подняться до двух с половиной тысяч, и на этой высоте произвести пуск ракет. Профиль полета был определен какими-то умниками из штаба, и если бы я выполнял настоящую боевую задачу, в боевой обстановке, то никогда бы не шел на высоте пятисот метров. Естественно, чем ниже высота полета, тем тяжелее противнику обнаружить самолет, радиус действия локатора ограничивается прямой видимостью. Но и мне будет труднее обнаружить противника, а пока я буду набирать высоту, необходимую для пуска (пуск ракеты «КС-1» производится в диапазоне высот от 2000 до 7000 метров), у противника будет достаточно времени для того, чтобы уничтожить мой самолет. Я бы шел на той высоте, на которой можно применять оружие, а когда ракета уже пущена, то противнику будет не до меня, прежде всего, он постарается перехватить ракету, а сам носитель, освобож-

денный от ракет, уже не будет представлять для него угрозы.

Самолет снижался, и сумерки все плотнее охватывали нас, из царства угасающего дня мы опускались в ночь. Мы уже прошли облака, и черное небо сливалось с чернотой воды, скрывая в темноте линию горизонта. Со скоростью пятьсот километров в час пронизывали мы густую тьму над морем на высоте пятисот метров, ведя по приборам тяжелый, перегруженный бомбардировщик.

До точки пуска оставалось уже совсем немного, мы уже набирали высоту, когда вдруг начали падать обороты левого двигателя. Двигатель трясло, раздавались хлопки, температура резко подскочила. Вспышки пламени, вырывающиеся из сопла, отражаясь от облаков, освещали тяжелым багровым заревом вечернюю мглу.

- Иван Петрович, что с двигателем?

- Похоже, помпаж!

- Только этого нам еще не хватало!

Когда поток воздуха, плавно обтекающий лопатки турбин, вдруг резко меняет свой характер, когда рассерженный, озверевший ветер, бесчинствуя во входном сопле двигателя, бешено бьет по турбинам, мотор задыхается и хрипит, разразившись тяжелым, огненным кашлем. Двигатель теряем мощность и в конце концов останавливается. Причины, вызывающие помпаж двигателя, могут быть самыми разнообразными, от срыва потока на входе в двигатель, до неудовлетворительного качества топлива. Иногда после остановки двигателя и повторного запуска он продолжает нормально работать, но нам запустить двигатель после остановки не удалось.

Перегруженный самолет с трудом удерживал высоту на одном моторе, а до точки пуска ракет нам нужно было набрать еще пятьсот метров. Пуск ракет на высоте, отличной от расчетной, может привести к тому, что ракеты в цель не попадут. Но это еще полбеды, район учений граничит с маршрутами гражданских судов, и ракеты могли попасть не в учебную цель, а в реальную, проходящую вблизи района учений. Еще свежо в памяти событие, когда ракетой ПВО во время учений был сбит российский гражданский самолет. Но эта трагедия ничему не научила командование, в советские времена учения такого масштаба, с боевыми стрельбами, никогда в этих районах не проводились, было достаточно полигонов в глубине страны. Теперь эти полигоны находились на территории России, и за их использование нужно платить. Да и учения эти проводились с участием сил НАТО, а Россия никогда бы не пустила на свои полигоны натовских вояк.

- Командир! – говорит штурман, - да сделай же что-нибудь! Нужно набрать еще пятьсот метров, до точки пуска пятнадцать минут!

- Не могу! И так в номинальном режиме идем со снижением!

Можно, конечно, вывести двигатель на взлетный режим, но пятнадцати минут работы на таком режиме он не выдержит, да и не спасет это нас. Остается одно – слить топливо, облегчив вес самолета.

- Есть только один выход, ребята, нужно слить топливо, примерно половину остатка, иначе никак не сможем набрать нужную высоту!

После пуска ракет мы должны еще некоторое время сопровождать их, вести в направлении цели лучом своего локатора, пока они сами не захватят цель. Для того чтобы ракеты захватили именно ту, учебную цель, нам нужно удерживать заданную высоту и курс, в противном случае одному Богу ведомо, какую цель они захватят.

- Раз надо, так будем сливать! – ответил Борис Семенович. – Остатка горючего хватит, чтобы дойти до берега, где-нибудь да сядем!

Я дал команду слить топливо. Потеряв часть веса самолет начал набирать высоту. Вот, наконец, мы в нужной точке, на нужной высоте. Ракеты ушли одна за другой, и самолет, освободившись от своей смертоносной ноши, рванулся вверх, как птица, вырвавшаяся на свободу.

Мы связались с командным пунктом и доложили, доложили о пуске ракет, получили подтверждение, что ракеты попали в цель. Позывной командного пункта был «Роджер», что невольно навевало ассоциации с «Веселым Роджером», флагом, под которым плавали пираты.

Теперь нужно было решать, что делать дальше. Вернуться на свой аэродром мы уже не могли, горючего не хватало.

- Штурман, куда мы сможем дойти, какие есть варианты? Просчитай.

- Уже просчитал! Есть только один вариант, единственно, куда можем дотянуть, так это гражданский аэропорт в Адлере.

Мы связались с командным пунктом. Я доложил, обо всем, что случилось, что остаток топлива не позволяет нам вернуться на свой аэродром, до Бельбека, военного аэродрома в Крыму, тоже не дотянуть, и запросил разрешения садиться в Адлере. Но ни в Крыму, ни тем более в Адлере приземлиться нам не разрешили, Крым, по легенде учений, был оккупирован Россией, а Адлер – российская территория, нам предложили идти в Грузию, в Кутаиси. Но до Кутаиси нам тоже не дотянуть. Я принял решение идти в Адлер, несмотря на запрещение командования, в конце концов, еще не война, Россия примет нас.

Тортуга

«Габриэлла» и «Святая Мария» долго и безуспешно бороздили воды южных морей. Удача, сделавшая Фицроя героем в глазах общества, больше не приходила. Запасы продовольствия и пресной воды подходили к концу, нужно было возвращаться, то ли в Англию, то ли к береговому братству. Возвращаться домой без добычи не хотелось, образ удачливого героя будет утрачен, и возможно, навсегда, тогда удача может совсем отвернуться от него. Тогда капитан принял решение идти на Тортугу, остров в Карибском море, на котором находили приют бродяги всех морей и океанов. Штурман, Даниель Маклорен, высокий, крупный шотландец, с обветренным, красным то ли от солнца, то ли рома лицом, теряющимся в густых зарослях черной бороды и усов, осматривал горизонт в подзорную трубу, надеясь увидеть призрак удачи, блуждающей где-то вдали от каперского корабля.

- Капитан! – гаркнул он голосом пьяницы, нашедшего с похмелья полную бутылку рома. – Да, разорвут меня на части морские черти, если там, на востоке, не идет бой!

- Ну что ж, – ответил Фицрой, – пойдем посмотрим, кто там и с кем дерется, возможно, кому-то понадобится наша помощь, или наоборот.

«Габриэлла» и «Святая Мария» под всеми парусами направились туда, где штурман заменил отблески огня и клубы дыма. Но когда они прибыли на место сражения, все уже было кончено, лишь обломки рангоута да пару бочонков покачивались на волнах.

- Да, опоздали мы на пир удачи, – с явным разочарованием произнес штурман.

- Давай посмотрим, – сказал капитан, – может среди этих обломков да трупов есть кто живой.

Обходя место недавнего сражения, они заметили человека, державшегося за обломок стеньги. Он, скорее всего, был ранен и держался из последних сил, голова его то поднималась над водой, то вновь исчезала в волнах.

- Эй, ребята! – крикнул Фицрой, – спустите шлюпку, достаньте этого беднягу!

Матросы быстро спустили на воду шлюпку, и вскоре несчастный, судя по форме одежды, офицер французского флота, уже лежал на палубе корабля.

- Скажите, кто Вы, и что здесь произошло? – спросил Фицрой офицера, после того как ему оказали первую помощь, суть которой сводилась к пе-

ревязке раны и определенной порции рома, и разместили в капитанской каюте на диване.

- Я, Жак де Ладье, – ответил француз, – командир корабля, потопленного английской эскадрой!

- Как! – удивился Фицрой, – Но ведь Англия не воюет с Францией!

- Вот и я так считал! Но я ошибся, эскадра под английским флагом атаковала наш корвет. Они поступили с нами, как самые гнусные пираты, всех, кто остался в живых, они заперли в трюме, а затем расстреляли корабль и потопили. Мне случайно удалось выжить, меня, раненного, выбросило за борт взрывной волной, из последних сил держался я за обломок стеньги, пока вы не спасли меня.

Корвет де Ладье преследовал испанца, нагруженного золотом. Вчерашний шторм разметал армаду, и этот бедняга оказался один. Французы догнали его и атаковали. Испанцы отчаянно сопротивлялись, но победа досталась французам. Погрузив добычу на свой корабль, де Ладье приказал отпустить галеон. Но отставший от армады галеон преследовала еще и английская эскадра. Когда англичане догнали его, уже освобожденного от своего груза, команда не сопротивлялась, полагая, что их пощадят, убедившись в отсутствии золота, но вышло наоборот. Английский адмирал, узнав от пленных, что все золото досталось французам, потопил несчастных испанцев, и пустился в погоню за корветом. Увидев флагманский фрегат под флагом Великой Британии, капитан корвета не ожидал опасности, и не приняли никаких мер, а зря. Когда он понял, что англичане собрались атаковать корвет, он крикнул им: «Мы идем под французским флагом, на Вашей бизани флаг Британии, почему Вы собираетесь нас атаковать?», но адмирал ответил: «Если Вас смущает мой флаг, то я могу его спустить». Поравнявшись с корветом, фрегат бортовым залпом снес все с его палубы и ринулся на абордаж. Потом подоспели и остальные корабли. Силы были не равны, и вскоре все было кончено.

- Это был адмирал Бэкон, – тихо произнес Фицрой, – ничего, придет время, и он заплатит за все.

Первой мыслью капитана было догнать эскадру и потребовать объяснений от адмирала, но он прекрасно понимал бесполезность этого шага. Какие объяснения он, обыкновенный корсар, может требовать от своего непосредственного начальника, лорда-адмирала? Та независимость, которую давала ему каперская грамота, была весьма относительна. Каперы полностью подчинялись своему лорду-адмиралу, свободной была лишь охота за добы-

чей, но о каждой добыче, ее размере, всего, что могло бы представлять особую ценность, капитан каперского корабля обязан был лично докладывать лорду-адмиралу, адмирал контролировал правильность сдачи ценностей в королевскую казну. Капитан, уличенный в мошенничестве, навсегда лишался каперской грамоты. Так что требовать каких-либо объяснений от адмирала Бэкона капитан Фицрой не мог. Какой-нибудь придворный вельможа, умудренный опытом дворцовых интриг, обязательно придумал бы хитроумный ход, в результате которого адмирал предстал бы перед королевой в неприглядном виде, но он, человек далекий от придворной дипломатии, мог полагаться лишь на военную удачу. А, поскольку ее величество Удача была в данный момент занята более важными делами, чем опека капитана Фицроя, последнему не оставалось ничего другого, как отправиться на Тортугу для пополнения запасов пресной воды и продовольствия.

Во времена покорения Нового Света не было ни мобильной связи, ни телефона, ни телеграфа, но, несмотря на это, слухи и сплетни распространялись с удивительной быстротой. Так, слухи о том, что адмирал Бэкон, в погоне за наживой, потопил французский военный корабль, то есть фактически напал на своих союзников, распространяясь от маленького острова в Карибском море, достигли берегов Англии. До слуха адмирала дошло и то, что именно капитан Фицрой спас случайно уцелевшего капитана французского корабля. Это еще больше распалило ненависть адмирала к своему подчиненному, и он поклялся, во что бы то ни стало, уничтожить Фицроя, теперь тот становился еще и опасным свидетелем.

Прибыв на Тортугу, Фицрой, прежде всего, занялся устройством быта своей команды, ей предстояло провести определенное время на берегу в окружении отъявленных негодяев Старого и Нового Света. В первую очередь ему следовало прибыть к губернатору, получить разрешение на стоянку и пребывание на острове экипажа своего корабля. Отношения между пиратами и корсарами складывались нормально, они прекрасно ладили между собой. Однако пираты, свободные художники своего ремесла, несколько свысока смотрели на своих собратьев по грабежам, имеющих покровительство монарха, и как следствие – определенные обязательства перед своим сувереном. Дело в том, что разница между пиратами и корсарами была весьма условна, каперская грамота выдавалась лишь на время войны, а те, кто и по окончании войны продолжали заниматься любимым делом, автоматически становились пиратами.

Губернатор острова Тортуга, что являлся французской колонией, мар-

киз Левасер, с важным видом сидел в кресле, в своей резиденции, расположенной в самом центре острова в доме с колоннами перед парадным входом, окруженным высоким чугунным литым забором. Дом, который губернатор называл дворцом, был сложен из камня-ракушечника, добываемого тут же, на острове, в каменоломнях. Дом под крышей из красной черепицы имел два этажа, четыре колонны перед парадным входом поддерживали террасу второго этажа, на которую вела деревянная лестница с перилами. На первом этаже располагался кабинет губернатора, на втором – жилые помещения, где и проживал губернатор со своей женой и двумя дочерьми.

Капитан Фицрой прибыл к губернатору вместе со спасенным им капитаном французского корвета, Жаком де Ладье. Изо всех островов, что давали приют бродягам морей и океанов, промышлявшим разбоем, Джеймс Фицрой выбрал Тортугу именно потому, что она была французской колонией, и он доставил спасенного им Жака де Ладье туда, где представители властей Франции смогли бы определить дальнейшую судьбу капитана, потерявшего свой корабль. Несмотря на то, что остров был французским, губернаторы его принимали как французских флибустьеров, так и пиратов, и каперов всех стран, лишь испанские галеоны обходили этот остров стороной. Губернатор, взимая плату за стоянку кораблей, имел неплохой доход и не брезговал разбойниками и пиратами.

Маркиз Левасер сидел в кресле за широким столом из черного дерева и листал бухгалтерские книги, оценивая финансовое состояние колонии, которое неотвратимо ухудшалось по причине безудержной траты казенных денег на постоянно возрастающие запросы свой жены и двух дочерей. На столе стояли два подсвечника из бронзы, на три свечи каждый. Свечи не горели, света в комнате было достаточно, он свободно проникал сквозь ажурные занавеси на окнах; по обеим сторонам стола стояли два высоких фарфоровых кувшина, а перед столом несколько стульев для посетителей, более в кабинете губернатора ничего не было.

Фицрой и де Ладье подошли к дому губернатора, который все местные называли дворцом, у входа стоял молодой человек довольно крепкого телосложения, одетый, несмотря на жару, в парадный мундир, вооруженный шпагой и алебардой.

- Доложи губернатору, что к нему прибыл капитан Фицрой, – крикнул Фицрой часовому.

Часовой вошел в дом, и, выйдя через минуту, ответил, что губернатор готов принять капитана. Они вошли, приветствуя губернатора почтительным

поклоном.

- Рад видеть у себя легендарного капитана, самого удачливого флибустьера, – ответил Левасер, вставая из-за стола, – у нас на Тортуге только и разговоров, что о капитане Фицрое, говорят, сама госпожа Удача, никогда не изменяет Вам.

- Увы, господин губернатор, госпожа Удача слишком капризная дама, чтобы соблюдать верность кому-либо, нынешний рейд не принес мне ничего, кроме почтенного господина де Ладье, французского капитана, потерявшего свой корвет. Его потопила неизвестная эскадра со спущенными флагами.

- Испанцы? – спросил губернатор.

- Нет, господин губернатор, это были не испанские галеоны и не корабли берегового братства, до сих пор теряюсь в догадках, кто посмел напасть на французский корвет, – ответил де Ладье. Он понял, Фицрой скрыл от губернатора факт атаки английской эскадры, он, королевский капер английского флота, не хотел осложнения отношений между французской и английской короной, де Ладье также не был в этом заинтересован и решил поддержать Фицроя.

- Передаю в Ваше распоряжение капитана корвета, Жака де Ладье, которого мои матросы выловили среди обломков рангоута на месте недавнего сражения.

- Вы благородный молодой человек, – ответил Левасер, – выражаю Вам благодарность от имени французской короны, надеюсь, Вы хорошо устроились у нас? Вы знаете, за стоянку корабля Вам необходимо внести определенную плату, несмотря на Ваш подвиг, я не могу сделать для Вас исключения, с Вас... с Вас...

Губернатор сел в кресло, снова углубился в бухгалтерские книги, раздумывая, сколько бы потребовать с этого капера, чтобы хоть как-то укрепить свое пошатнувшееся финансовое положение, он понимал, что заломить слишком большую суму он не может, наверняка Фицрой уже справился о размере платы, и, сделав какие-то расчеты, он назвал сумму.

- Прошу прощения, господин губернатор, – удивленно ответил Фицрой, – но у меня всего два корабля, а не четыре.

- Ах, да-да-да, конечно, я, вероятно, ошибся, – ответил Левасер, – тогда Вы должны мне... Вы же понимаете, у меня такие расходы, нужно содержать в исправности причалы, закупать канаты, якорные цепи и прочее оборудование, понимаю, понимаю, неудачный рейд... Кстати, капитан, Вы можете взять у меня кредит! На очень выгодных условиях, всего пятьдесят про-

центов на время стоянки. Сколько Вы собираетесь пробыть на нашем острове?

- Не более недели. Спасибо за предложение, но я не беру кредитов, я вполне смогу оплатить Ваши услуги, если, разумеется, Вы назовете разумную цену, учитывая то, что, как я уже говорил, у меня два корабля, а не четыре.

- Да-да-да, – Левасер назвал сумму, несколько меньше предыдущей, но не в два раза, как требовал того Фицрой.

- Хорошо, – согласился корсар, – я заплачу эту сумму, хотя она и завышена, с других кораблей Вы берете меньше.

- Что делать, времена меняются, цены растут, я тут недавно заплатил за канаты в два раза больше, чем неделю назад, – соврал губернатор, – нужно же каким-то образом компенсировать мои расходы.

- Деньги я Вам пришлю сегодня же, – сказал Фицрой, откланявшись.

Оставив Жака де Ладье губернатору, он вернулся на свой корабль.

Капитан Фицрой задержался на острове даже меньше того времени, на которое рассчитывал. Его штурман, Даниель Маклорен, обойдя все местные кабаки, где не столько пил ром, сколько прислушивался к разговорам морских бродяг, чьи языки имели обыкновение развязываться после определенного количества алкоголя, принес интересную новость. Маклорен подсаживался к пиратам и слушал их разговоры, в основном это были обыкновенные пьяные бредни, но и среди них Даниелю удалось выудить немало достаточно интересной информации. Из разговоров пиратов следовало, что через два-три дня выйдет из Нового Света караван испанских галеонов, нагруженных золотом. Капитаны пиратских кораблей собирались напасть на караван, причем, каждый как мог скрывал свои намерения от собратьев по абордажам.

Внимательно выслушав своего штурмана, Фицрой сказал:

- Действуя таким образом, они не только провалят все дело, но себя погубят, действовать надо сообща, испанские галеоны хорошо вооружены и легко справятся с теми смельчаками, что в одиночку будут атаковать караван.

- Нужно собрать всех капитанов и предложить им действовать сообща, – заключил Маклорен.

- Именно этим я и хочу заняться, – ответил Фицрой, – но как их собрать? Кто из капитанов пользуется наибольшим авторитетом на этом острове? Ведь не к губернатору же, в самом деле, мне обращаться?

- Есть такой капитан. Это Эдвард Тич, по прозвищу Черная борода,

его слово – закон для берегового братства.

- Идем поговорим с ним, знаешь, где стоит его корабль?

- В гавани за дальним молом.

Джеймс Фицрой и Даниель Маклорен подошли к большому черному кораблю, что стоял за дальним молом, у сходней корабля дежурил высокий тощий бродяга по прозвищу Длинный Джон.

- Послушай, любезный, – обратился к нему Фицрой, – могу я поговорить с капитаном Тичем?

- Кто и о чем желает говорить с моим капитаном? – спросил Длинный Джон.

- Не валяй дурака, Длинный Джон, – рявкнул Даниель, – позови нам Черную бороду, ты прекрасно знаешь капитана Фицроя, а о чем мы будем говорить, не твое дело.

- Может и не мое, только что я доложу капитану? Он велел не беспокоить себя по пустякам.

- Если я, капитан Фицрой, явился сюда, значит это не пустяки, зови сюда Эдварда Тича.

Их разговор, что происходил на довольно высоких тонах, видимо разбудил капитана Тича. На палубе появилось существо огромного роста, лица которого не было видно из-за черной густой бороды, слившейся с такой же черной, развевающейся по ветру шевелюрой.

- Кто там полощет мое имя, как ветер паруса? – рявкнуло существо густым сочным басом. – А, это ты, Фицрой! Узнаю, узнаю самого везучего бродягу! Прошу вас, джентльмены, поднимайтесь на борт.

Когда гости поднялись на корабль и проследовали за Эдвардом Тичем в его каюту, уселись, обменялись любезностями, Фицрой сказал:

- Я не настолько удачлив, как об этом болтают, просто я бывший офицер королевского флота, и имею некоторые понятия о тактике морских сражений, чем не может похвастаться ни один из ваших капитанов. До меня дошли слухи, что на днях из Нового Света к берегам Испании отправится караван судов, нагруженных золотом, каждый из вас знает об этом и делает всё, чтобы о его планах не узнали остальные, каждый желает в одиночку отхватить куш и не хочет ни с кем делиться. Но вот что я скажу, капитан Тич, этот кусок не по зубам одному, нужно действовать сообща, иначе охотник и жертва поменяются местами, одинокий волк не может победить стаю. Нужно

собрать совет капитанов, можете это сделать?

- У Вас есть что предложить совету капитанов? – спросил Тич.

- Иначе, зачем бы я явился сюда? – ответил Фицрой. – У меня есть план, план морского сражения, который я хочу предложить капитанам. Мне надо знать, сколько будет галеонов, когда и по какому маршруту они пойдут. Мне нужны точные данные.

- Но точных данных нет даже у меня. Мой человек сказал, что караван выходит завтра, не менее двадцати кораблей, груз будет не на всех, сколько кораблей повезут золото, а сколько будут в конвое – никто не знает. Как они пойдут? Да, черт его знает! Могут пойти Наветренным проливом, между Кубой и Эспаньолой, а могут...

- Они пойдут проливом Мона, между Эспаньолой и островом Сан-Хуан, – перебил Тича человек, сидящий в глубине каюты, в тени, на которого сперва ни Фицрой, ни Маклорен внимания не обратили.

- Это мой штурман, Израэль Гендс, – представил Тич человека с грубым широким лицом, украшенным шрамом.

- Почему Вы думаете, что караван пойдет именно этим путем? – спросил Фицрой штурмана.

- Пролив прикрывают испанские батареи береговой артиллерии, там они будут чувствовать себя в безопасности.

- В безопасности, говоришь? – усмехнулся Фицрой. – Именно там и нужно на них напасть, как только они отойдут дальше полета ядра береговых батарей.

- Но если испанцы увидят наши корабли... – возразил Тич.

- Почему они должны их увидеть? – оборвал Тича Фицрой. – К островам мы вышлем две канонерские лодки, на расстоянии видимости одна от другой, как только корабли войдут в пролив, первая лодка подает сигнал второй, вторая – нашей эскадре, вот тогда мы и выйдем навстречу. Уйти испанцы уже не успеют, придется им принимать бой.

- Хорошая мысль, – ответил Тич, – сегодня же соберу совет капитанов, расскажешь им все это, надеюсь, они одобрят наш план. Обсудите все детали с моим штурманом, а пойду соберу совет.

К вечеру того же дня Эдвард Тич собрал всех капитанов пиратских кораблей у себя в кают-компании. Кратко изложив суть дела, он передал слово капитану Фицрою.

- Вот что я вам скажу, джентльмены, – начал он, – знаю, каждый из вас, хотел бы проглотить этот кусок в одиночку, но, боюсь, кусок этот нико-

му из нас не по зубам, только сообща мы можем одолеть караван испанцев, согласны ли вы действовать все вместе? Если да, то я изложу свой план, а если нет, то разбегаемся, пусть каждый делает, что считает нужным, но если вы поодиночке решите напасть на караван, то я за вашу жизнь не дам и дохлого морского ежа.

Капитаны молчали, обдумывая предложение.

- А что будешь делать ты, если мы не согласимся действовать сообща? – спросил один из капитанов.

- Я? – удивился Фицрой. – Я не отдам швартовы и не отойду от причала, пока не оплачу вашу безвременную гибель. Я не сумасшедший, чтобы в одиночку сражаться с целой армадой.

- Согласны...

- Согласны, – раздались возгласы, капитаны одобрительно загудели.

- Тогда слушайте, – сказал Фицрой, – не все галеоны будут нагружены золотом, корабли конвоя будут прикрывать тех, кто везет груз, они вступят в бой, чтобы груженые корабли могли уйти, не подвергаясь атакам. Ваша задача связать боем конвой, не нужно приближаться к ним, топить, брать на абордаж, нужно их просто отвлечь, не подставляя себя под удар, тем, кто будет уходить, не препятствовать, не бросаться в погоню, главное, отрезать их от конвоя. А галеоны с грузом перехватят самые быстроходные, моя «Габриэла» и корабль капитана Тича.

- Это что же получается? – раздались недовольные голоса. – Одни будут сражаться с конвоем, а другие получат всю добычу?

- Вся добыча будет разделена поровну между капитанами, по числу кораблей. Кому вы доверите дележ добычи – решайте сами, но только так мы сможем получить все при минимальных потерях с нашей стороны.

Предательство

На командном пункте возникла настоящая паника, решение капитана Фирсова, командира бомбардировщика, участвовавшего в совместных учениях с НАТО, идти в Адлер и приземлиться на территории Российской Федерации привело высшее командование в замешательство.

Если информация о замысле учений станет известна российской стороне, то скандал неизбежен. Результатом его будут определенные санкции России в отношении Грузии и Украины, скорее всего Россия прекратит по-

ставку энергоносителей в эти, готовые развязать ядерную войну с бывшими друзьями страны. Существенно ухудшатся российско-американские отношения и отношения России с НАТО. Все это приведет к новому витку гонки вооружений и так далее. А в результате всего этого, страдать будут мирные граждане, население Украины и так стонущее от тяжести растущих цен на газ и электроэнергию.

Дежурный офицер командного пункта докладывал высшему руководству о сложившейся ситуации для принятия решения. Генерал Рябоконь, осуществлявший руководство ПВО и ВВС, в составе которых был единственный самолет, молча выслушал доклад дежурного офицера, связался по средствам засекреченной связи с адмиралом – руководителем учений с украинской стороны, адмиралом Пацюком, и описал ему сложившуюся ситуацию.

Адмирал Пацюк, поняв, что случилось то, чего он так опасался, побледнел. «Вот тебе и дежавю, вариант «зет-1», и надо же, чтобы именно эта карта оказалась у экипажа!» Линия фронта, ядерные удары нанесены на карту, да еще и разукрашены, как для доклада командующему. Конечно, экипаж перед посадкой должен бы уничтожить карту, но Пацюк знал, этот экипаж карту не уничтожит. Замысел и ход учений известен всем членам экипажа. Даже если бы у них был тот вариант, на котором настаивал адмирал Бенбоу, никто не мог дать гарантии, что кто-нибудь из членов экипажа, особенно из бывших советских офицеров, не проболтается. Лучше всех военную тайну умеют хранить только мертвые, или, как говорил известный персонаж романа Стивенсона, Билли Бонс, «мертвые не кусаются».

- Ты хоть сам понимаешь, что ты сейчас мне сказал? – рявкнул адмирал недовольным голосом. – Да, если они сядут в Адлере, то генеральская папаха слетит с тебя вместе с головой! Ты не только себя и меня, ты все высшее руководство страны подставишь! И не только нашей! Это же международный скандал, если карта с обстановкой учений попадет в руки российских спецслужб! Короче, до Адлера они дойти не должны!

- Я, что-то не совсем Вас понял, – ответил генерал.

- Не придуривайся, генерал! Все ты прекрасно понял! У тебя есть средства ПВО?

- Есть, конечно, «С-200».

- Ну, вот и действуй, принимай решение, как генерал, а не солдат первого года службы! И чтобы ни один обломок в российские территориальные воды не упал!

Генерал отдал приказ командиру зенитного расчета поразить учебную цель, назвав курс, высоту и координаты бомбардировщика, выполнившего свою задачу и на одном моторе идущего в сторону Адлера. Поразить самолет первой ракетой не удалось, цель повела себя вовсе не так, как мишень, которая продолжает двигаться своим курсом, несмотря на пуск ракеты.

Командир зенитного расчета, увидев, что цель маневрирует по курсу и высоте, ставит защиту, понял – цель была не учебной. Он вспомнил тот, гражданский «Ту-154», сбитый украинским ПВО.

- Это не учебная цель! Он маневрирует! Он сбросил дипольный отражатель и ушел от ракеты! – орал дрожащим от волнения голосом командир расчета, докладывая о результатах пуска. А самолет, между тем, приближался к территориальным водам России. Если обломки упадут вблизи берега, на территории России, и их поднимут, то станет ясно, что украинским ПВО сбита не учебная цель. И от Украины потребуют объяснений. Какой самолет и зачем сбит над Российской территорией?

- Ты, что не понял? – возмутился генерал, – я же ясно тебе сказал: цель учебная! Уничтожить! Срочно! Выполняй приказ, мать твою! – кричал генерал в трубку, покраснев от волнения, обливаясь холодным потом. Если самолет не собьют – это скандал, страшный скандал и конец его карьере, да если бы только карьере!

Записки капитана Фирсова

16 августа 2003 года, двадцать один десять

«Роджер» молчал. Командный пункт больше не отвечал на наши запросы.

- Командир, что делать будем, они не отвечают? – спросил штурман.

- Принимаем решение самостоятельно, идем в Адлер, хотя не нравится мне все это, ох, как не нравится! – ответил я.

В Адлере две полосы, одна, с посадочным курсом 60 градусов и длиной 2890 метров, а вторая, более короткая, с посадочным курсом 24 градуса имеет длину 2200 метров. В принципе, мы сможем сесть на любую полосу, хотя длинная предпочтительней. Но нужно заранее знать на какую будем садиться, чтобы построить маршрут захода для посадки с прямой, поскольку горючее и так на пределе. Но связаться ни с контролем, ни с подходом, ни со стартом аэропорта нам не удалось. Все частоты были забиты помехами.

- Не нравится мне это! – недовольно ворчал я. – Командный пункт не отвечает, а на частотах аэропорта помехи. Что-то здесь не так, штурман, что-то не так!

Тогда мы еще не знали, что помехи возникли не случайно, работали постановщики помех службы радиоэлектронного противодействия. Все делалось для того, чтобы исключить утечку информации. Мы не понимали, что происходит, мы еще надеялись, что удастся благополучно приземлиться в Адлере, а генерал уже отдал приказ расчету зенитно-ракетного комплекса «С-200» уничтожить наш самолет, обозвав его учебной целью.

Пуск ракеты мы увидели на экране локатора. Мы еще надеялись, что это случайность, что нас просто перепутали с какой-то учебной целью, поскольку возвращаться должны были другим курсом и на другой высоте. Хотя тяжелому ракетоносцу далеко до истребителя, но все же это не гражданский лайнер, это боевой самолет, и мы умеем бороться с ПВО противника.

- Сбросить дипольный отражатель! Приготовиться к противоракетному маневру! – командовал я.

Дипольный отражатель представляет собой кусочки фольги, которые выбрасываются из самолета. Облако фольги создает мощный радиолокационный след, гораздо мощнее следа самолета, и ракета идет на более мощный сигнал, а самолет в это время выполняет противоракетный маневр, быстро меняет курс и высоту, уходя, таким образом, от ракеты. Хоть с одним двигателем это сделать сложнее, чем с двумя, но от ракеты, все-таки, мы ушли.

Когда мы увидели вторую ракету, то поняли, что все это не случайно: и молчание командного пункта, и помехи, поставленные на частоте Адлера, и эта, теперь уже вторая, ракета. Было бы у нас два двигателя, можно было бы еще побороться, а на одном моторе от второй ракеты мы уже не уйдем – у нас нет высоты для маневра, и набрать ее мы не успеем.

- Экипажу покинуть самолет! – скомандовал я, это единственное, что можно было сделать в данной ситуации. Бросить самолет и воспользоваться парашютами за несколько секунд до того, как ракета собьет его, только так еще можно спастись.

Ребята катапультировались, а я держал самолет, уводя его подальше от парашютов, чтобы его обломки не накрыли купола – последний шанс на спасение моего экипажа. Взрыва ракеты я не помню, я не помню, как покинул самолет, как раскрылся парашют, как я приводнился. Очнулся уже лежа в спасательной лодке «ЛАС-1», которая укладывается вместе с парашютом. Есть еще и большая лодка «ЛАС-7», которая сбрасывается отдельно и слу-

жит средством спасения на воде для всего экипажа. Там есть весла, запас продовольствия, можно установить мачту с парусом. Может быть ребятам, которые прыгнули на несколько десятков километров раньше меня, удалось найти эту лодку. Каждое движение отдавалось болью в груди, по-видимому, я был ранен. Ракета «С-200» начинена тысячами стальных шариков, которые разрывают самолет на части. Это, как на утиной охоте, облако дроби накрывает утку, дробью легче попасть, чем пулей. Как всё похоже! Только в роли утки теперь оказался наш самолет.

17 августа 2003 года, ночь

Был штиль, волны тихо плескались за бортом утлого резинового суденышка. А над морем висели теплая южная ночь. Огромные звезды смотрели на меня с высоты, мерцая, будто подмигивая и посмеиваясь над моим нелепым положением. Мы делали все, чтобы выполнить задачу, приняли все меры, для того, чтобы ракеты не попали в какое-либо гражданское судно. А теперь сбили нас, сбили из тех же, гуманных соображений. Действия адмирала, в принципе, были правильными, он заботился о благе народе, о престиже страны, но мы, то, готовы были пожертвовать своими жизнями, а он – нашими. Да, и не о стране он думал, а о своих погонах. Да, и Бог ему судья! Какое мне теперь до них всех дело!

Я вспомнил свой дом, гараж, старенькую машину «жигули» первого выпуска. Вспомнил, что нужно бы было давно поменять масло в двигателе, а еще заменить механизм рулевого управления. Я все откладывал и откладывал эти работы, все куда-то спешил, торопился, не успевал. А вот теперь уже спешить некуда, и ничего уже не нужно. Все то, что было – это, казалось, было в какой-то совершенно другой, далекой, не моей жизни. А теперь у меня только черная, бескрайняя водная ширь, да огромные мерцающие звезды, и больше ничего. И ничего уже не будет. Я вспомнил увитые зеленым плющом, крашеные авиационным серебрином гаражные ворота и дохлую крысу за гаражом. Не знаю, почему мне вспомнилась именно эта дохлая крыса, совершенно высохшая под палящими лучами июньского солнца, скалившаяся обнаженными зубами, будто бросая вызов всему миру, так несправедливо поступившему с ней.

Ни обида, ни страх не тревожили больше мою душу, мне стало вдруг тихо и спокойно. Мысли плыли плавно и не спеша, как плывут облака по ве-

чернему небу. Я вспомнил аэроклуб, своих друзей, с которым мы впервые ощутили радость полета, с которыми мы рассуждали о будущем, совершенно не представляя, что все будет совершенно не так, как грезилось нам в наших юношеских, романтических мечтах. Я с детства хотел быть военным летчиком, именно военным, летать на современных боевых машинах. Мой отец прошел войну летчиком-бомбардировщиком на «Ил-4». Потом, после войны был командиром эскадрильи «Ил-28». Это, видимо, и определило мой выбор. А друг мой, Женя, мечтал о скоростных авиалайнерах, международных трассах, он хотел быть пилотом гражданской авиации. Мы часто спорили, и он говорил:

- Ты, только представь себе: взлет в Москве, посадка в Париже! Девочки-стюардессы, все красавицы, тебе кофе на эшелоне приносят. А какие девочки в Париже! Аэропорт Орли или Ле Бурже, французский коньяк, Эйфелева башня за окном пятизвездочной гостиницы! А, представляешь, ужин в ресторане с французскими знаменитостями: Жан Маре, Ален Делон! Разве увидишь когда-нибудь ты это все в своих ВВС? Ну, что тебя ждет в военной авиации? Пыльные аэродромы приволжских степей или снега Забайкалья? Военный городок вдали от цивилизации?

- Может быть, ты и прав, Женя, – отвечал ему я, – только прежде, чем ты попадешь на международные линии, тебе еще порхать и порхать на «Ан-2» над колхозными полями. И вместо парижских красавиц будут рядом с тобой пышногрудые доярки, а вместо французского коньяка будет у тебя стакан самогонки да пьяные мужики вместо знаменитых актеров. Будет еще и грязный сарай вместо пятизвездочного отеля, а вместо Эйфелевой – силосная башня за окном со своим специфическим непередаваемым ароматом, весьма далеким от аромата французских духов. А я уже сразу после выпуска из училища на таких машинах буду летать, каких ты и на картинке не увидишь!

- Подумаешь! – отвечал Женя, – Стратегический бомбардировщик! Только ты взлетишь, а на тебя уже все ракеты вражеского ПВО нацелены! Собьют, не дадут и до цели дойти!

- Не так уж просто сбить современный бомбардировщик, как тебе кажется!

А, вот теперь меня сбили, и не противник, а свои. Но и Женя не дожил до сегодняшнего дня. После развала Советского Союза бывший «Аэрофлот», рассыпался на множество мелких авиакомпания, влачащих жалкое существование, особенно это казалось бывших союзных республик, ныне самостоятельных государств, обворованных правительством и местными олигархами.

Бывшие пилоты «Аэрофлота» искали работу где придется, друга моего, Женю, занесло в какую-то глухую африканскую страну, где он на «Ан-26» перевозил грузы, о содержании которых знать экипажу не полагалось, приходилось работать и в зонах военных конфликтов. Однажды его сбили на взлете над какой-то далекой, чужой землей.

Хотелось пить. Жажда становилась все сильнее, вокруг меня была вода, одна вода, но пресной воды не было ни капли. А что будет, когда взойдет солнце, когда на смену прохладе ночи придет полуденный зной? Тогда жажда станет и вовсе невыносимой. Может быть, до утра меня найдут? Но кто? И, вообще, ищут ли нас? Ищут, наверняка ищут, но только кто и зачем? Нужны ли им живые свидетели? Конечно же, не нужны! Прав был старина Билли Бонс – мертвые не кусаются! Что сделают с нами, если найдут? Убьют или отправят в сумасшедший дом? Можно еще взять с нас подписку о неразглашении происшедших событий, убедить всех, что самолет упал по причине отказа второго двигателя, а ракеты были пущены по совершенно другой, учебной цели. Можно, но нужно, ли? Ребята прыгнули еще до попадания ракеты в самолет. Им можно доказать, что никакой ракеты не было, что ракета, пущенная по учебной цели, была принята за ракету, пущенную по нашему самолету. Командир запаниковал, приказал прыгать. Поверят? Нет, конечно! Но доказать ничего никому не смогут. Со мной сложнее, если останусь жив, я был в самолете, когда в него попала ракета. У меня выбора мало – или в гроб, или в сумасшедший дом. А то вдруг, обидевшись на командование, начну давать интервью российским журналистам. А журналисты – эти пострашнее спецслужб, спецслужба одной страны всегда может договориться со спецслужбой другой, а с этими барбосами не договоришься – им сенсацию подавай! Так что спасения мне ждать не от кого, да и незачем.

Жажда становилась все сильнее, наверное, это от раны в груди. Сознание периодически покидало меня, потом вновь возвращалось. Мне чудились вдали, на горизонте, паруса кораблей. Они приближались, они становились все больше и больше, они уже закрывали собой звезды, и я понял, что корабль движется ко мне. Двигался он довольно быстро, странно, как может двигаться парусный корабль, когда на море полный штиль, ветра нет совершенно, а он все-таки плывет. Может это летучий голландец? Или просто предсмертный бред. Сознание вновь покинуло меня. Очнулся я уже на палубе корабля, вокруг суетились какие-то люди, звучала английская речь. Английского я практически не знал, но вдруг к удивлению для себя заметил, что понимаю прекрасно все, о чем говорят, и поймал себя на том, что и мыслю-то

я по-английски.

- Кто Вы? – спросил какой-то матрос, склонившись надо мной.

- Я – капитан Фицрой, бывший командир корабля, преданный своим адмиралом, и своей страной! – неожиданно для себя ответил я.

Предательство

День выдался ясным, с хорошим ветром, направление его способствовало благоприятному ходу операции, разработанной капитаном Фицроем и его штурманом, все было рассчитано до мелочей, но и, несмотря на это, риск был велик, одно неправильное действие кого-то из капитанов могло свести на нет усилия остальных. Дело было в том, что капитаны пиратских кораблей не имели опыта совместных боевых действий, каждый из них привык рассчитывать лишь на себя и своих матросов, и весь стройный план Фицроя мог рухнуть, если вдруг кто-либо из этих морских разбойников, не привыкших к действиям в строю, погонится за добычей вместо того, чтобы сковывать огнем и маневром корабли конвоя испанцев.

Пираты построились тремя группами, две должны напасть на испанцев спереди и сзади, связать боем конвой, а когда те галеоны, что везут груз, не примут бой, а попытаются уйти, третья группа, состоящая из самых быстроходный кораблей, перехватит груженые галеоны и освободит их трюмы от золота, награбленного у местных племен. В составе третьей группы была «Габриэла», а «Святую Марию», имеющую хорошее вооружение, но недостаточно быстроходную, Фицрой отправил во вторую группу кораблей, назначив ее командиром Даниэля Маклорена. Капитан Фицрой наблюдал в трубу за канонерской лодкой, которая, получив сигнал, поднимет на мачте вымпелы, что укажут количество кораблей испанцев и направление их пути.

Время шло, а сообщения все не было, Фицрой нервничал, он опасался, как бы пираты, устав от ожидания, не принялись действовать самостоятельно, на свой страх и риск. И вот наконец на мачте канонерской лодки взвились вымпелы, испанские галеоны в количестве двадцати судов шли кильватерной колонной в направлении пролива Мона, между островами Эспальола и Сан-Хуан так, как и предполагал Израэль Гендс. Оставалось дождаться, когда корабли испанцев минуют пролив. Фицрой дал команду пиратам рассредоточиться и приготовиться к атаке, первая группа кораблей укрылась за Эспань-

олой, вторая и третья за Сан-Хуаном, они не могли видеть, когда испанцы минуют пролив, и лишь канонерская лодка, что находилась напротив пролива в виду островов, могла наблюдать за движением испанцев.

Выстрел из пушки, что произвела канонерская лодка, был сигналом к атаке, первая группа пиратских кораблей вышла из-за Эспаньолы и атаковала с наветренной стороны замыкающие строй галеоны, дав залп, пираты снова отошли на расстояние, повторяя атаки одну за другой. В это же время, группа, что скрывалась за островом Сан-Хуан, атаковала первые корабли строя испанцев, строй смешался, корабли конвоя приняли бой, прикрывая транспортные суда, которые, поставив все паруса, спешили уйти как можно дальше от места боевых действий. И когда они отошли достаточно далеко, корабли Фицроя и Тича догнали их, атаковали, взяв на абордаж. Очистив трюмы одного галеона, они атаковали следующий, и так, пока весь груз испанцев не оказался в трюмах пиратских кораблей. Захватив в качестве трофея четыре испанских галеона, Фицрой и Тич направились к Тортуге, а те корабли пиратов, что сковывали огнем и маневром галеоны конвоя, когда паруса Фицроя и Тича скрылись за горизонтом, оставили испанцев и ушли.

Испанские корабли, не получив существенных повреждений, вполне могли бы броситься в погоню за пиратами, но их больше заботила судьба тех галеонов, что ушли с грузом подальше от места сражения, когда же выяснилось, что грузовые суда ограблены, а четыре из них захвачены в плен, что-либо предпринимать было уже поздно, пираты к тому времени уже отшвартовались в гавани Тортуги, не потеряв ни одного корабля.

Капитан Фицрой, получив свою часть богатой добычи, покинул остров и направился в Англию, чтобы пополнить королевскую казну и обрадовать ее величество новой победой. Однако он опасался, что слухи о спасении им капитана французского корабля, потопленного английской эскадрой, могли дойти до адмирала Бэкана, и хотя формальных поводов для действий против Фицроя адмирал не имел, Фицрой понимал, что вести себя следует крайне осторожно.

Прибыв в порт, капитан Фицрой отослал письмо адмиралу, своему непосредственному начальнику, он подробно описал обстоятельства морского сражения и указал размер полученной им добычи. Вскорости пришел и ответ. Адмирал вместе с эскадрой находится в море, потому вместе с ответом в порт прибыл уполномоченный офицер для учета добычи, определения размера вознаграждения капитану каперского корабля и его команде и доставки добычи в королевскую казну. Фицроя вполне устраивало то, что адмирала

Бэкона не было при дворе, он надеялся, выполнив все формальности, покинуть Англию еще до возвращения адмирала. Но как только трюмы каперских кораблей освободились от испанского золота и вознаграждение корсарам было выплачено, тот же офицер, что прибыл с ответным письмом, сообщил неприятную новость, эскадра отшвартовалась в порту, адмирал Бэкон и даже сама королева желают видеть капитана Фицроя сегодня вечером в королевском дворце. Несмотря на то, что приглашение было исполнено любезностей, Фицрой почувствовал опасность. Настораживало еще и то, что офицер наверняка знал, передавая письмо с ответом, что эскадра уже прибыла в порт, но сообщил об этом Фицрою только после того, как добыча из трюмов кораблей была перегружена в повозки.

Даниель Маклорен уговаривал капитана не ехать на прием, а сразу же выйти в море, но такой поступок Фицроя мог быть расценен как неподчинение со всеми вытекающими отсюда последствиями. Фицрой приказал своему штурману, как только он уедет с офицером в Лондон, отвести корабли от причала. «Святая Мария» должна немедленно уйти к островам Карибского моря, а «Габриэла» под командованием Маклорена будет ожидать его на рейде, оставив у берега шлюпку с двумя матросами, и если он не прибудет до утра, то «Габлиэла» должна будет сняться с якоря и отправиться вслед за «Святой Марией».

Карета, которую подали Фицрою, выглядела несколько странно, окна были тщательно зашторены, и определить, куда именно следует карета, по какой дороге, было невозможно. Тревогу вызывали и вооруженные люди, двое из них находились в карете, один внутри, он сидел напротив Фицроя, второй – с кучером на облучке, в разговор они не вступали, кроме них карету сопровождали еще четверо всадников. Капитана охватило беспокойство, это было больше похоже на арест, чем на приглашение в королевский дворец. Через несколько часов непрерывного движения карета остановилась, тот, что сидел внутри с Фицроем, распахнул дверцу, предлагая ему выйти, всадники спешились, плотным кольцом окружив капитана, и провели его к дверям темного мрачного здания. На дворе была уже ночь, фонари не горели, капитан Фицрой понял, что худшие его опасения оправдались, его провели в дверь, за которой стояли два стражника, факелы у входа освещали длинный мрачный коридор. У Фицроя забрали шпагу и повели его вниз по винтовой лестнице, затем по коридору мимо тяжелых железных дверей, «Сюда, в семнадцатую», – сказал один из стражников, указав на дверь справа по ходу их движения. Второй молча снял с пояса связку ключей, отыскал нужный, отво-

рил дверь, капитана втолкнули в темную тюремную камеру, дверь за ним с лязгом затворилась, наступила тишина.

В камере было темно, Фицрой на ощупь обследовал помещение и обнаружил у одной стены железную кровать, он сел на нее, пытаясь осмыслить то положение, в котором оказался. Ему не предъявили никаких обвинений, просто бросили в темницу, ничего не объясняя, что послужило причиной? Причина, по мнению Фицроя, могла быть лишь одна, адмиралу стало известно, что именно Фицрой спас капитана французского корвета, потопленного английской эскадрой. Факт нападения англичан на французский корабль, видимо, стал предметом обсуждения дипломатов, но откуда адмирал Бэкон узнал подробности, было загадкой. Фицрой стал опасен для адмирала, но если бы его хотели убить, то сделали бы это по дороге, а раз сохранили жизнь, заключив в тюрьму, то, стало быть, он адмиралу для чего-то нужен. А если так, то что-то должно проясниться.

Однако время шло, но ничего не менялось, стражник приносил еду, передавая ее через окошечко, вместе с едой он передавал и огарок зажженной свечи, его хватало лишь на то, чтобы поесть и вернуть посуду, остальное время капитан проводил в полной темноте. Сколько времени прошло, какое теперь время суток, определить было невозможно, и Фицрой подумал, что если все это продлится достаточно долго, то скоро он просто сойдет с ума, ослепнет, потеряет человеческий облик. Все его попытки заговорить со стражником ни к чему не привели, он кричал, колотил в дверь, звал начальника стражи, но на это никто никаким образом не реагировал.

Фицрой решил, что к нему уже не придут, не придут ни с допросом, ни с обвинением, он сгниет здесь, в этом каземате, и никто никогда ничего не узнает о его судьбе, мгновенная смерть была бы лучшей участью, чем та, которую уготовил ему адмирал Бэкон. В том, что он был брошен в эту тюрьму по приказу адмирала, он не сомневался.

Но вот однажды, дверь его камеры отворилась, и вошел человек в черном плаще. Стражник внес зажженный факел и оставил его в камере, пламя горело ровно, не колеблясь, чуть подрагивая, и в свете факела Фицрой увидел лицо человека, что пришел к нему.

Он вздрогнул от удивления, на него из-под капюшона плаща смотрело лицо леди Инессы. Заметив его состояние, леди Инесса, откинула капюшон, и с усмешкой взглянул на капитана.

- Не ожидали увидеть меня здесь?

- Вообще-то я надеялся, что кто-то придет ко мне, если меня не убили

сразу, то, значит, я кому-то для чего-то нужен, – ответил Фицрой, с трудом овладев собой, – но я никак не ожидал, что это будете Вы. Так это благодаря Вам я оказался здесь?

- О нет! Это все адмирал Бэкон, я пришла, чтобы спасти Вас. Вы слишком опасны для адмирала, ведь Вы знаете, что это он потопил французский корвет.

- Я ничего не знаю, это какая-то ошибка.

- Вы спасли капитана этого корабля, доставили его на французский остров, сдали губернатору. Губернатор острова, Левассер, направил письмо императору Франции, в котором упомянуто и Ваше имя. Назревает международный скандал, хотя в ноте, которую передал французский посол, ничего не сказано ни о Вас, ни о том, кто именно атаковал корабль, у лорда Бэкона есть при французском дворе свои люди, они доложили ему все подробности. Вы стали опасным свидетелем, адмирал решил избавиться от Вас. Но я хочу Вас спасти.

- Какой интерес Вам спасать меня?

- Я ненавижу лорда Бэкона, а Вы мне далеко не безразличны. У Вас нет никаких шансов выйти отсюда, но у меня созрел план, как спасти Вас и избежать международного скандала.

- И что же это за план?

- Только пообещайте, что сделаете все, о чем я Вас попрошу.

- Но, миледи, я не могу обещать, не зная, что от меня потребуют.

Леди Инесса расстегнула плащ, откинула воротник, и волосы ее рассыпались по плечам, она наклонилась к лицу Фицроя так, что локон ее волос коснулся его щеки и тихо сказала:

- Вы должно заявить, что это Вы потопили французский корабль, – она сделала паузу и продолжила: – Случайно, по ошибке, приняв его за испанский галеон.

- Вы хотите сказать, что я могу спутать испанский галеон с французским корветом? Спутать стройные обводы корвета с высокой кормой галеона? Бред. Этому никто не поверит, да и подобное признание равносильно смертному приговору.

- Поверят. Вы принесете свои извинения послу Франции, инцидент будет исчерпан, королева простит Вам Вашу ошибку, и никого не будет интересовать, чем галеон отличается от корвета.

- Почему Вы думаете, что королева простит меня? Если она примет иное решение?

Леди Инесса усмехнулась, посмотрела прямо в глаза Фицрою и твердо сказала:

- Королева примет то решение, которое приму я. Не стану Вас посвящать во все тонкости дворцовых интриг, но поверьте, что это именно так.

- Но какой смысл Вам выгораживать меня? Мое признание позволит избежать международного скандала, но после этого моя жизнь никому не будет нужна, ни королеве, ни тем более адмиралу, ни Вам, миледи. Какие гарантии Вы можете дать, что после того, как я возьму на себя вину адмирала, участь мою не решит топор палача?

- Ваша жизнь нужна мне, и гарантией будет моя любовь к Вам! – глаза ее сверкнули в темноте, щеки вспыхнули, леди Инесса отвернулась от капитана, накинув на голову капюшон.

Фицрой молчал, он не знал, как реагировать на эти слова, он не мог поверить в искренность того, что сказала она, но этот блеск глаз, мгновенно вспыхнувший румянец на щеках мог означать либо то, что она говорила правду, либо то, что леди Инесса хорошая актриса.

- Что же Вы молчите, капитан? Вы вынудили меня сделать признание, которое дама моего положения никогда делать не должна, ни при каких обстоятельствах. Надеюсь на Вашу честь, поклянитесь, что никто никогда не узнает о том, что я призналась Вам в своей любви!

- Можете не сомневаться, миледи, о Ваших словах никто никогда не узнает, потому, что я никогда не выйду отсюда, я не возьму на себя вину адмирала, так и передайте ему, пусть я сгнию здесь, в этой темнице, но никогда не стану пешкой в Вашей игре.

- Вы, Вы не верите мне? Это после того, что я Вам сказала? Вы обидели меня, капитан Фицрой! Вы меня оскорбили! Это так жестоко с Вашей стороны! Прощайте, я ухожу, и навсегда забудьте о тех словах, что я сказала Вам!

Леди Инесса поднялась, плотно закуталась в плащ, накинула капюшон и три раза постучала в дверь, дверь со скрипом и скрежетом отворилась, на пороге возник стражник, он вошел, пропуская леди Инессу, затем забрал факел и вышел, дверь с тем же скрежетом закрылась, в камере вновь наступила темнота. Капитан лег на кровать и прикрыл глаза, он подумал, что она еще вернется, обязательно вернется, в любом случае, независимо от того, говорила ли она правду о своей любви или это была игра талантливой актрисы, она не добилась того, чего хотела, но не в ее правилах было отступать.

Фицрой не знал, сколько дней прошло после посещения его леди

Инессой, в этой темноте он вообще потерял ощущение времени, пытался считать, сколько раз стражник приносил еду, но вскоре сбился со счета. И вот дверь его камеры вновь отворилась.

- Поднимайтесь и идите за мной, – сказал стражник, освещая факелом проем двери.

Фицрой поднялся с кровати и вышел, он следовал за стражником, второй стражник шел позади него. Пройдя по длинному коридору, они свернули влево на винтовую лестницу, от долгого подъема и движения по спирали у Фицроя стала кружиться голова. Наконец подъем кончился и они вошли зал овальной формы, хорошо освещенный, просторный, с высоким потолком, слева и справа были видны украшенные резьбой двери, стражник толкнул одну из них, и она бесшумно отворилась. Стражник сделал шаг в сторону, пропуская капитана в комнату и, когда он вошел, закрыл дверь.

Фицрой очутился в помещении ничем не напоминавшем его угрюмый темный каземат, высокие узкие окна были занавешены тяжелыми зелеными шторами, стены комнаты покрывали гобелены, у одной стены стояла широкая кровать, застеленная красным покрывалом, посреди комнаты стол, накрытый на две персоны, его украшали блюда с разнообразными закусками, бутылка вина и два бокала. У стола напротив друг друга стояли два стула с высокими спинками. У капитана Фицроя, не евшего ничего со дня его заточения, кроме вонючей похлебки, при виде этого великолепия разнообразных блюд заныло в желудке.

В глубине комнаты открылась дверь, ведущая в какое-то помещение, и из него вышла леди Инесса, в роскошном зеленом платье с глубоким декольте, на груди ее сияло жемчужное ожерелье, волосы скрепляла заколка с бриллиантом. Она улыбнулась, указывая капитану на стул.

- Прошу Вас, капитан, сейчас мы с Вами поужинаем, если Вы, конечно, не возражаете.

Фицрой отодвинул стул и сел к столу, напротив него села леди Инесса.

- Чем обязан таким вниманием с Вашей стороны? – спросил капитан.

- Угощайтесь, и поухаживайте за дамой, слуг я отпустила, мы одни, так что, наполняйте бокалы, я хочу выпить за Вас, капитан. Сначала ужин, все вопросы потом.

Фицрой наполнил бокалы, положил в тарелки, сперва ей, а затем себе ароматный бифштекс, он старался не делать резких движений, которые выдали бы его нетерпение, чувство голода, притупленное тюремной похлебкой,

остро подступило изнутри. Леди Инесса подняла свой бокал, сделав глоток, Фицрой, лишь слегка пригубив вино, поставил бокал на стол и принялся за еду. Он ел медленно, преодолевая страстное желание поглотить все эти великолепнейшие кушанья одним махом, когда же острое чувство голода чуть притупилось, он отодвинул от себя блюдо и вопросительно посмотрел на леди Инессу.

- А у Вас железная выдержка, капитан, налейте мне еще вина.

Он налил вина леди Инессе, обойдя свой бокал.

- Отчего же Вы не пьете? Вам не нравится вино? – спросила леди Инесса, поднимая свой бокал.

- У меня нет пристрастия к вину, я и от своих матросов требую трезвости, на моих кораблях нет ни вина ни рома.

- Но Вы не на своем корабле, капитан, Вы у меня в гостях.

- Спасибо, я уже оценил Ваше гостеприимство, там, внизу.

- Там, внизу, Вы оказались благодаря адмиралу, а здесь – благодаря мне. Вы ощущаете разницу? Где Вам больше нравится, здесь или там?

- Там, по крайне мере, все честнее, а здесь...

Леди Инесса встала, подошла к Фицрою и положила руки ему на плечи.

- Милый мой капитан, Вы по-прежнему не доверяете мне? Чем еще я могу доказать Вам свою любовь? Я буду Вашей, здесь и сейчас, на этой постели.

- Я слишком долго находился в затхлом и грязном каземате, в этой постели я буду выглядеть нелепо, неужели Вы, такая прекрасная дама, столь утонченная натура, сможете преодолеть брезгливость и сблизиться с грязным, вонючим, обросшим щетиной арестантом в лохмотьях?

- Кроме тех качеств, которые Вы так красочно описываете, Вы еще дерзки и грубы, капитан! – вспыхнула леди Инесса. – Одно Ваше слово – и Вы никогда не вернетесь в тот грязный и затхлый каземат, Вас приведут в порядок, Ваши лохмотья сменят на парадный мундир, Вас представят ее величеству, и в ее присутствии Вы объяснитесь с послом Франции. Вас ждет награда – моя любовь, и, поверьте, это не так уж мало.

- А потом моя голова с Вашей груди перейдет на плаху?

- Этого не будет никогда, гарантом Вашей безопасности будет ее величество королева Британии.

- А лорд-адмирал тоже дает мне гарантии? Взяв его вину на себя, я остаюсь для лорда Бэкона опасным свидетелем. Меня в любом случае ждет

смерть, но я не хочу отдавать свою жизнь за того, кто оклеветал меня, и не стану поддерживать эту игру, клевеща на самого себя. Можете приказать расправиться со мной прямо здесь и сейчас, можете отправить меня обратно в темницу, но Вы ничего от меня не добьетесь.

Леди Инесса поднялась из-за стола, бросила на Фицроя испепеляющий взгляд, затем опустила глаза и, овладев собой, спокойно, тоном, в котором звучала угроза, сказала:

- Прощайте, капитан, думаю, Вы еще не раз пожалеете о том, что отвергли мое предложение.

Записки капитана Фирсова

19 августа 2003 года

Когда я открыл глаза, но никак не мог понять, где же я нахожусь и что со мной случилось? Перед глазами на потолке играли солнечные блики, мерцая, переливаясь, словно живые, это было отражение волн, значит, я нахожусь на каком-то корабле, догадку мою подтвердило легкое покачивание кровати, корабль стоял, гула моторов слышно не было, не было заметно и движения. Повернув голову влево, я увидел круглый иллюминатор, расположенный достаточно высоко, так, что сквозь него была видна лишь синева неба, попытка приподняться отозвалась острой болью в груди, я застонал, в глазах потемнело, и я упал на кровать.

Когда я вновь открыл глаза, то увидел, склонившееся надо мной лицо человека в белом халате.

- Как Вы себя чувствуете? – спросил он.

- Не знаю, но похоже я еще жив, – ответил я, стараясь придать своему голосу бодрость.

- Вы шутите, это хорошо, но подниматься Вам не следует, Вас прооперировали, все прошло удачно, угрозы для жизни нет, но сейчас нужен покой.

- Что со мной произошло? Как я сюда попал?

- Вас подобрали в море, Вы были на резиновой лодке, что-то случилось с Вашим самолетом, Вы спаслись, воспользовавшись парашютом. У Вас ранение в грудь, мы извлекли поражающие элементы зенитной ракеты.

- Ничего не помню, и не понимаю ничего. Какой самолет? Парашют? Не понимаю, я капитан Фицрой, мы входили в пролив, с фрегата дали залп, я был ранен осколком ядра.

- Какой фрегат? Вы находитесь на американском фрегате, но поверьте, с фрегата по Вашему самолету никто не стрелял.

- Самолет? Ах, да, самолет, это то, что летает? Да-да, помню, но какое это имеет отношение ко мне? Я моряк, а не летчик, я командир фрегата, под названием «Габриэла», меня преследовала эскадра адмирала Бэкона.

- Мне ничего не известно о фрегате, под названием «Габриэла», у нас нет такого фрегата, наш фрегат называется «Капитан Кук».

- «Капитан Кук»? Это фрегат королевского флота?

- Это фрегат Военно-морских сил США.

- Что-то я перестаю понимать происходящее, Вы говорите то, о чем я не знаю. Голова кружится.

- Вы еще не оправились от операции, Вам нужно отдохнуть, не думайте ни о чем, успокойтесь, у Вас был сильный стресс, это пройдет, память к Вам вернется. Сейчас я сделаю Вам укол, Вы поспите.

27 августа 2003 года

Мне стало лучше, я уже могу вставать, ходить по каюте, фрегат «Капитан Кук», на котором я нахожусь, по прежнему стоит на рейде, я пытаюсь осознать свое положение, вспомнить все, что произошло, но в памяти какая-то каша, то я вижу себя на палубе корабля, то за штурвалом самолета, я не знаю, кто же я на самом деле? Все события проходят передо мной какими-то обрывками, не складываясь в цельную картину, дата на календаре кажется мне странной, я помню другую дату, я словно живу одновременно и в средние века и в начале двадцать первого века.

Мне принесли газеты, из которых я узнал, что 16 августа над Черным морем во время проведения учений НАТО совместно с Украиной, российские средства ПВО сбили украинский самолет, принимавший участие в учениях. Газеты пестрели заголовками: «Агрессия России по отношению к Украине», «Россия грубо нарушила международное право», «Мир стоит на пороге Третьей мировой войны», «Призвать агрессора к ответу!», «НАТО не оставит Украину наедине с агрессором»; газеты были американские, английские, немецкие и украинские, что писали об этом в русских газетах, я не знал,

русских газет мне не давали.

Мне говорят, что пилотом этого самолета был я, и будто имя мое – Андрей Николаевич Фирсов, капитан военно-воздушных сил Украины, но мне кажется, что зовут меня Джеймс Фицрой, и это имя мне гораздо ближе, чем то, которым меня называют. Сказали, что скоро меня передадут в украинский госпиталь для дальнейшего лечения. Это мне сказал доктор, который делал мне операцию.

- Ваше физическое состояние не вызывает опасений, – сказал он, – но психика Ваша еще не восстановилась, Вы по-прежнему не можете вспомнить свою жизнь?

- Я пытаюсь, но лишь какие-то обрывки воспоминаний наполняют память мою, я будто живу в двух реальностях одновременно, в той, где я был корсаром, капитаном Фицроем, и в этой, нынешней. Я напрягаю память, пытаясь восстановить все события моей жизни, но это вызывает лишь мучения и боль, картинки из двух реальностей смешиваются, я даже мыслить не могу однозначно, я думаю одновременно и на русском и на английском языке, ни одну мысль не могу я завершить. Вот и сейчас, я говорю с Вами по-английски, а где-то в глубине памяти звучат русские слова, не давая завершить фразу.

- Попробуйте расслабиться, не напрягайте память, отдайтесь течению Ваших мыслей, иногда не стоит бороться с волнами, если цель не ясна, лучше бросить весла и плыть по течению, оно само вынесет Вас к цели. Попробуйте записывать Ваши воспоминания, сперва записи эти будут отрывочны и не полны, но впоследствии они соединятся в четкую картину, главное не мучить себя. Ведите дневник, записывайте все, что придет в голову, но не старайтесь вспомнить то, что не можете, все придет само, со временем. Учения закончились, завтра мы придем в Одессу, Вас отправят в военный госпиталь, я уверен, все будет хорошо.

Побег

Леди Инесса медленным шагом прогуливалась с лордом Бэконом по аллее сада, они направлялись к беседке, адмирал, выслушав рассказ леди Инессы, остановился, повернулся к ней и, глядя ей в лицо, с нескрываемой иронией произнес:

- Насколько я понял Вас, дорогая леди Инесса, Ваши чары оказались

бессильны? Любовь прекрасной дамы не прельстила скитальца морей?

- Напрасно иронизируете, адмирал. Ненависть бывает иногда сильнее любви, капитан Фицрой ненавидит Вас, и никогда не возьмет на себя Вашу вину.

- Я это уже понял, миледи, но у капитана есть один существенный недостаток, несмотря на то, что он ненавидит своего начальника, он любит свою Родину, он предан своей королеве, и ради Англии и королевы сделает то, что никогда не сделает ни ради Вас, ни ради меня.

Они подошли к беседке.

- Прошу Вас, – адмирал сделал жест рукой в направлении беседки и отступил, пропуская леди Инессу вперед.

Леди Инесса вошла в беседку и, придерживая рукой платье, села на скамью, адмирал сел напротив ее и продолжил свою речь.

- Нужно убедить капитана в том, что атака французского военного корабля английской эскадрой, предпринятая адмиралом, – это серьезный повод к войне, а если на французский корвет напал корсар, то это, всего лишь досадное недоразумение. Конечно, адмирал Бэкон негодяй, подлец, он заслуживает наказания, но дело не в нем, от решения капитана Фицроя зависит судьба Родины.

- И кто же станет убеждать в этом капитана? Неужели Вы, адмирал?

- Ну, нет, я с подобной задачей не справлюсь, этим займется духовное лицо, священник, пастор Штерн. Он неплохой психолог, и, надеюсь, сумеет найти в душе нашего отважного капитана нужные струны.

- А если и он не сумеет убедить капитана?

- Тогда мы его повесим, объявим, что это именно он атаковал французский корабль, и повесим без суда и следствия, это будет не совсем убедительно, но мертвые не умеют оправдываться, и никто не опровергнет обвинения в адрес капитана Фицроя.

- А если он согласится взять Вашу вину на себя?

- Тогда его все равно повесят, но уже по приговору суда, это будет достаточно убедительно, ведь он сам признает свою вину.

- Повесят?

- Да, миледи, можно было бы и не прибегать к повешению, ему могли бы просто отрубить голову, как дворянину, но нападение корсара на корабль дружественной нам страны приравнивается к пиратству, потому суд лишит его дворянского звания, и Фицроя повесят как пирата.

Леди Инесса рассмеялась.

- А я согласна с тем определением, которое Вы дали себе, адмирал.

- Надеюсь, это не помешает Вам, прекрасная леди Инесса, провести сегодня со мной ночь?

- Нисколько! – ответили она, продолжая смеяться.

Случилось так, что Мари, служанка леди Инессы, во время этого разговора находилась рядом с беседкой, она поливала кусты роз, что оплетали колонны беседки с южной стороны, ограждая ее от яркого солнца. Услышав разговор, Мари прижалась к стене и опустилась наземь, стараясь не дышать и не шевелиться, чтобы ничем не обнаружить свое присутствие. Она дождалась, когда леди Инесса и адмирал выйдут из беседки и оставалась сидеть неподвижно на земле еще некоторое время, несмотря на то, что шаги их давно затихли. Бедная Мари поняла, что стала обладательницей тайны, несовместимой с жизнью того, кто в эту тайну никаким образом не должен быть посвящен.

Дверь в камеру Фицроя вновь отворилась, произошло это на следующий день после того, как он побывал в гостях у прекрасной дамы там, наверху. Капитан усмехнулся, не надеялся он, что удостоится следующего посещения так скоро. Каково же было его удивление, когда в камеру вошел священник. Его черная сутана с капюшоном, скрывающим лицо, казалась предвестником неотвратимой беды.

- Пришли исповедовать меня перед казнью, святой отец? – спросил капитан, стараясь придать своему голосу насмешливый тон, хотя острое чувство беды сдавило ему горло.

Священник не ответил, он отвернулся к двери, убедился, что дверь заперта, потом повернулся к капитану и откинул капюшон, из-под него на Фицроя глянуло нежное личико служанки леди Инессы Мари.

- Т...с...с.. – она приставила палец к губам, умоляя капитана ничем не выдавать свое изумление, шепотом она пересказала Фицрою разговор, который случайно подслушала, находясь рядом с беседкой.

- У меня есть план, надевайте мою сутану и выходите отсюда, бегите, лодка ждет Вас у берега, Ваши друзья не покинули Вас, они ждут удобного случая, чтобы организовать Вам побег. Я останусь здесь вместо Вас, подмена обнаружится не скоро, Вы успеете добраться до берега.

- Милая Мари, дорогая моя Мари, Вы ведь прекрасно знаете, что ждет Вас после того, как подмену заметят. Я не могу спасать свою жизнь, жертвуя Вашей.

- Скоро, возможно даже завтра, к Вам придет настоящий священник,

пастор Штерн, если Вы не согласитесь на его предложение, Вас повесят, обвинив в нападении на французский корвет, Вам не дадут оправдаться, никакого следствия и суда не будет. А если Вы согласитесь, то Вас все равно повесят, но позже и по приговору суда. Вам нужно бежать, иного выхода нет. У меня есть кинжал, вот.

Мари достала из-за пояса кортик и протянула его Фицрою.

- Это передали Ваши друзья, там, у западной стены крепости Вас ждет карета. Бегите.

- Я не оставлю Вас здесь, – ответил Фицрой. – А Вы уверены, что пастор Штерн придет именно завтра?

- Я не знаю, но я так думаю, может, завтра, а может...

- Он может придти и сегодня, сейчас, уходите, Мари, уходите, если он застанет Вас здесь, Вам конец.

В дверь постучали.

Стражников предупредили, что к узнику из семнадцатой камеры придет священник, приказ лорда Бэкона требовал, чтобы его беспрепятственно пропустили. Когда Мари в сутане священника показала стражникам записку с требованием проводить ее к узнику из камеры под номером семнадцать, стражники выполнили то, что было им предписано приказом адмирала. Но через полчаса пришел пастор Штерн и тоже показал записку с тем же требованием. В распоряжении лорда Бэкона, адмирала королевского флота и коменданта крепости, не было сказано, что священник будет один, а лишних вопросов стражники задавать не привыкли. Кроме того, друзья капитана Фицроя заплатили стражникам немалую сумму денег с тем, чтобы они ничему не удивлялись, даже если произойдет что-нибудь необычное, и никого ни о чем не спрашивали.

Фицрой, услышав стук в дверь, понял, что худшие его опасения оправдались, он знаком велел Мари стать к стене так, чтобы ее не было видно, когда дверь откроется. Дверь отворилась, и пастор Штерн вошел в камеру. Стражники, получив деньги от друзей Фицроя, ничему не удивлялись, и не предупредили пастора Штерна, что к узнику из семнадцатой камеры уже пришел один священник, потому, когда дверь закрылась, и пастор увидел Мари в сутане священника, он остолбенел.

Фицрой воспользовался минутной растерянностью пастора, он приставил к его груди кортик и приказал молчать. Затем снял с него сутану, рубашку, что была под ней, разорвал ее на части и, соорудив из рукава кляп, засунул его священнику в рот. Заставив пастора надеть свои лохмотья, капитан

связал ему обрывками рубашки руки и ноги, уложив на свою кровать. Сам же он, надев сутану пастора Штерна, выждал пятнадцать минут, которые показались ему и Мари вечностью, и постучал три раза в дверь.

Стражники открыли дверь, выпустили двух священнослужителей, убедились, что узник на месте (он лежал на кровати, отвернувшись лицом к стене, как потребовал от него капитан), заперли дверь ключом и проводили священников к выходу, ничему не удивляясь, как требовали те, что вручили им деньги. С их стороны, никаких проступков, за которые последовало бы наказание, стражники не совершали, максимум, в чем их могли обвинить, так это в беспросветной глупости, но если бы глупость была бы наказуема, но многих из тех, кто находятся у власти, мы смогли бы увидеть в совершенно иных местах.

Капитан Фицрой и Мари благополучно добрались до западной стены крепости, где их ждала карета, возница взмахнул кнутом, лошади рванули с места и помчали к берегу, туда, где капитана ждала шлюпка с «Габриэлы».

- Поедете со мной, Мари, – сказал капитан, – Вам нельзя оставаться в Англии. У Вас есть родственники? Может быть, где-то в другой стране?

- У меня нет никого, я одна на этом свете.

- Тогда поедете со мной, не возражаете?

- Я согласна, капитан, но куда Вы направитесь, покинув берега Англии?

- В южные края, туда, где собираются бродяги всех морей и океанов, где никто не спросит, кто ты и откуда, где нет королей и вельмож, где царит свобода, где всему есть своя цена, но жизнь твоя ничего не стоит. Теперь я пират, Мари, обыкновенный пират, моя каперская грамота утратила силу, и если адмирал Бэкон поймает меня, то повесит на рее, не утруждая себя судом и следствием.

Записки капитана Фирсова

29 августа 2003 года

Фрегат ВМС США «Капитан Кук» подходил к берегам Одессы, мне разрешили выйти на палубу, и, стоя у борта, я смотрел, как из туманных далей возникали неясные еще очертания берегов. Низкий, покрытый буйной зеленью берег все четче вырисовывался на фоне синего безоблачного неба, невысокие строения, утопающие в зелени парков и садов никак не гармони-

ровали с высотными зданиями, нелепо торчащими у самой береговой линии, казалось, они принесены сюда из другого мира. Реальность напоминала мою больную память, сшитую из пестрых лоскутков прошлого и настоящего, она отзывалась болью в душе, болью неясной, ноющей, как незажившая рана, эклектика городской архитектуры особенно бросалась в глаза с моря, создавая впечатление, что весь мир вместе со мной сошел с ума.

Вот появились очертания мола и маяка, фрегат разворачивался, входя в гавань, направляясь к пассажирскому порту. Два буксира, встретив нас, сопровождали фрегат до самого причала. «Капитан Кук» отшвартовался левым бортом, пристроившись за небольшим пассажирским теплоходом, и толпа зевак, сгрудившись на причале, с любопытством разглядывала серый стройный корабль.

Подали трап, и я в сопровождении моряков фрегата сошел на берег, где меня уже ожидала зеленая машина скорой помощи, высланная из военного госпиталя. Журналисты, подняв высоко над головой фотокамеры, бросились ко мне, но мои сопровождающие оттеснили их и проводили меня к машине, которая быстро рванув с места, направилась к военному госпиталю на Пироговской улице.

Полковник медицинской службы, что оказался главным хирургом госпиталя, уложил меня на кушетку, осторожно снял повязку и, что-то бурча себе под нос, осмотрел рану.

- Ну что ж, Андрей Николаевич, – произнес он спокойным ровным голосом, – рана заживает хорошо, думаю, наши американские коллеги сделали все правильно, нужно будет сдать кое-какие анализы, понаблюдаем Вас, и надеюсь, через недельку выпишем. Подполковник Федоренко, Ваш лечащий врач, проводит Вас в Вашу палату. Палата отдельная, с телевизором, душем, словом, со всеми удобствами.

Я поблагодарил полковника, постеснявшись спросить, что такое телевизор, однако Федоренко в палате подробно рассказал мне, как пользоваться пультом телевизора, и в памяти моей всплыли воспоминания о предназначении этого прибора. Лечащий врач ушел, сказав, что сегодня меня уже никто беспокоить не будет, и посоветовал хорошо отдохнуть, обед и ужин мне доставят прямо в палату. Пришла медицинская сестра, забрала мою одежду, оставив вместо нее больничный халат, закутавшись в который, я почувствовал некоторое расслабление и спокойствие.

Я подошел к окну, палата была расположена на втором этаже, внизу раскинулись низкие одноэтажные строения госпиталя, два высоких тополя

росли прямо перед окном, вдали была видна стена, за которой шумела улица, двигались троллейбусы, машины, а дальше, на противоположной стороне поднимались здания штаба военного округа.

Я включил телевизор, и, переключая наугад каналы, попал на российский двадцать четвертый канал новостей. То, что я там увидел, очень заинтересовало меня – диктор рассказывал о сбитом самолете, но совершенно не так, как об этом писали английские и украинские газеты. Он опроверг все обвинения в адрес России и рассказал, приводя весьма убедительные доводы, что украинские ПВО сами сбили свой самолет, опасаясь, чтобы он не приземлился на российской территории. Как ни старались украинские зенитчики, обломки самолета все же упали в территориальных водах России, и их удалось поднять. Кроме того, он сообщил, что корабль НАТО, грубо нарушив границы России, вошел в ее воды, чтобы забрать пилота, спасшегося на парашюте. Министерство иностранных дел предъявило ноту Соединенным штатам Америки и потребовало объяснений. По характеру повреждений определили, что ракета, сбившая самолет, была пущена с территории Грузии, где, согласно заявленному плану учений, дислоцировались украинские средства ПВО. О судьбе остальных членов экипажа ничего не сообщалось.

5 сентября 2003 года

Лечащий врач был доволен моим состоянием, он пообещал выписать меня на этой неделе, но кроме лечащего врача-хирурга, меня ежедневно навещал психиатр, он подолгу беседовал со мной, спрашивая, что мне удалось вспомнить из моей настоящей жизни, хотя я никак не мог понять, какая из двух реальностей настоящая. Он колол мне какие-то препараты, от которых мне становилось еще хуже, память затуманивалась, и картинки из недавнего прошлого уплывали куда-то, растворяясь в глубине средних веков. Когда действие препарата заканчивалось, а доктор еще не успевал сделать новый укол, я доставал тетрадь, выпрошенную мной у медицинской сестры, и записывал все, что удавалось мне вспомнить. Дневник свой я прятал под матрац, опасаясь, чтобы его не изъяли. Гулять по территории госпиталя и общаться с другими больными мне, несмотря на обещания главного хирурга, не разрешали.

Подполковник Федоренко, мой лечащий врач, торжественно объявил мне о моей выписке, он сказал, что меня отвезут в военную гостиницу на

проспект Шевченко, пожал мне руку и пожелал крепкого здоровья. Однако, когда я подошел к проходной, меня за пределы территории госпиталя не выпустили, там меня встретил врач-психиатр и сообщил, что для полного восстановления памяти мне еще предстоит пройти курс лечения в другом медицинском учреждении. Так я попал на Слободку в психоневрологическую клинику, называемый в народе сумасшедшим домом.

Меня снова поселили в отдельную палату, не позволяя общаться с другими пациентами. Несмотря на неоднократные переодевания, мне удалось сохранить тетрадь с дневником и шариковую ручку, которые у меня непременно отобрали бы, если бы обнаружили. Телевизора в палате не было, она больше напоминала тюремную камеру, чем палату. Молчаливый профессор в роговых очках с бородкой клинышком, подробно ни о чем меня не расспрашивал, он колол мне лекарства, по-видимому, те же, что и врач-психиатр из госпиталя, но доза была больше, после них мне становилось совсем худо, я впадал в забытье, просветы реальности делались все короче. Я понял, что скоро уже не смогу ничего писать, никто не был заинтересован в том, чтобы я действительно вспомнил, кто я и что со мной произошло.

Я стал уже забывать и ту, иную реальность из прошлой пиратской жизни, состояние мое становилось каким-то мутным, аморфным, полное безразличие овладевало мной, я не мог высказать ни одной мысли, да мыслей собственно и не было. На вопросы я отвечал смесью русских и английских слов, ощущая полную бессмысленность того, что произношу. В ответ доктор одобрительно кивал головой и глупо улыбался, будто радуясь моему состоянию.

Погоня

Капитан Фицрой держал курс к островам Карибского моря, туда, где его примет береговое братство, примет без лишних вопросов, где никому нет дела до того, пират он или корсар, или просто морской бродяга, ищущий приключений и добычи, всех этих людей объединяло одно – на родине их ждала петля или топор палача.

Адмирал Бэкон был взбешен, когда узнал о бегстве капитана Фицроя, ему казалось, что узнику удалось бежать только благодаря непроходимой тупости стражников. Адмирал понимал, куда направится опальный корсар, он поднял паруса и бросился в погоню. Он опоздал больше, чем на сутки, и ни-

когда бы ему не догнать быстроходную «Габриэлу» Фицроя, если бы не досадный, нелепый случай. Успехи мореплавания во все времена зависят не только от качеств корабля и мастерства капитана, скорость и направление ветров, течения, капризы стихии, определяют то, что моряки называют удачей. На этот раз удача изменила капитану Фицрою, пройдя неделю с попутным ветром, он попал в штиль, паруса утратили былую упругость и больше не несли корабль по волнам. Не оставалось ничего иного, как ждать, пока поднявшийся ветер не вдохнет жизнь в обвисшую парусину.

Эскадра адмирала нагоняла беспомощно дрейфующий корабль Фицроя, но и она попала в полосу безветрия, мачты кораблей адмирала уже были видны на горизонте, и противники могли лишь наблюдать друг за другом в подзорные трубы, не в силах предпринять что-либо, пока ветер не наполнит паруса кораблей.

На душе у Фицроя было тревожно, он чувствовал опасность, как волк, преследуемый охотниками, но опасался он не за себя, ему было не привыкать принимать бой с превосходящими силами противника, впервые с тех пор, как взошел он палубу боевого корабля, на борту его присутствовало прекрасное, милое и нежное создание, его спасительница Мари. Он с ужасом думал о том, что станет с ней, если он вынужден будет принять бой, если грохот орудий, свист путь и рев ядер, взрывы и пожары ворвутся в жизнь этой несчастной девушки.

Капитан поместил ее в своей каюте, сам же перебрался к штурману Маклорену. Дениэль понимал, что Фицрой не мог оставить девушку в Англии, но присутствие ее на борту боевого корабля его удручало.

- Не нравится мне это все, – ворчал он, – женщина на корабле приносит несчастья, вот, ветер потеряли, каких еще неприятностей нам ждать?

- Но ты же понимаешь, не мог я оставить ее на берегу, когда станет ясно, что это она помогла мне бежать, ее не пощадят.

- Все это так, только не место женщине на военном корабле.

- Дойдем до островов, устроим ее, не будет же она с нами делить судьбу морских бродяг. Зайду к ней, посмотрю, как она.

- Кажется мне, что ты относишься к ней не только, как к спасительнице, прекрасная дама сразила морского бродягу?

- Ах, Дениэль, если бы я мог устроить свою судьбу иначе, вернуться в Англию, создать семью и вести жизнь добропорядочного джентльмена, то непременно предложил бы ей свою руку и сердце, но на родине меня ждет петля, а вечному скитальцу морей семья ни к чему. Мы расстанемся с ней, но

только после того, как я буду уверен, что жизнь ее устроена.

Фицрой подошел к двери своей каюты и постучал, Мари подбежала к двери и открыла ее.

- Разрешите? – спросил Фицрой.

- Капитан просит разрешения войти в свою собственную каюту?

- Я отдал ее в Ваше распоряжение, мисс, и, как джентльмен, не могу ворваться к даме без ее разрешения.

- Тогда входите, капитан, я совсем заскучала одна, а на палубу выходить Вы мне запретили.

- Ну, не запретил, а не рекомендовал. То, что Вы на борту моего корабля, ни для кого не секрет, здесь Вас никто не обидит, я опасаюсь лишь того, что, если вдруг эскадра адмирала приблизится к нам на такое расстояние, когда в хорошую трубу можно различить людей на палубе, Вас могут заметить, а это нежелательно для Вас, да и для меня тоже.

- Нас преследует адмирал?

- Не стану скрывать, мисс, лорд Бэкон действительно преследует нас, мачты его кораблей видны на горизонте, но он, как и мы, попал в штиль и не может приблизиться к нам, как бы ему того ни хотелось.

- Скажите, капитан, корабли адмирала могут догнать нас?

- Все зависит от того, чьи паруса ветер наполнит раньше, и куда направит он свой полет. Но «Габриэла» самое быстроходное судно, и догнать нас адмиралу будет не так-то просто.

Двое суток над океаном висело полное безветрие, хоть мачты ногтями скреби (среди моряков существовало поверье, что нужно скрести ногтями мачту, чтобы вызвать ветер), но на третий день высоко в небе с северо-востока потянулись легкие перистые облака.

- Надвигается шторм, капитан, – поделился своими соображениями с Фицроем Даниель Маклорен, – ветер будет хороший, успеем уйти, но надо бы укрыться где-то, если не от эскадры, то от шторма.

Фицрой ткнул пальцем в развернутую на столе карту.

- Вот здесь, ближайший остров. Французский. Удобная бухта для стоянки, можно любой шторм переждать, да и вряд ли адмирал будет нас здесь искать. Тут принимают всех морских бродяг, губернатор взимает с пиратов дань, как и многие правители островов, покровительство разбойникам выгодно. Королевским эскадрам здесь не рады, думаю, лорд Бэкон не рискнет сунуться на этот остров.

- Только бы шторм не разыгрался, пока мы не доберемся до острова.

Вслед за перистыми облаками наплывали высококучевые, и за ними, к вечеру, наползли тяжелые, свинцово-мрачные тучи, подул норд-ост. Паруса наполнились, приняв ветер, и «Габриэла», рассекая волны, рванулась вперед. Мачты кораблей королевской эскадры уже не видны были на горизонте, затянутом низкими облаками, Фицрой не опасался погони, другая, не менее грозная опасность настигала корабль по пятам, шторм. Волны становились все выше и выше, «Габриэла» взлетала на гребень волны, и тут же проваливалась вниз, стена воды закрывала горизонт.

Всю ночь Фицрой сам стоял у штурвала рядом с рулевым, сверяя по компасу курс, штурман, Даниэль Маклорен, отмечал на карте движение корабля по счислению пройденного пути. Матросы то и дело бросали за борт лаг, определяя скорость, с которой «Габриэла» пробиралась сквозь бушующий океан. Наутро по курсу корабля возникли туманные очертания острова, и к обеду «Габриэла» влетела в бухту на высокой волне и стала на рейде недалеко от берега. Шторм, разыгравшийся не на шутку в открытом океане, не нарушал спокойствие воды в бухте, высокие горы защищали ее от ветров, узкий, изобилующий скалами вход, хотя и представлял опасность, но служил препятствием для разгулявшейся океанской стихии, волны, ломаясь о скалы, теряли силу, успокаивались, и не нарушали покой тихой уютной бухты.

С «Габриэлы» спустили шлюпку, и Фицрой отправился на берег, к губернатору, добиться разрешения подойти к причалу и провести несколько дней на острове, пока не закончится шторм. Он прикинул, какую сумму придется ему заплатить, и надеялся, что губернатор не проявит излишней жадности, и сумма, предложенная Фицроем, если и будет превышена, но не более, чем в два раза. Каково же было его удивление, когда в губернаторе он узнал спасенного им капитана Жака де Ладье. Тот был искренне рад видеть своего спасителя и отказался брать с него какую-либо плату за стоянку и пребывание на острове.

Первым делом Фицрой занялся устройством Мари, он попросил Жака позаботиться о ней, объяснив, что именно благодаря этой девушке ему удалось избежать петли. Де Ладье, на правах губернатора, обещал устроить жизнь Мари как можно лучше, уяснив, что девушка обладает знанием французского, знакома с делопроизводством, поскольку в ее обязанности входило разбирать бумаги леди Инессы, он предложил ей должность своего секретаря. Когда прежний губернатор острова, по причине болезни и преклонного возраста покинул свой пост и отправился во Францию, секретарь уехал вместе с ним, и де Ладье вынужден был сам заниматься делопроизводством, не

имея достаточного опыта подобной работы. Он был рад доверить этот нудный, но необходимый труд, такой милой, приятной и обходительной девушке, предоставив ей жилье в своей резиденции.

Записки капитана Фирсова

Ноябрь 2003 года

Я уже перестал ставить числа в своем дневнике, ощущение времени терялось, записи стали бестолковыми, почерк неровным и неразборчивым, скоро я совсем не смогу писать. Если нечего не изменится, то скоро я превращусь в бессловесное животное, окончательно потеряв человеческий облик.

Но что-то произошло. Однажды, вместо угрюмого профессора с козлиной бородкой вошла симпатичная миловидная молодая женщина.

- Я Ваш новый лечащий врач, зовут меня Мария Петровна. Я отменяю назначения профессора, Вам больше не будут колоть те препараты, но если кто спросит, отвечайте, что по-прежнему продолжаете их принимать.

В ответ я только кивнул, ничего сказать я уже не мог. С тех пор все изменилось, сознание стало проясняться, я вспомнил свое имя, всех членов экипажа и все, что произошло в том полете, я записал все, начиная от взлета до того как нас сбили. Я спросил Марию Петровну, не известна ли ей судьба моих друзей, тех, что покинули самолет раньше меня?

- Ваши друзья живы, с ними все в порядке, они дома, со своими семьями, с военной службы они уволились, а вот сержант Ваш, стрелок-радист, Николай Зинченко – звезда телеэкрана. Его постоянно приглашают на все передачи, где он рассказывает, что самолет Ваш был сбит российскими средствами ПВО.

- Интересно, как это ему удалось определить? Установить принадлежность ракеты, сбившей самолет, могут только эксперты, но никак не стрелок-радист, что летел в этом самолете и покинул его до того, как ракета сбила.

- Это не имеет значения, телевизионщиков это не волнует, им нужна картинка для толпы, хотя российские эксперты и установили, что ракета была украинской, власти Украины и западные СМИ продолжают утверждать, что это именно Россия сбила украинский военный самолет. Америке нужен был повод для войны НАТО против России, и хотя вышла промашка, повод

не состоялся, но никто не хочет признать правду, продолжают искать российский след. Скоро к Вам придут представители то ли властей, то ли СМИ, не знаю, но придут обязательно. Я скажу Вам, что нужно говорить, если Вы скажете не то, чего от Вас ждут, то никогда отсюда не выйдете.

- Мне нужно подтвердить то, что говорит мой сержант?

- Что-то в этом духе, я пока еще не знаю, что они захотят услышать от Вас, но я буду это знать.

- Но я же не могу говорить такую чушь, это будет просто смешно, я ведь не сержант, мне не простительна глупость, которая позволена ему.

- Надеюсь, это будет нечто другое, но смысл прежний, никто не хочет признать, что украинские военные преднамеренно сбили свой самолет.

Несмотря на то, что мне ничего больше ни кололи, лечение мое продолжалось, Мария Петровна подолгу беседовала со мной, и раздвоение реальности постепенно уходило из моего сознания. Жизнь прошлая, далекая, уже не переплеталась с нынешней, хотя я четко ощущал реальность и той и этой жизни. Постепенно прошлая жизнь стала тускнеть, блекнуть, воспоминания о ней становились туманными, размытыми, я стал путать имена и даты, и тогда я решил записать все, что произошло со мной, вернее с капитаном Джеймсом Фицроем, много столетий назад. Но это был не дневник, я писал уже не от первого лица, а смотрел на события того времени как бы со стороны, возможно, я перепутал некоторые имена, но это не историческое повествование и оно не претендует на точность. Для чего я начал писать все это? Сам не знаю, не надеюсь, что когда-нибудь мои записки будут опубликованы, да и кому они интересны? Писал для того, чтобы разобраться в себе.

Воспоминания о прошлой жизни моей не были связны с болезнью, это было явление, известное как реинкарнация. Мария Петровна объяснила мне, что случай этот не единичный, она рассказывала о многих подтвержденных наукой фактах реинкарнации, о ученых психиатрах, исследовавших это явление. Неопределенность более не терзала меня, я был полностью здоров, Мария Петровна признавала это, но покинуть это заведение я не мог, это уже касалось вопросов политики, а не медицины.

Израэль Гендс

Фицрой остался доволен тем, как все устроилось совершенно неожиданно для него, теперь нужно было добраться до Тортуги, чтобы отыскать там «Святую Марию» и решить, как действовать дальше. Но прежде чем покидать этот гостеприимный остров, необходимо было получить сведения о

преследовавшей его эскадре, а получить их Фицрой мог от капитанов судов, прибывающих на остров.

Адмиралу Бэкону повезло меньше, буря разметала корабли эскадры, и собрать их удалось только в конечном пункте намеченного маршрута, у островов Карибского моря, дающих приют морским разбойникам всех стран. Адмирал понимал, что Фицрой мог укрыться на Французском острове, лежащем на пути, но собрать эскадру, которую шторм разметал по океану, можно было только в конечной точке, известной всем командирам кораблей. Еще несколько суток ушло у адмирала на то, чтобы выяснить, не появлялась ли «Габриэла» Фицроя на каком-либо из этих островов. Затем адмирал привел эскадру к острову, где, как он полагал, нашел пристанище опальный корсар, и поставил корабли на якоря перед входом в бухту. Перехватив выходящее из бухты судно, он выяснил, что «Габриэла» несколько дней назад вошла в бухту и стоит у причала.

Адмирал Бэкон направил губернатору острова ультиматум, он требовал, чтобы «Габриэла» немедленно покинула остров, в противном случае его корабли всей мощью своей артиллерии превратят город, расположенный на живописных берегах, в пылающий костер. Несмотря на то, что Франция не была в состоянии войны с Англией, Жак де Ладье не сомневался, что адмирал Бэкон выполнит свое обещание. Он пригласил к себе Фицроя и показал бумагу с ультиматумом адмирала.

- Я обязан Вам жизнью, сэр, и готов сделать для Вас что угодно, в том числе и отдать свою жизнь, но я не могу расплатиться с Вами сотнями жизней жителей этого города, – с тихой печалью в голосе сказал де Ладье. – Думаю, адмирал способен привести в действие свою угрозу.

- Я не сомневаюсь в этом. Сжечь город французской колонии только ради того, чтобы устранить свидетеля его нападения на французский корвет – противоречит логике, но адмирал желает уничтожить именно меня, и не остановится ни перед чем. Знает он еще и то, что я не стану спасать свою жизнь, спрятавшись за спины ни в чем не повинных мирных жителей. Ответьте адмиралу, что я выйду завтра на рассвете и приму бой.

- Есть иной выход, посмотрите на карту острова, – де Ладье развернул на столе карту, – вот здесь, перед самым выходом из бухты, существует пролив, его называют проливом Дьявола, он делит этот остров на два, если удалось бы в него войти, то Вы смогли бы выйти на противоположном берегу, и пока эскадра будет огибать мыс, успеете уйти далеко. Но есть проблемы, здесь, у скалы Трех негодяев, сильное течение, все, кто пытался войти в про-

лив, разбивались о скалы. Последними жертвами были именно те трое, чьими именами и названа эта скала. Когда разбился их корабль, только три человека смогли спастись, взобравшись на отвесную скалу, одиноко точащую из воды, но снять их оттуда никто не решился. Не дождавшись помощи, они перерезали друг другу глотки, с той поры скала и называется скалой Трех негодяев.

- Какой же это выход? Неужели разбиться о скалы лучше, чем погибнуть в бою?

- Существует легенда, она гласит, что одном пирату, зажатому здесь королевской эскадрой, все-таки удалось выйти через пролив. Я сам не был свидетелем этого события, я здесь недавно, но говорят, что это был капитан Тич, по прозвищу Черная борода. И вывел корабль из бухты через пролив Дьявола его штурман, Израэль Гендс.

- Израэль Гендс? – удивленно спросил Фицрой. – Знакомая личность. Только где он сейчас? Я встречал его на Тортуге, когда доставил туда Вас.

- С той поры прошло не так уж и мало времени, Эдвард Тич убит в бою, все члены его команды, оставшиеся в живых, схвачены и повешены, и только Израэль Гендс избежал казни, он не участвовал в последнем рейде капитана и был прощен. Ходят слухи, что он поселился где-то здесь, на нашем острове.

- Постараюсь его разыскать.

- Начните с кабака, что на причале, его хозяин, старый Джон на деревянной ноге, знает много такого, чего не знает ни один житель острова.

- На деревянной ноге? У него что, протез?

- Да, протез. Когда-то этот бродяга был пиратом, плавал он с капитаном Тичем, и ногу-то он потерял не в бою, однажды во время карточной игры капитан Тич, заподозрив Джона в шулерстве, прострелил ему колено. Черная борода был крут и скор на руку, пуля раздробила Джону коленную чашечку и корабельный доктор не смог сохранить ногу, пришлось ампутировать. С тех пор он и стал Джоном на деревянной ноге, его фамилию уже никто не помнит. Старый пират давно отошел от дел, открыл кабачок, но торгует он не только ромом, все слухи стекаются к нему, он координирует действия пиратов, разрабатывает планы походов и имеет с каждого удачного рейда неплохой куш.

Капитан Фицрой тут же отправился в кабак на пристани. Джон на деревянной ноге, увидев нового посетителя, расплылся в улыбке. Он был человеком далеко не первой молодости, но определить его возраст было затруднительно, длинные черные с проседью волосы локонами ложились на плечи,

толстый мясистый нос в фиолетовых прожилках выдавал в нем страстного любителя рома, сидящие глубоко глаза были спокойны и насмешливы, несмотря на то, что губы изображали улыбку; щеки, покрытые щетиной, говорили о том, что брился он не чаще, чем раз в неделю.

- Что желает сэр? – спросил он Фицроя, продвигаясь к нему с завидной скоростью на протезе, помогая деревянной ноге костылем. – Вижу, Вы моряк, настоящий моряк, у меня есть все, что нужно настоящему моряку, хороший ром, отличная закуска. Так чего пожелаете, сэр?

- Мне нужен Израэль Гендс, – ответил Фицрой, глядя прямо в глаза одноногому Джону.

Лицо хозяина кабака вытянулось, рот скривился в усмешке, выражающей то ли удивление, то ли презрение, но глаза его никак не изменились, оставаясь спокойными и насмешливыми.

- О ком Вы спрашиваете, сэр? Я не знаю, кто это такой, как Вы сказали? Израэль …

- Израэль Гендс, с Вашего позволения, штурман капитана Тича, Вы не могли его не знать, Вы ведь служили у Тича.

- Служил? Я никогда никому и ни у кого не служил, Вы что-то путаете, сэр. Да, я плавал с капитаном Тичем, но и что с того? Его давно уже рыбы съели, а где его штурман, знает только Бог или дьявол, всех друзей капитана Тича повесили сушиться на солнышке. И если уж вспоминать былые времена...

- Не валяйте дурака, Джон, Вы-то уж точно знаете, что веревка не тронула шею Израэля Гендса, он не участвовал в той экспедиции, что стала последней для Черной бороды. Израэль Гендс нужен мне не для того, чтобы вспоминать былые времена, он один знает, как пройти проливом Дьявола от скалы Трех негодяев, там, за островом меня ждет королевская эскадра, мне нужно уйти через пролив.

- Хе-хе, – ответил Джон, хитро улыбнувшись, – если уж сэр так много знает, то он должен бы знать и то, что платят мне не только за ром.

- Я заплачу, где Израэль Гендс?

В это время дверь, ведущая в подсобное помещение, открылась, и из нее вышел человек в красной рубашке и черных шароварах.

- Не надо платить ему, капитан, я слышал разговор, Израэль Гендс к Вашим услугам, сэр. Идите со мной, Фицрой, там поговорим.

Они вошли в подсобное помещение, и присели у небольшого столика. Комната была довольно тесной, единственное окно, из которого пробивался

свет сквозь грязные закопченные стекла, располагалось высоко под потолком, кроме столика и трех стульев, в углу стояла деревянная кровать, рядом с ней низкий шкаф.

- Рад Вас видеть живым и здоровым, – сказал Фицрой, – жаль Вашего капитана.

- А мне не очень, Тич был порядочная свинья. От него на память у меня остался вот этот шрам, – Израэль притронулся рукой к правой щеке, рассеченной шрамом от глаза до подбородка, – тогда, когда он прострелил ногу Джону, мы сидели за столом втроем, Эдвард проигрывал. Он решил, что кто-то из нас мухлюет, сперва он ударил меня ножом, затем выстрелил в Джона, когда выяснилось, что никто из нас не передергивал карт, он просто рассмеялся, сказал, если не будет каждый день убивать кого-то из нас, то мы скоро забудем, кто он такой. Но, надо сказать, парень был крепкий, настоящий моряк, боец, в том последнем бою, когда лейтенант Мейнсон нанес ему смертельный удар в шею, он только сказал: «Хороший удар, парень», и продолжал биться еще сорок минут. Любой другой на его месте упал бы замертво, а он продолжал драться, в него всадили пять пуль, а может даже и семь. Потом, когда он упал, лейтенант отрубил ему голову и повесил на бушприт своего корабля, а тело бросил в океан на корм рыбам. Всех, кто остался в живых, повесили сушиться на солнышке, только вот меня помиловали, я не принимал участие в последнем походе Тича.

- А это правда, что Вы провели корабль Тича проливом Дьявола, и ушли от королевской эскадры?

- Не совсем так, сэр, это был не корабль Тича, это был мой корабль, «Приключение», Тич отдал его под мое командование, но дорожки наши разошлись, Тич пошел своим курсом, а я своим. Но заперла меня в этой бухте не королевская эскадра, это был лейтенант Мейнсон, тот самый, что отправил Тича к праотцам, он загнал меня в эту мышеловку, считая, что запер в этой бухте корабль Черной бороды, «Месть королевы Анны». Думаю, если бы выяснилась ошибка, он все равно не выпустил бы меня, пришлось выпутываться.

- Говорят, что войти в пролив Дьявола невозможно, течение таково, что непременно разобьет корабль о скалы.

- Мало ли, что говорят. Войти можно, если использовать течение и ветер, течение само по себе еще не беда, беда в том, что сразу же за скалой Трех негодяев возникает водоворот, если судно попадет в него, то уже ни

руль ни паруса не помогут. Лучше всего выходить, когда проснется утренний бриз, нужно ставить кливера и фок, если есть косой парус на бизани, то неплохо бы и его поставить. Надо держать прямо на скалу Трех негодяев, и не отворачивать, даже если покажется, что бушприт вот-вот ударит о скалу, тут нервы нужны железные, главное – не отвернуть влево. А когда течение подхватит корабль и понесет его мимо скалы в пролив Дьявола, сразу же переложить руль вправо на борт, иначе в водоворот затянет. Судно войдет в пролив левым бортом вперед, и когда скала Трех Негодяев окажется в кабельтове за кормой, нужно поставить руль прямо. Дальше все просто, течение и ветер вынесут корабль к противоположному берегу так быстро, что те, кто ждут Вас, не успеют и паруса поставить. Когда увидят, что Ваш корабль выходит из бухты, корабли эскадры выстроятся в две линии так, чтобы Вы прошли между ними, а они будут осыпать Вас ядрами с двух сторон. Но когда они поймут, что Вы входите в пролив, то уже ничего сделать не успеют, возможно, сделают только один выстрел из кормовой пушки.

- Спасибо, Израэль, я постараюсь сделать все так, как Вы сказали.

- Постарайтесь, капитан, постарайтесь, не сомневаюсь – Вам удастся вырваться из мышеловки. Вы настоящий моряк, только благодаря Вашему плану нам удалось снять добычу с испанских галеонов. Хотите рому?

- Нет, не буду.

- А я, пожалуй, выпью, – Израэль Гендс достал со шкафа бутылку и налил себе стакан, – а, может, выпьете, все таки? Ром хороший, такого Вам нигде не найти, даже на самой Ямайке.

- Нет-нет, не буду, мне нужна свежая голова, завтра предстоит нелегкая работа. А Вы чем занимаетесь в этом кабаке? Неужели помогаете одноногому Джону таскать бутылки из погреба?

- А Вы хитрец, Фицрой, Вас не проведешь! Конечно, я помогаю старому Джону таскать бутылки из подвала, лазить в подвал на деревянной ноге не очень-то удобно, но не это главное. Вы наверное уже знаете, что Джон торгует не только ромом, он собирает сведения обо всем, что твориться в этих морях, он координирует действия пиратов, планирует рейды, а я разрабатываю маршруты. Мы с Джоном имеем свою долю, неплохо было бы и Вам к нам присоединиться, с Вашими знаниями и с Вашей удачей мы могли бы неплохо зарабатывать. Зачем самому лезть под пули и ядра тому, у кого есть знания и кто имеет ум, чтобы знаниями этими воспользоваться? Оставайтесь с нами, капитан Фицрой, возвращайтесь, как только разделаетесь со своим адмиралом.

- Предложение заманчивое, но сначала нужно уйти от эскадры и остаться в живых. Прощайте, Гендс, даст Бог, свидимся.

Капитан Фицрой вернулся на свой корабль и, собрав всех офицеров, объяснил им задачу, провел несколько тренировок, теперь каждый член команды четко знал, что и как он должен делать при выходе из бухты и входе в пролив. Затем он навестил Жака де Ладье, поблагодарил за все, и тепло попрощался с губернатором острова.

Записки капитана Фирсова

Декабрь 2003 года

Вот и наступила зима, слякотная, сырая. Мокрый снег с дождем пролетает за окнами палаты, топят слабо, и в больнице холодновато, Мария Петровна принесла мне теплую одежду и пуховое одеяло, это были ее личные или купленные ей вещи, скудный больничный бюджет не позволяет обеспечить этим всех пациентов. Я по-прежнему не датирую свои записи, указывая лишь месяц, все, что произошло, я уже записал, а больничные дни настолько похожи друг на друга, что не имеет смысла подробно их описывать.

Я обнаружил у себя некоторые способности, ранее мне не свойственные, некоторые события я стал воспринимать не так, как об этом твердили как российские, так и украинские средства массовой информации. Доступа ни к телевизору, ни к газетам у меня по-прежнему не было, обо всем, что происходило в мире, за стенами больницы, мне рассказывала Мария Петровна, но событиям этим я придавал несколько иную трактовку. Не думаю, чтобы я стал обладать способностями экстрасенса, я не чувствую никаких вибраций тонкого мира, не считываю ни чьих мыслей, это нечто иное. Я словно воспринимаю информацию откуда-то извне, причем происходит это внезапно, как озарение, что свойственно обычно людям творческим, писателям и поэтам.

Я рассказал об этом Марии Петровне, и она объяснила, что явления такие возможны, и неоднократно фиксировались учеными, хотя наука до сих пор толком объяснить их не может. Иногда я задаю вопрос, и через некоторое время получаю ответ, происходит это либо во время сна, но чаще в часы бодрствования, когда я лежу на кровати или просто нахожусь в состоянии полного покоя, возможностей в больнице для этого предостаточно.

Мы разговаривали с Марией Петровной на самые различные темы, и однажды она спросила, что я думаю, как летчик, о той трагедии, которая произошла в Скнилове под Львовом.

- В результате официальных расследований во всем обвинили пилотов, – ответил я, – конечно, вина организаторов этого авиационного шоу несомненна. Там организации вообще никакой не было, обычно, люди на летном поле при осмотре техники организуются в группы, и под руководством назначенных офицеров передвигаются от одного самолета к другому, а не бродят толпой где им вздумается, а уж когда начинаются полеты, то людям на летном поле вообще делать нечего. Они должны находиться на трибунах или в специально отведенных местах на безопасном расстоянии. Если бы это было соблюдено, то жертв бы не было. К сожалению, на подобных мероприятиях катастрофы все-таки происходят, но массовая гибель людей – это следствие полного отсутствия должной организации показа. Дело в другом, почему же, все-таки, самолет упал?

- Вы думаете, что пилоты не виноваты?

- Думаю, что это не их вина. Я даже знаю точно, кто виноват.

- И кто же это?

- Вы не поверите, но вина за эту трагедию полностью лежит том, кто занимал в то время пост президента, Леониде Даниловиче Кучме.

- Но какое отношение имеет он к организации этого шоу?

- Никакого. Но причина именно в нем. Помните, когда украинские средства ПВО во время учений в Крыму по ошибке сбили российский гражданский самолет?

- Да, конечно, хорошо помню.

- Так вот, после всех отрицаний вины, когда все стало очевидно, и отпираться было уже бессмысленно, Леонид Данилович сказал: «Ну что ж, не будем делать из этого трагедию». Это были не просто слова, руководитель такого уровня не имеет права так говорить. Этими словами он бросил вызов высшим силам, духам, Богам, называйте, как хотите, только слова подобные людям такого ранга не прощаются. После этих слов похожая трагедия на Украине была предрешена, вопрос был только в том, где она произойдет и когда.

- Вы считаете, что это месть Богов президенту? Но люди-то причем? Ведь погибли люди, никакого отношения к словам Кучмы не имеющие.

- Нет, это не месть, это результат. Боги никогда никому ни за что не мстят, человек получает результат своих дел, своих мыслей, своих высказы-

ваний. Каждый человек, без исключения. Каждый отвечает сам за себя, а руководитель отвечает еще и за тех, кем руководит, президент отвечает за всю страну, потому на всю страну и результат распространяется.

- Возможно, Вы и правы, Андрей Николаевич, но это общая причина, а ведь должна существовать и конкретная, именно та, по которой самолет упал.

- Естественно, такая конкретная причина существует. Во время следствия пилот сказал, что при выполнения фигуры почувствовал удар, и самолет перестал вращаться. Пилот выполнял глубокий вираж, когда он перекладывал самолет из одного виража в другой все это и произошло. Не буду мучить Вас основами аэродинамики, углами атаки и тангажа, просто скажу, что во время выполнения такой фигуры подъемная сила крыла практически равна нулю или что-то около этого. Многотонную машину держит в воздухе не подъемная, а центробежная сила, это, как гонки на мотоцикле по вертикальной стене, только роль стены в этом случае выполняет воздух. Перегрузка близка к максимальной, если произойдет срыв потока, то падение неизбежно, причем скорость и нагрузка на рули растут мгновенно. Пилоты почти вывели самолет из пике, но высоты не хватило.

- Так что же, по-вашему, произошло?

- Самолет сбили. Сбили, возможно, ракетой из переносного зенитно-ракетного комплекса, ПЗРК, но ракета была учебная, без боевой части, просто болванка. Она ударила в самолет в самый ответственный момент, это и привело к остановке вращения и срыву потока.

- Но откуда у Вас такая информация?

- Не знаю, возможно, я ошибаюсь, но сразу после этой трагедии в интернете появилась видеозапись, на которой видно, как некий предмет, узкий и тонкий летит в сторону самолета во время выполнения фигуры.

Появились даже комментарии, что это было НЛО. На следующий день эта запись пропала и больше никогда не появлялась. А произошло, по-видимому, вот что. Где-то недалеко, в соседней войсковой части, проходили плановые занятия по применению ПЗРК, естественно, пускать ракету никто не собирался, все получилось случайно, кто-то случайно зарядил ракету с рабочим двигателем, кто-то случайно нажал «пуск», и ракета ушла.

Правда, при пуске ракеты за ней тянется дымный след от работы двигателя, на снимке этого следа не видно, но дальность поражения ПЗРК примерно пять километров, если ракета была выпущена с большего расстояния,

двигатель уже выработал топливо, и ракета продолжала полет по инерции, но по пути встретила самолет.

- Неужели такое возможно?

- Вполне возможно. В первый раз наши доблестные ПВО по ошибке сбивают российский гражданский самолет, президент предлагает не считать это трагедией. Это цинизм, за эти слова нужно отвечать. Теперь из средств противовоздушной обороны совершенно случайно сбивают уже украинский самолет, гибнет примерно такое же количество людей, и президент, тот же Кучма, называет случившееся ужасной трагедией. Высшие силы заставили президента сказать те слова, которые он должен был сказать в первый раз.

- Но те детали, о которых Вы говорите, должны были каким-то образом всплыть, неужели, кроме Вас, на них никто не обратил внимание?

- Думаю, они всплыли, но их замяли. Ведь кто-то изъял видео из интернета. И еще, когда Конструкторское бюро Сухого, где разрабатывали этот самолет, «Су-27», предложило свою помощь в расследовании происшествия, а ведь ни у кого не вызывает сомнения, что именно специалисты этого КБ могут наиболее квалифицированно исследовать все обстоятельства трагедии, то от их помощи Украина категорически отказалась. Почему? Видимо было что скрывать. Было что-то такое, что ни в коем случае не должно было стать достоянием гласности, потому и все обломки быстро уничтожили. На них могли остаться следы от удара корпуса ракеты, да, ракета не взорвалась, если она попала в самолет, то след должен был остаться.

Есть снимок, на котором видны повреждения рулей высоты, а ведь

хвостовая часть самолета еще не коснулась земли, самолет скользит по земле, нос уже разрушился, из него вырывается дым, сейчас самолет перевернется и взорвется, все те люди, которых Вы видите на снимке, еще живы, через секунду они умрут. Страшная трагедия.

Проще всю вину свалить на пилотов, а обо всех деталях забыть.

- Часто вспоминают то обстоятельство, что самолет имел полную заправку топлива и был слишком тяжел для выполнения пилотажа.

- А вот это уже отговорки. Пилоты имели достаточно высокую квалификацию, да и потом, ведь это же истребитель, а не тяжелый транспортник, который может сесть только выработав часть топлива в полете. Истребитель должен выполнять все фигуры пилотажа с полной заправкой и полным боекомплектом, ведь с пустыми баками на боевое задание не летают.

Пролив Дьявола

Нужно еще было попрощаться с Мари, но Фицрой никак не мог решиться сказать ей, что завтра он покинет ее и, скорее всего, навсегда. Губернатор поселил Мари в восточном флигеле, имеющим отдельный вход с улицы, и когда ворота резиденции губернатора закрывали на ночь, то Мари могла беспрепятственно выйти за пределы здания, воспользовавшись выходом, ключ от которого был только у нее и у губернатора.

Фицрой подошел к восточному флигелю с улицы и постучал в дверь. Сперва ему никто не ответил, затем послышались тихие шаги, и голос Мари спросил:

- Кто?

- Капитан Фицрой, откройте, Мари, я хотел бы поговорить с Вами, простите за столь поздний визит.

На самом деле было еще не так и поздно, но губернатор свою работу уже закончил, он отпустил Мари, ворота центрального входа были заперты, хотя солнце еще высоко висело над горизонтом, оно нависло над Двуглавой горой, расположенной на западе острова.

- Боже мой, капитан! Я уже думала, что Вы не придете сегодня, – ответила Мари, отворяя дверь. – Простите, что заставила Вас ждать, я была в саду, ухаживала за розами. У де Ладье такие прекрасные розы, хотите на них взглянуть?

- Конечно, Мари, буду рад, если Вы мне их покажете.

- Идите за мной, капитан.

Они прошли коридором флигеля и вышли во двор, Мари повела Фицроя в сад, где росли кусты роз, оставшиеся от прежнего губернатора. Поскольку садовника у де Ладье не было (роль его при прежнем губернаторе исполнял секретарь, который покинул остров вместе со своим господином), то эти великолепные цветы оказались в довольно запущенном состоянии. Мари прилагала все усилия для того, чтобы розы эти приобрели прежнюю красоту.

- Не правда ли, капитан, они прелестны, эти цветы, особенно вот те, желтые.

- Говорят, желтые цветы принято дарить в день разлуки, – печально глядя на Мари, произнес Фицрой.

Мари вздрогнула, лицо ее приобрело тревожное и грустное выражение.

- Вы покидаете меня, капитан? Я знала, что когда-нибудь это случится, но не думала, что это будет так скоро. Неужели, мы больше никогда не увидимся?

- Я мог бы сказать Вам, Мари, что покидаю Вас ненадолго, что обязательно вернусь, но я не хочу Вас обманывать. Я не знаю, что ждет меня, и смогу ли когда-либо вернуться на этот остров, обстоятельства складываются так, что, возможно, мне придется поменять и название корабля и свое имя, чтобы никто и никогда больше не вспомнил обо мне. Адмирал Бэкон не оставит меня в покое до тех пор, пока я жив. Но что бы ни случилось со мной, я всегда буду помнить о Вас, Мари, и если судьба предоставит мне такую возможность, я вернусь сюда, вернусь обязательно, но прошу Вас, Мари, не ждите меня и не надейтесь на встречу. Устраивайте свою судьбу, я уверен, Вы найдете свое счастье.

- Я буду ждать Вас, Фицрой, буду ждать и дождусь, сколько бы ни прошло времени, хоть вся жизнь пройдет, но я обязательно дождусь Вас, помните об этом, капитан.

- Я буду помнить, я всегда буду помнить о Вас, а сейчас прощайте, прощайте, Мари, и прошу Вас, не провожайте меня.

Фицрой повернулся и пошел, он шел не оглядываясь, зная, что Мари со слезами на глазах смотрит ему вслед, он чувствовал ее взгляд, чувствовал, но не смел обернуться.

- Прощайте, капитан! – крикнула Мари, когда он вышел из флигеля, она подбежала к решетке ограды, чтобы последний раз взглянуть на него.

Джеймс Фицрой всю ночь не сомкнул глаз, он ходил по палубе кораб-

ля, вглядываясь в ночное небо, стараясь понять, какая погода ожидает его с самого утра, он продумывал еще и еще раз каждое свое действие, каждую команду, которую он будет отдавать штурману, рулевому, матросам.

Ночь, короткая и черная, утыканная острыми колючими звездами, подходила к концу, небо светлело, наступал рассвет, просыпался ветер. Фицрой скомандовал «подъем». На корабле, тихо дремавшем в предутреннем сумраке, все пришло в движение: матросы взвились по вантам на реи, разворачивая паруса, заскрипел кабестан, наматывая канат, освобожденный на причале, звучали команды, короткие, как выстрел – все стояли по своим местам, «Габриэла» выходила в море.

Фицрой стоял на корме у рулевого, а штурман, Дэниель Маклорен, находился на баке, чтобы корректировать направление, выдерживая его точно на скалу Трех Негодяев. Фицрой взял курс на выход из бухты, и адмирал, разглядывая в подзорную трубу выходящую из бухты «Габриэлу», отдал канонирам команду зарядить пушки и зажечь пальники, он уже предвкушал, как расправится с Фицроем, послав его корабль на дно бортовыми залпами с двух сторон одновременно.

Неожиданно для него, «Габриэла» отвернула влево, устремив свой бег прямо на скалу, одиноко торчащую из воды, лорд Бэкон никак не мог понять, что означает этот маневр, он решил, что Фицрой лавирует, идя против ветра, и скоро он должен переменить галс, но время шло, а «Габриэла» продолжала упрямо идти на скалу Трех Негодяев. Еще несколько секунд и корабль просто врежется в скалу.

Фицрой ждал, когда течение подхватит «Габриэлу» и унесет в сторону от скалы, уже ему начало казаться, что бушприт скребет по камням, он вот-вот сломается, рулевой с безумными глазами налег на штурвал, чтобы отвернуть от скалы, но Фицрой скомандовал: «Так держать! Влево не ходить!». И тут он заметил, что скала Трех Негодяем начала, сперва медленно, затем все быстрее, смещаться вправо, корабль боком входил в пролив.

«Право на борт!», – крикнул Фицрой рулевому, и тот завертел штурвал вправо, что, казалось, противоречит здравому смыслу, но именно это и спасло «Габриэлу» от водоворота, который уже начал разворачивать корабль влево, воронка его, скользнув вдоль борта, исчезла за кормой.

С той стороны, где находилась эскадра, блеснул огонь, появилось облачко дыма, и тяжелый вой летящего ядра разорвал воздух. Фицрой обернулся, но не выстрел привлек его внимание, он смотрел на удаляющуюся скалу

Трех Негодяев, чтобы отдать команду переложить руль, когда расстояние до нее составит один кабельтов. Ядро ударило в корму, раздался грохот взрыва и осколок пронзил грудь капитана, он успел подать команду переложить руль и выровнять корабль. «Габриэла» спокойно вошла в пролив, течение подхватило ее и понесло к противоположному берегу острова. Капитан Фицрой увидел, что все хорошо, маневр удался, он попытался вдохнуть свежий ветер, что наполнял паруса корабля, но острая боль пронзила грудь, свет померк, наступила тьма.

Записки капитана Фирсова

Январь 2004 года

Вот и Новый год наступил. Когда-то я очень любил этот праздник, на душе было торжественно и радостно, мы наряжали елку, смотрели по старому черно-белому телевизору новогодний огонек и верили, что следующий год обязательно принесет счастье. Теперь все не так, каждый новый год приносит все больше огорчений и бед, с каждым годом прошедшим с болезненной ясностью понимаешь, что еще один год жизни ушел, что их становится все меньше и меньше, года текут, убегают стремительно, и удержать их ничем не возможно.

Не знаю, устраивали ли в больнице для пациентов праздник с елкой и новогодним концертом, я по-прежнему оставался в заточении, к общению с другими больными меня не допускали. Чтобы хоть как-то скрасить мое одинокое существование, Мария Петровна принесла ко мне в палату маленькую пластмассовую, украшенную блестками, елочку. Я посмотрел на нее, и слезы навернулись на глаза.

- Спасибо, Мари, – тихо произнес я, впервые назвав ее по имени, вернее, именем той далекой девушки, что спасла меня, капитана Фицроя, от петли, и которую я вынужден был оставить одну на небольшом, затерянном в океане острове. Где она, что с ней стало, как сложилась ее судьба? Мне это не известно. Узнала ли она, что ее капитан пал, сраженный осколком ядра?

- Вы назвали меня Мари? Это имя той девушки, о которой Вы мне рассказывали?

- Да, простите, это вырвалось случайно, мне показалось, что Вы – это она, простите.

- За что Вы просите прощения, мой капитан? С тех пор, как я узнала

Вас, мне неоднократно приходила мысль, что мы с Вами уже где-то встречались, давно, очень давно, в той, прошлой жизни. Но та девушка, она сумела спасти Вас, а я не могу, не могу даже побег Вам организовать, отсюда вырваться невозможно, это наверное хуже, чем тюрьма.

Я сделал шаг ей навстречу и остановился. Нет, между нами нельзя сократить расстояние, она врач – я пациент, мы живем в разных реальностях, и мне нельзя поддаваться нахлынувшим чувствам.

Как-то сразу после Рождества, которое мы провели вдвоем в моей палате, она вошла раскрасневшаяся и возбужденная, на лице ее я впервые увидел улыбку.

- У Вас появилась возможность в скором времени покинуть эти стены! Вы совершенно здоровы, в этом нет сомнений ни у кого, заключение Ваше имеет политические причины, но теперь все изменилось. На днях к Вам придут, представитель высшего командования и депутат Верховной Рады. Если Вы ответите на их вопросы так, как им нужно, Вас выпишут.

- Что же нужно ответить? То, что говорит мой сержант?

- Нет-нет, все уже изменилось, обвинить Россию в том, что это ее средства ПВО сбили Ваш самолет, не удалось. Опубликованы снимки из космоса, где ясно видно, откуда стартовала ракета, сбившая Вас. От Вас хотят услышать, что все произошло случайно, непреднамеренно. Ваш бомбардировщик по ошибке спутали с учебной целью, которая шла тем же курсом, на той же высоте. Вы должны сказать, что ракета был одна, только одна, понимаете? Первой ракеты, от которой Вам удалось уйти, не было. Просто не было. Вы скажете, что Вам разрешили идти в Адлер и приземлиться в российском аэропорту, Вы изменили курс, и он, по нелепой трагической случайности совпал с курсом учебной цели.

- Я согласен подтвердить, что первой ракеты не было, скажу и то, что в Адлер мне идти разрешили. Я не хочу никого обвинять в том, что сбили нас преднамеренно, Бог им судья.

- Вот и хорошо, я верю, что Вы скоро покинете это учреждение, и мы вместе отпразднуем Ваше освобождение.

Я не был до конца уверен в том, что меня выпустят отсюда, даже если я скажу все то, что от меня хотят услышать, в любом случае, я остаюсь опасным свидетелем. Всегда может найтись какой-нибудь падкий на сенсации журналист, который попытается вытянуть из меня то, что никому еще не известно. Могут, конечно, и освободить, но потом... Как говорил старина Билли Бонс, мертвые не кусаются.

Однажды утром ко мне ворвалась медсестра с чистым бельем, новым халатом и туалетными принадлежностями.

- Приведите себя в порядок, сейчас к Вам придут гости.

Едва я успел побриться и семенить одежду, как дверь палаты отворилась, и ко мне вошли: адмирал в белом кителе с золотыми погонами и хрупкая, но уверенная в себе, с цепким колючим взглядом, молодая женщина в строгом темном костюме, за ними толпилась стая телевизионщиков с камерами и софитами. Они быстро развернули свое оборудование, вспыхнул яркий свет, и девушка с необыкновенным макияжем, придающим лицу ее резкую до неестественности контрастность, и микрофоном в руке бодрым голосом начала разговор, глядя в камеру.

- Сейчас мы находимся в палате клиники, где проходит лечение капитан ВВС Андрей Николаевич Фирсов, командир бомбардировщика, потерпевшего катастрофу над Черным морем во время совместных учений с войсками блока НАТО, членом которого в самое ближайшее время станет и наша держава. Российские средства массовой информации распространяют гнусную ложь о том, что, якобы, бомбардировщик, выполнявший ответственно задание, был сбит украинской ракетой преднамеренно, по приказу адмирала. Здесь, с нами, представитель высшего командования военно-морского флота Украины, адмирал Пацюк, которого Россия обвиняет в этом чудовищном преступлении, и народный депутат Верховной Рады Украины, Инга Тищенко. Сейчас мы узнаем правду из первых уст, правду, которая так не выгодна нашим противникам.

Она передала микрофон женщине-депутату, та, взяв микрофон в правую руку, левой сделала жест, будто поправляет колье, висящее у нее на груди, хотя ни колье, ни ожерелья на шее у нее не было. Жест этот показался мне удивительно знакомым. Где я мог видеть этот жест? Взгляд, поза, положение головы, движения рук – всё это где-то когда-то уже было, но где, когда и у кого я мог видеть их? Я перевел взгляд на адмирала, он повел головой, словно стряхивая с плеча локон парика или прически, хотя никакого парика на нем не было, да и от прически остались лишь далекие воспоминания, он был лыс, и только седые виски еще сохраняли остатки волос. Движения адмирала показались мне тоже ужасно знакомыми, я всмотрелся в их лица и обомлел – передо мной стояли лорд Бэкон и леди Инесса. Я уже не слушал, что они говорят, о чем спросили, я стоял оцепенев, и молчал.

- Что же Вы молчите, капитан? – спросила девушка с ярким макияжем на лице, мы хотим знать правду, надеюсь, Вы поможете нам развеять ту бес-

совестную ложь, которую распространяет российское телевидение?

- Вы хотите правду, Вы? Зачем Вы явились сюда, лорд Бэкон, лорд-адмирал, предавший своего офицера? А Вы, Вы, леди Инесса? Что на этот раз Вам от меня нужно? Преступные действия адмирала – это скандал, международный скандал, а ошибка капитана – это просто ошибка, недоразумение, так? Этого хотите Вы от меня? Но все это уже было, было, тогда, триста лет назад, чего же опять хотите Вы от меня? Вы хотите правды? Вот она! Тогда, несколько столетий назад, Вы, адмирал, отдали приказ потопить французский корабль, сегодня Вы приказали сбить мой самолет, чтобы никто не узнал о планах Ваших совместных с НАТО учений. Такую правду Вы хотите? Нет? Но это правда, чистая правда, и другой правды не будет! Потому, что правда одна, это ложь многолика, а правда только одна, и ничего другого от меня Вы не услышите. А сейчас убирайтесь вон! Все! Убирайтесь навсегда из моей жизни!

Наступило замешательство, лицо адмирала перекосилось, рот леди скривился в презрительной гримасе, а девушка, вырвав микрофон из ее оцепеневшей руки, громко сказала:

- Уважаемые телезрители, к большому сожалению, Андрей Николаевич еще не совсем здоров, у него снова началось раздвоение личности, он мнит себя капитаном королевского флота, называет себя именем, которое взято им из известных пиратских романов Стивенсона. Видимо, ему еще предстоит длительный курс лечения. Пожелаем нашему герою скорейшего выздоровления, до новых встреч.

Все поспешно покинул палату, наступила тишина. Дверь снова распахнулась хлопком, похожим на выстрел, и ко мне, вся в слезах, влетела Мария Петровна. Она бросилась мне на грудь и зарыдала.

- Боже мой! Боже мой! Что Вы натворили! Что Вы наговорили им! Вы понимаете, что теперь Вам уже никогда не выйти отсюда!

Я понимал, я прекрасно все понимал, но я просто не мог поступить иначе, я не мог унизиться перед этими людьми, вообразившими себя хозяевами жизни, даже если ценой этого унижения была моя свобода.

Мария Петровна

Никогда не думал, что судьба меня снова сведет с Марией Петровной, прошло немало времени со дня нашей встречи в самолете, около десяти лет, я

уже написал повесть на основе записок капитана Фирсова, но отложил ее, чувствовалась какая-то незавершенность, записи Андрея Николаевича обрывались неожиданно после визита адмирала. Я знал, что человека этого больше нет в живых, но закончить повесть последней записью в его дневнике я не мог, нужна была еще какая-то информация, которой у меня не было. Я обращался в лечебное учреждение, надеясь уточнить судьбу моего героя, но поскольку я не являюсь ему родственником, то никаких сведений получить мне не удалось. Пытался расспросить сотрудников о Марии Петровне, но фамилии ее я не знал, персонал клиники сменился, и никто не мог вспомнить, кто такая Мария Петровна.

И вот однажды увидел я объявление на щите возле городского сада на углу улиц Преображенской и Пастера, где обычно размещают театральные афиши: «Сегодня, в 18.30, в актовом зале медицинского университета состоится лекция М. Спиридоновой «Реинкарнация. Наблюдения, исследования, факты». Приглашаются все желающие. Вход свободный». С этой темой была связана моя неоконченная повесть, и я решил пойти на лекцию. Каково же было мое удивления, когда увидел, что лектором является та самая Мария Петровна, которую я безуспешно пытался разыскать. Теперь она преподавала в медицинском университете психиатрию.

Мария Петровна спокойно и неторопливо заняла место лектора за кафедрой, поправила микрофон, раскрыла папку с заметками и, подняв глаза, обвела взглядом слушателей. Из зала на нее смотрели с интересом и недоверием, тема лекции, казалось, балансировала на грани мистики, шарлатанства, восточных религий и наукообразия. Но с первых же слов она шаг за шагом открывала перед нами удивительный мир, в речи ее не было ни наукообразной терминологии, призванной произвести впечатление научности, ни упоминаний о «карме», «йоге» и прочих модных словечек, говорила она просто, ясно, и некоторые чувства наши, непонятные и необъясненные, в словах ее обретали новый смысл.

Если на привычные, знакомые нам еще со школы теории, взглянуть под другим углом, то может открыться нечто новое, то, о чем раньше мы даже и не задумывались. Теория эволюции Дарвина знакома всем, но если допустить, что эволюция – это не цепь случайностей, а процесс управляемый, и то, что плоть и душа – единое целое, то в процессе эволюции должна участвовать и душа, ведь у простейших форм жизни и у высших ее проявлений и души различаются. Тогда явление реинкарнации можно понимать, как процесс эволюции души, при этом новый вид живых существ возникает тогда,

когда душа в этом виде исчерпала возможности совершенствования.

В странах Востока религия признает реинкарнацию, на Западе она подобные явления отвергает, но ученые пришили к выводу – случаи, когда люди вспоминали эпизоды своей прошлой жизни, не так уж редки, причем как на Востоке, так и на Западе. Наше сознание возникает при рождении и формируется в течение всей жизни, но существует еще и подсознание, оно приходит к нам из глубин веков, оно помнит всё, все предыдущие жизни, все наши прежние радости и печали, но они недоступны сознанию, и потому нам кажется, что мы не помним о них. Но иногда какие-то далекие видения из прошлой жизни всплывают из глубин подсознания, произведя на нас странное и необъяснимое впечатление, мы останавливаемся, застыв на минуту, пытаясь разгадать некую тайну, пришедшую к нам неведомо откуда, но проходит минута, вторая, затем пролетает день, и видения эти тускнеют, тают и забываются.

Дети в большинстве своем помнят картинки из некой иной жизни, некоторых преследуют необъяснимые страхи, никак не связанные с их небольшим жизненным опытом, иные рассказывают родителям о якобы пережитых ими событиях, которые родители считают вымыслом, детской фантазией. А под воздействием гипноза любой человек может вспомнить о своих прошлых жизнях. Интересно и то, что люди, вспоминавшие о своей прошлой жизни, чаще всего рассказывали, что их предыдущая жизнь проходила в тех же местах, в которых они живут теперь. В этом смысле, воспоминания Андрея Николаевича были не совсем обычны, и, несомненно, представляли особый интерес, но о капитане Фирсове в лекции Марии Петровны не было сказано ни слова.

Я подошел к ней после лекции, и она сразу же узнала меня.

- Ну что, пригодились Вам записки Андрея Николаевича, или Вы уже забыли о них? – спросила она, когда мы вышли с территории медицинского университета.

- Пригодились. На основе этих записок я написал повесть, она так и называется, «Я был капитаном Фицроем», но она не завершена, я остановился на последней записи из его дневника. Что произошло дальше с героем моей повести? Вы говорили, что он умер, но как и когда, я не знаю. Получается незавершенная история, я пытался разыскать Вас, но безуспешно. В клинике об Андрее Николаевиче тоже ничего узнать не смог. Кстати, в своей лекции Вы не упомянули о нем.

- Я не говорила Вам, что Андрей Николаевич умер, я сказала, что его

нет в живых.

- Разве это не одно и то же?

- Не хотела об этом рассказывать, его убили. Застрелили через неделю после визита адмирала. Кто и как это сделал, неизвестно. Палата была закрыта ключом, а он лежал на кровати с простреленной головой, была еще и рана на груди, я успела заметить, я ведь первой вошла в палату. Пистолет лежал рядом, на полу, милиция оформила все как самоубийство, но откуда у него могло оказаться оружие? Почему пистолет лежал стволом к нему, а не от него, если он выпал из его руки? Есть ли на нем отпечатки его пальцев? Почему выстрелов было два? Разве можно застрелиться двумя выстрелами? Все эти вопросы я задала следователю, и он ответил, чтобы я забыла о том, что видела, поменьше болтала языком, иначе вполне возможно, что и меня найдут где-нибудь с простреленной головой. Следователь сам боялся, он получил указание оформить все как самоубийство, больше мне ничего не известно. На следующий день я написала заявление об увольнении, и с тех пор в клинике не появлялась. Теперь Вы понимаете, почему я на лекции ничего не говорила о капитане Фирсове?

- Да, понимаю. Он оказался неудобным свидетелем. Во всем телевизионщики виноваты, хотели сенсации. Это был прямой эфир?

- Насколько я понимаю, да.

- Но почему? Могли бы сначала снять, потом в эфир пустить. Этим прямым эфиром они приговорили его. Наверняка нашелся бы журналист, который попытался бы взять у него интервью. Именно этого боялись те, кто стоит у власти. Ну а как Ваши поиски там, на островах Карибского моря?

- Хотите знать, удалось ли мне обнаружить следы той девушки? Я расскажу, идемте ко мне, я живу здесь неподалеку. Угощу Вас особым чаем, оттуда привезла, с островов, заодно и расскажу.

Я согласился. Мы прошли несколько кварталов и свернули в небольшой уютный дворик в окружении трехэтажных домов, сложенных из серого камня-ракушечника. Посреди двора расположилось сооружение, которое, вероятно, когда-то давно было фонтаном. Дно его, окруженное бордюром из дикого необработанного камня, поросло травой, в центре сооружения высилась груда таких же камней, из них, скорее всего, и бил фонтан. Вся площадь двора была вымощена каменными плитами, а через щели между ними пробивалась трава. Справа, в углу двора, виднелась каменная колонка, побеленная известкой, из которой торчал крючком водопроводный кран.

Мария Петровна направилась к деревянной лестнице, ведущей на от-

крытую террасу, выкрашенную синей краской, местами облупившейся затейливыми завитушками, обнаруживая под собой множество слоев прежней краски неопределенного цвета. Ступени лестницы были стерты сотнями ног нескольких поколений, они скрипели и пошатывались при каждом шаге, но Мария Петровна шла по ним легкой уверенной походкой. Деревянные перила лестницы и террасы были отполированы так, что краска с них давно сошла и сохранилась лишь в неглубоких канавках, бегущих двумя параллельными линиями у кромок перил.

Пройдя до конца террасы, мы уперлись в дверь, ведущую в жилище Марии Петровны. Она, открыв дверь ключом, пропустила меня и вошла в помещение. Помещением этим оказалась веранда, заставленная тазами, мисками и прочей утварью, за ней следовала кухня с тремя газовыми плитами и тремя столами, из чего следовало, что жила Мария Петровна в коммуналке. Наконец, проследовав длинным полутемным коридором, мы попали в комнату, небольшую уютную с окном, выходящим на улицу.

Обстановка в комнате была весьма скромной, в углу стояла старая железная кровать с хромированными шариками на спинках. Кровать была аккуратно заправлена, у изголовья вертикально, углом, стояла высокая подушка, покрытая кисеей. Напротив кровати стоял сервант из потемневшего от времени дерева, по углам серванта лежали две вышитые салфетки. У окна находился стол с гнутыми ножками, накрытый скатертью, а у стола два стула с высокими резными спинками.

- Присаживайтесь, – сказала Мария Петровна, отодвигая один из стульев, – я сейчас чай сделаю.

Она достала из серванта две зеленые чашки, фаянсовый заварочный чайник, вазочку с конфетами и тарелку с пирожными. Взяв чайник, она ушла на кухню и через некоторое время вернулась с чайником, из которого доносился необычный аромат чая.

- Вот, попробуйте, такой чай выращивают только там, он еще ароматизирован травами, которые нигде больше не растут, – сказала она, разливая чай по чашкам.

- Замечательный напиток, – ответил я, сделав небольшой глоток из своей чашки.

- Правда? Рада, что Вам понравилось. Хотите знать, что мне удалось выяснить на островах?

- Да, конечно.

- В Штатах меня встретила моя коллега, врач-психиатр, доктор наук

Луиза Рене. Она, как и я, занимается вопросами реинкарнации, но уже достаточно давно, живет она на том самом острове, о котором писал Андрей Николаевич в своих заметках. Мы отправились туда на теплоходе, там оказалось все так, как я себе и представляла, как рассказывал Андрей Николаевич, только пролив этот уже стал безопасным для плавания. Дно расчистили, скалы, из-за которых образовывался водоворот, взорвали. Теперь в пролив свободно входят и лодки, и прогулочные катера. Луиза поселила меня у себя, хотя в городке и есть небольшая гостиница, она настояла на том, чтобы я остановилась в ее доме.

Мария Петровна задумчиво посмотрела в окно.

- Что же Вы чай не пьете? Остынет совсем, вот, пирожное берите.

Теперь немного изменим форму повествования, нет смысла передавать содержание нашей беседы словами Марии Петровны, давайте покинем стены тесной коммунальной квартиры, перенесемся на далекий остров в теплых морях и посмотрим на происходящие там события, как бы со стороны. Почему именно так? Считайте это просто прихотью автора, существуют несколько форм повествования, каждая имеет как свои возможности, так и свои недостатки. В данном повествовании уже не раз приходилось менять форму, поскольку те отрывочные заметки, которые оказались у меня, не оставляли иного выбора, не беда, если сменим ее еще раз.

Мы остановились на том, что Луиза Рене пригласила Марию Петровну в свой дом, который расположился на невысоком холме у самого берега бухты. Когда-то в этом доме находилась резиденция губернатора острова, с тех времен практически ничего не поменялось во внешнем облике дома, разумеется, внутренние помещения неоднократно перестраивались. Луиза поселила Марию Петровну в тот самый флигель, в котором несколько веков назад жила девушка по имени Мари, следы которой пыталась разыскать Мария Петровна. Мария Петровна даже не догадывалась о том, почему Луиза так настойчиво уговаривала ее остановиться именно в этом доме.

Луиза Рене была значительно старше Марии Петровной, недавно ей исполнилось семьдесят два года, но, несмотря на свой возраст, выглядела она стройной, смуглая кожа лица не была отмечена печатью прожитых лет. Луиза была бодрой, подвижной, и, проводя свои исследования, постоянно путешествовала по различным странам и континентам. Детально изучив историю капитана Фицроя по письмам Марии Петровны, Луиза Рене поняла, что интерес ее русской коллеги к той далекой девушке основан не только на просьбе Андрея Николаевича. Перед тем, как поселить ее во флигеле своего дома,

она постаралась сделать так, чтобы обстановка комнат как можно более походила на ту, что была здесь в те, далекие от нас, времена. Разумеется, никаких документов, описывающих обстановку в доме в те времена, Луиза найти не могла, помог ей в этом местный рыбак по имени Эдмон Коше.

Дело в том, что этот простой рыбак считал, что когда-то давно он был губернатором этого острова, и звали его Жаком де Ладье. Вы скажете, что таких случайностей не бывает, что это просто выдумки автора, ход типа, «а в кустах стоял рояль», но не так все просто, поверьте, и никакой случайности тут не было. Луиза Рене, проводя свои исследования, особое внимание обращала на детей, часто их детские фантазии были вызваны внезапно всплывшими в памяти эпизодами из прошлой жизни. Иногда в детстве нас посещают неясные видения, странные воспоминания, сны, какие-то предметы, картины, явления природы вызывают необъяснимые чувства, то ли странную, недетскую грусть, то ли непонятную радость. Со временем эти воспоминания тускнеют, забываются, и уже не вызывают тех непонятных ощущений, что так тревожили нас в раннем возрасте. Кто знает, может быть, это и есть отголоски той, прошлой жизни, в которой осталось что-то не решено, не закончено, не понято? Луиза проводила занятия с детьми, чьи родители не возражали против участия своих детей в серьезном научном эксперименте, строились занятия эти в непринужденной форме игры. Пользуясь методикой, ей лично разработанной, Луиза отбирала детей, чьи фантазии казались проявлением памяти о прошлой жизни, работала с этими детьми и помогала им вспомнить то, что было в их жизни еще до их нынешнего рождения.

Одним из таких детей и оказался Эдмон Коше. Луиза Рене работала с каждым ребенком из своей группы, дети взрослели, но воспоминания не угасали, как это бывает обычно, а, благодаря постоянной работе с ними, обретали черты реальности, небольшие фрагменты мозаики складывались в цельную картину далекой, прошлой, но реальной жизни. Луиза задумала большой проект, разработанная ей методика давала возможность уточнения темных сторон истории на основе реальных воспоминаний свидетелей. Она общалась со многими исследователями во всем мире, восстанавливая истину исторических процессов на основе рассказов участников событий, живших в разные времена в разных концах планеты. Получив письмо Марии Петровны с описанием случая с Андреем Николаевичем Фирсовым, она сразу же вспомнила о Эдмоне Коше. Это был не первый случай в ее практике, когда единой нитью соединялись воспоминания прошлой жизни самых разных людей.

Луиза провела Марию Петровну во двор, слева от калитки за чугун-

ной оградой находился цветник, затем она показала гостье дом, спальню, столовую и прочие помещения, пожелала приятного отдыха и ушла. Прислуги в доме не было, как в те далекие времена, когда здесь проживала скромная девушка по имени Мари. Марию Петровну поразила обстановка, весьма далекая от современности, и какое-то странное, неведомое прежде чувство охватило ее, что-то пробудилось в ней, нет, не в памяти, а где-то в глубине души возникло нечто необыкновенное, что невозможно описать словами, похожее на то, что возникает порой при необычном свете луны или мерцании звезд, виде бегущих по небу облаков, звуках мелодии, давно забытой, а может быть, никогда прежде не слышанной, но почему-то до боли знакомой. Все, что видела она вокруг, казалось ей странным и нереальным, но одновременно естественным и неотделимым от того чувства, что возникло в ее душе. Деревянная кровать с резным подголовником, кисея, наброшенная на подушку, картина на стене, на которой парусник боролся с волнами, небольшой столик из красного дерева у кровати, узкое высокое окно, занавешенное розовой тюлью и камин с причудливо изогнутой чугунной решеткой, два стула с высокими спинками по обе стороны от него.

Мария Петровна подошла к окну и отдернула занавеску, она знала, что там, за окном, она непременно увидит желтые розы. Ожидание не обмануло ее и не удивило, действительно, желтые розы росли под самым окном в цветнике, на который выходили окна дома. Желтые розы означали разлуку, и в самом деле, острое ощущение потери кого-то близкого сдавило ей сердце, она уже не была Марией Петровной, она ощущала внутри себя ту самую девушку, что рассталась со своим капитаном и, может быть, навсегда. Он обещал вернуться, если, конечно, будет жив, он обязательно вернется, но что-то подсказывало ей, что больше она его никогда не увидит.

Мария Петровна вышла из дома, пошла по узкой дорожке, что вела вдоль ограды дома, затем дорожка, превратившись в тропинку, повернула влево и привела ее на вершину холма. Внизу раскинулась бухта, вправо, меж двух высоких берегов блестело море, а слева одиноко торчала суровая неприступная скала Трех негодяев, прикрывающая вход в пролив Дьявола. Именно туда, в этот пролив, много лет назад на рассвете ушел корабль ее капитана. Мария Петровна ощущала себя одновременно той юной девочкой, которая ждала возвращения капитана Фицроя, и взрослой женщиной, врачом-психиатром, знавшей, что капитан уже никогда не вернется, что он пал, сраженный осколком ядра, выпущенного канониром королевского фрегата. Она долго стояла на холме и смотрела вдаль, в море, легкий ветерок развевал

ее волосы, донося шум прибоя, гудки судов и запах водорослей. Солнце уже скрылось за Двуглавой горой, длинные тени легли на воду и на город, а она все стояла и смотрела вдаль. Затем она повернулась и пошла, шла твердой уверенной походкой, несмотря на сгустившиеся сумерки, она знала хорошо эту тропу, каждый ее поворот, уже сколько лет каждый вечер ходила она этой дорогой.

Мария Петровна, вернувшись в дом, вошла в спальню, зажгла светильник, и просидела всю ночь на кровати, не расстилая постель, предавшись воспоминаниям, наплывшим откуда-то из далекого прошлого, воспоминаниям той, иной жизни, в которой была она девушкой по имени Мари, что всю жизнь ждала своего капитана. Она понимала, что встреча ее с Андреем Николаевичем вовсе не была случайной, каждый из нас однажды потеряв близкого человека, непременно встретится с ним снова, но где и когда? «Мы непременно встретимся с тобой, но только вот узнаем ли друг друга?». Что это? Откуда эти строки? Где и когда она слышала их? Она встретила своего капитана и снова потеряла, но знала, что обязательно встретит его в другой, будущей жизни.

Хлопнула дверь, потянувшим сквозняком задуло светильник, Мария Петровна вздрогнула и обернулась. В спальню вошла Луиза Рене, она взглянула на Марию Петровну и все поняла, нет, она не ошиблась, та, которую искала ее русская коллега, была прошлым ее воплощением. Мария Петровна почувствовала, она понимала, что Луиза знает все, именно потому она и пригласила ее сюда.

- Что стало со мной потом? – спросила Мария Петровна, она не уточнила, она знала, что Луиза понимает о ком идет речь.

- Об этом мы спросим Эдмона Коше, ведь он знал Вас в той, прошлой жизни.

- Где он?

- Он здесь.

- Пусть войдет.

В спальню вошел человек лет тридцати, высокий, стройный в темном костюме, он внешне ничем не напоминал рыбака.

- Садитесь, – Луиза показала вошедшему на один из стульев возле камина, и сама присела рядом, на второй стул.

- Здравствуйте, мадемуазель, – Эдмон поклонился Марии Петровне.

- Здравствуйте... – она замялась в ответе, не зная, как назвать вошедшего, в памяти назойливо вертелось «господин губернатор».

- Называйте меня просто, Эдмон, мадемуазель, это в той, прошлой жизни, много веков назад, я был губернатором этого острова, сейчас я простой рыбак.

- Скажите, мсье Эдмон, что стало с той девушкой, что служила у Вас тогда, когда Вы были губернатором? Теперь я знаю, это была я, но я не помню, не помню всего, я хочу знать, что стало со мной?

- Когда капитан Фицрой покидал этот остров, он обещал вернуться, он попросил меня, то есть, Жака де Ладье, позаботиться о Мари, если он не вернется. Он так и не возвратился, видимо с ним что-то произошло.

- Он погиб, – ответила Мария Петровна, – его убило осколком ядра, выпущенного с фрегата, когда корабль входил в пролив Дьявола. Тогда я не могла знать об этом.

- Весьма сожалею, мадемуазель, я тоже ничего не знал о его смерти. Я... простите, Жак де Ладье, старался исполнить просьбу капитана Фицроя, он находил ей богатых женихов, но она никого не хотела знать, она все ждала своего капитана. Каждый вечер она ходила на холм, стояла там до самой ночи, она ждала, что вернется корабль, который покинул бухту много лет назад, но он так и не вернулся. Потом она заболела и умерла. У нее был жар, лучшие врачи города пытались вылечить ее, но она угасала на глазах, и никто не мог ничего сделать. Один доктор, не помню его имени, сказал, что это не болезнь, она умирает от тоски, и только один человек может вернуть ее к жизни, тот которого она ждет.

- Где ее похоронили? Вы знаете?

- Да, мадемуазель, это недалеко, на старом кладбище, даже могила ее сохранилась.

- Вы проведете меня туда? Я хочу видеть эту могилу.

- Да, конечно, когда Вы хотите туда пойти?

- Сейчас.

Они поднялись по крутой тропе на склон Двуглавой горы, где находилось старое, поросшее деревьями и кустарником кладбище, забытое, неухоженное, с покосившимися крестами и разрушенными надгробиями. Эдмон уверенно шел впереди, раздвигая руками листву, пробираясь сквозь густые заросли.

- Вот она, ее могила, – сказал он, показав легким кивком на серый, покрытый мхом камень с почти стершейся надписью.

Мария Петровна долго стояла молча у камня, потом тихо произнесла:

- Такое странное ощущение, будто я стою у своей могилы.

- Но ведь, в принципе, это так и есть, в той, прошлой жизни, много столетий назад, Вы были этой самой девушкой, – ответила Луиза, – скажите, я спрашиваю Вас не как Мари, которая ждала своего капитана, а как врача-психиатра, я могу написать о Вашем случае?

- Прошу Вас, Луиза, но не как врач-психиатр, а как та девушка, что лежит под этим камнем, не пишите обо мне, все не так просто, я не могу всего объяснить, но прошу Вас, не упоминайте об этом случае в своей монографии.

Больше с Марией Петровной мы не встречались, но я слышал, что ее часто можно увидеть на причале морского вокзала утром, перед рассветом или вечером, на закате. Она подолгу стоит там и смотрит на море, не мелькнут ли паруса над волнами, не войдет ли в бухту корабль из той, прошлой, далекой жизни. Нет, с ней все в порядке, она по-прежнему преподает в медицинском университете психиатрию, ее труды опубликованы во многих медицинских журналах мира, но каждую неделю приходит она на причал и подолгу смотрит в море.

Она знает, что корабль, уплывший от нее много веков назад, уже никогда не вернется, что того, кто был в ее прошлой жизни капитаном Фицроем, уже нет в живых, но живет в нас что-то такое, что называют мечтой, живет до самой старости, до седин, даже, когда нет никакой надежды, продолжает жить и тогда, когда мы уже окончили земной путь.